

Александр Марков

**ТАНКРЕД,
ИЛИ
ВЕК КРЕСТОНОСЦЕВ**

(хроника эпохи человек)

*Закат Вифлеема окрашен багровым,
И пятнами крови торчат облака.
Под черную музыку, шагом крестовым
По городу тащится с криком толпа.*

«Крест взял наряду с остальными близкий к Боэмунду его двадцатилетний племянник Танкред — безудельный и потому особо воинственный рыцарь, несомненно храбрый (хронист Рауль Каэнский уподобляет его отвагу львиной), но алчный авантюрист, заносчивый, хитрый и совсем лишенный качеств военачальника, настоящий сорвиголова».

М. А. Заборов «Крестоносцы на Востоке»

ПРЕДИСЛОВИЕ ПЕРВОЕ

Стирая пыль со старых дат,
Я вижу мир, что канул в Лету,
Но бродит призраком по свету,
Являясь в притчах и томах.
Он весь из розовых заплат,
Что выцвели от бурь и плах.
А мир сегодня — мир другой,
Чем тот, что вышел на покой.
Но так похожи в царстве слез
И первый, и двадцатый век...

ПРЕДИСЛОВИЕ ВТОРОЕ

Века, века! Идут чередой.
Как люди: молча и устало
Дорогой крови и металла.
Чем старше век, тем больше слез!
Как будто мало под Звездой
Тепла для всех... Нет, больше звезд,
Тех, что рассчитаны для плеч,
На китель, на мундир, на френч,
Безумно жаждет человек.
И так похожи в мире гроз
И первый, и двадцатый век.
И даже время не смогло
Все человеческое зло
С корнями вырвать навсегда...

ПУСТЫНЯ

Ite!

I

Не слышен больше звон мечей.
Не мчится конь хрипящий в битву,
И у креста поют молитву
При немигающих огнях.
А пламя восковых свечей,
Как пламя факелов в боях,
Мерцает отсветом тревожно,
И наше время осторожно
Уходит, не прощаясь, прочь.
И вот, на заспанных полях
Взрывается рассветом ночь.
Сменился век! И вместо слов —
Гортанный гул колоколов,
Под жесткий шаг и стон копыт.
Зарею небо кровотоць! —
Склонившись пред крестом бурлит
Живой поток, знаменья ждет:
Что небо им в поход пошлет?
И вот он, знак, в сей жуткий час —
Кровавым горизонт омыт.
Ликует сталь. Зловещий глас
Предрек на много лет вперед
Европы роковой поход.
И красный отблеск льда в глазах
Под крики — Боже! Помни нас! —
Венчают ненависть и страх.

II

Пустыни дикой страшен гнев,
Когда покой ее растоптан.
Кто смел дерзнуть! Вон, валят оптом
На лошадях, без лошадей

Колонны, толпы — Черный нерв
Грядущей гибели людей.
И первый взнос взяла пустыня:
Ржавеет небо, солнце стынет,
Взметнулась смерчем гладь песка
— Хоть умирай, хоть сатаней!
Победа бури уж близка.
Врасплох застигнутый поход
Трубит войскам своим отход.
Но раскаленный злобный шквал
Хохочет громче у виска,
Кто держится, а кто — упал.
Пусть так, не стоит тратить силы,
Чтоб рыть бесславные могилы
Стихия все свершит одна...
Под вечер смолк кошмарный бал
И смерти дань не так видна.
Прочь! Прочь от этих страшных мест
Домой, в объятья жен, невест!
Но вздыбил конь, на стремянах
Взметнулся всадник из седла:
«Эй, вы, кого ужалил страх!
Не терпится домой, к корыту?
А клятва у креста — Забыта!?
Господь нам испытанья шлет,
Святой взывает к мести прах».
И этих слов был жуток лед.
Затихло войско в размышленье:
Но буря? — Не к добру знаменье,
А может мира ждет Господь?
Неистов рыцарь: «Псы, вперед!
Мы — дети веры, кровь и плоть!»

III

Кто сей безумец и смельчак,

С речами, годными прелата,
В простых и потускневших латах,
Но с дерзким взглядом, как огонь,
И силой, зреющей в плечах?
Под ним дрожит красавец конь,
Укрытый рваною попоной.
- Что за набор орла с вороной?
Одеждой нищ, осанкой — гранд...
Игрок судьбы, сорвавший кон?
Хитрец, провидец иль талант?
Он — юн, бесстрашен, зол и груб,
Упрямя, наивен, но не глуп —
Сподвижник воинства Христа...
Стоят и ждут его команд,
Как там, в Клермоне, у креста
(Не роковое ль совпадение?).
Сей рыцарь, словно наважденье,
Взывая к Богу, звал на смерть.
И там, и здесь; как дым костра,
Как душу хлещущая плеть, —
Он неизбежен и ужасен,
Непредсказуем и опасен.
Он — дьявол и герой тех лет.
Такие были, будут впредь, —
Иконы войн... Их тяжкий свет
Уносит в битв минувших сцены,
От Одиссея до Скорцени
Амвон святых исчадий зла,
И дальше чем от нас их след,
Как то ни странно, тем молва
Восторженной и благозвучней
(Нимб от потомков все ж сподручней,
Чем современников топор)
И сыплет сладкие слова,
Где истиннее — приговор.
Людская память тем печальней,
Чем к злу терпимей и лояльней.
И льется, льется, льется кровь,
И мчится мир во весь опор

Навстречу тьме из тьмы веков...
Ночь уступает трон восходу.
С рассветом (решено!) походу
Начертан путь один — Восток!
Под поминальный скрип песков
Пошел, пошел живой поток.
И гордый рыцарь там. Надменно
Зрит на идущих, как на пленных.
Набат Клермона вновь звучит,
Воспрял похода злой пророк,
Где меч в руках — добро молчит.

IV

Угрюм и хмур граф Боэмунд –
Вожак всей крестоносной стаи, -
Сражений нет, а войско тает,
И сам он стал похож на тень,
И опухолью зреет бунт.
Ни ветерка. Четвертый день
Нешадно солнце жжет пустыню,
Уж не молитва бред латынью
Срывается с иссохших уст.
Песков и тих, и страшен плен,
А горизонт уныл и пуст.
В выси кружит стервятник сытый,
Другой вон там, барханом скрытый,
Терзает (Боже!) новый труп.
Отводит граф глаза: И пусть
Таков удел, кто слаб и глуп –
Война – не повод для прогулок.
Играет злость в запавших скулах:
«Жара и жажда сломят нас,
Где ты, Господь, неужто глух
К своим защитникам сейчас,
Когда их хрипы тонут в зное
И алчущем шакальем вое?
Яви свою нам благодать

И заступись в недобрый час...».
Меж тем рдеющая рать
Ползет с тоскливою надеждой,
Что рай небесный уже брезжит,
А на земле спасенья нет.
Путь обреченных – умирать,
Поход вступил в предсмертный бред:
Там всадник нож в коня вонзает,
Губами к ране припадает,
Там, стыд презрев, рожать ползут.
Но нет воды и скуден хлеб –
Новорожденных просто жгут.
Смерть на костре иль под лучами,
Какая разница? Свечами
Пылает с ними жалкий скарб
Тафуров. Ничего, возьмут!
И дев, и злата! Буде храбр,
Кто выживет богатым станет.
И эта мысль, как сказка, манит.
Господь простит, Господь воздаст!
Вперед, кто беден и кто слаб!
Что значит умереть? Упасть...

V

Предбанник ада, желтый плен,
Как в западне — войти не выйти.
Нет сил роптать, есть силы выть. И
Ползти бездумно по пескам...
Клермон, Клермон, от твоих стен
Густая тень... Улыбки дам,
Вино, шуты, музыка, маски,
А там — огни, турниры, пляски.
Смеются, спят, дерутся, пьют, —
Везде веселый шум и гам.
Подносят кубок, в кубок льют
Вино под колокол пасхальный.
Но звон вдруг слышен погребальный...
И не вино... вода... нет, кровь!

Все тычут пальцы, все плюют
И ожерелья бранных слов
В лицо с презрением бросают.
Влекут к кресту, с креста свисают
Хоругви, копья и щиты,
С них медленно стекает кровь
Тебе в глаза. Повержен ты,
И проклят ты, и опозорен.
Тоска и бешенство во взоре,
Но сил подняться больше нет.
Одежды сорваны, сняты
Доспехи. Вспыхнул яркий свет —
Ты на костре, в том самом месте,
Где звал в поход... Избранник мести,
Твой пепел успокоит вдов.
Обглодан крысами скелет.
Ты — прах. Для славы и врагов.
Всё пустота, всё миф, всё тщета...
Очнулся рыцарь, вздрогнул. Это
Какой-то страшный (вещий?) сон.
Вокруг ни улиц, ни садов,
Лишь скалится ребристый склон,
Песок во рту, тошнит от солнца.
Вдруг хриплый крик: «Там два колодца!»
И тишина, и замер звук.
Рать всколыхнул утробный стон —
Вода! Вода, конец всех мук.
И вмиг взбесившейся толпою,
Рыча, все мчат к воде. С собою
Коня и рыцаря таща.
Так рой летит голодных мух
На запах райского куща.
Давясь, толкаясь, хлещут, хлещут,
В восторге друг на друга плещут.
Вдруг, кто напился, в жуткий вой,
И наземь замертво... Круша,
Конём всех пеших пред собой

К колодцам рыцарь пробивает.
Дорогу. «Пить не смей!» — хватает
Дрожа от гнева и жары,
Из чьих-то рук шелом с водой, -
«Назад, презренные воры!»
Но слов уже не понимают
И в рыцаря песком бросают.
Сверкает меч, в песок летит
Кувшин и кисть руки в крови.
Толпа, оцепенев, глядит
На жертву, рухнувшую рядом,
И в кровь уткнувшуюся взглядом,
На меч и рыцаря. В бреду
Отмщенья и злобы гремит
Животный рёв: «Смерть, смерть ему!»

VI

Ах, жизнь, прощай ко всем чертям.
Бледнеет всадник перед смертью,
Одной рукой коня бьет плетью,
Другой сжимает крепче меч. —
«Себя я дорого продам,
Игра такая стоит свеч,
И сто голов мой меч познают!»
Кого же он напоминает?
Неважно, вышел его срок,
Ему судьба здесь в землю лечь...
Трубит без устали рожок,
Отряд из рыцарей наскоком
В толпу врзается жестоко,
Ее, как сено, расшвыряв.
«Ты был от смерти на вершок! —
Глава отряда, шлем свой сняв,
Вскричал на всадника сурово, —
«Попомни, Танкред, моё слово:
Когда-нибудь к тебе поспеть
Я не смогу. Кусок отняв
У нищих — два вернуть сумею!»

Чтоб твою спину ночью злою
Не продырявили стрелою.
Народ дразни, когда он сыт...
С чего здесь начали шуметь?»
В пустыне тишина висит,
Сам Боэмунд ведет дознание.
Что скажет всадник в оправданье?
Тот с русских прядей пыль смахнул:
«Мой граф, ты прав, молва гласит,
Кто взял — стал мудр, когда вернул,
Но что с тафуров взять? Их жадность?
Велик товар, да всё не в радость.
Мне нечего от них хотеть.
Я, рыцарь Танкред, присягнул
Христу! От черни же иметь
Желаю лишь: быть духу в теле.
Нам ратники нужны при деле.
Нашли тафуры воду здесь..» —
«Вода есть жизнь, я вижу смерть». —
«Толпа безмозгла, Ваша честь.
Один баран ей скажет: "Надо!"
И на убой пойдет всё стадо.
Вода — спасенье... Не у нас,
А у врага рассудок есть.
Он понял раньше и припас
Подарок нам, кто в жажде чахнет...
Как холодна, чиста, как пахнет
Вода... Отравлена она!
И я неблагодарных спас,
Кого не смог — то их вина».
Граф мрачно щурится от солнца:
«Как понял ты, что яд в колодцах?» —
«Смотрите на несчастных вы!»
«Кто знает. Жажда так сильна.
Перепились, и вот — мертвы».
Смеется Танкред, вдруг смолкает,
От ярости глаза сверкают:
«Ты горд, богат и знаменит
Мой граф. Я только горд, увы.

Кто мне не верит — Бог простит,
Но гордость с гордостью поспорит,
Кровь сонную да раззадорит!»
И Танкред лезвием меча,
Не дрогнув, чуть не до кости
Поранил руку у плеча.
Как кровь на стали пламенеет!
Опущен в воду меч. Немеют
От изумленья все вокруг —
Черна стекает кровь с меча.
В толпе волненье и испуг:
Он спас их, но надежду отнял...
Граф между тем кивнул: «Ты понял
И сделал больше, чем сказал.
Нам боле быть здесь недосуг».
И прочь со свитой поскакал.
За ним и Танкред вслед понёсся,
А там поход с тоской поплелся,
Успев от злости удавить
Того, кто воду показал.
И рыцаря посмел спросить
Тафур в лохмотьях, взгляд унылый:
«Кто этот Танкред, что за диво?»
Тот отвечает свысока:
«Запомни: он. — коль хочешь жить,
Племянник графа и рука!»

VII

Каков есть срок, чтоб проложить
Путь к славе через бессердечность —
Мгновенье? Год? Эпоха? Вечность?
А сколько жертв списать в расход,
Как хлам, которым дорожить
Нет смысла, ежели народ
Уже воздвиг кресты и храмы,
Поёт тебе, как Богу, псалмы?

При жизни слава — твой венец!
Историков же хоровод,
Твое зачатие и конец
Как бытие Христа являют,
И конкурентно прославляют
Пока не грянул гром иной:
И вдруг прозрел народ-слепец,
Бездумно шедший за тобой.
Кто славил — также проклиняет,
Кто в такт шагал — теперь хромает.
Но дело сделано: ты внес
В историю свой символ злой.
Пусть царство страха, царство слез, -
Такие чаще вспоминали.
Нерон, Калигула и Сталин, —
Им в памяти надолго быть.
А на другом краю Христос...
Зло и добро не разделить,
Как плюс и минус. Суть различья
В единстве целого. Величье
И гнусность человека в том.
Готов убить, готов любить,
Построить и разрушить дом,
Казнить, спасти, предать и верить,
От первобытных до империй
Мы таковы, и мир таков.
И сколь веков ушло на слом,
И сколь других придет веков —
Пока есть человек — так будет.
И кто простит нас, кто осудит?
Лишь ржавый пепел на душе,
Он от залапанных оков,
Где каждое звено — клише
Коварства, злобы и обмана...
Безумен тот, кто без изъяна
Отмеренный свой прожил век!
Историю решено уже:
Не Бог над нами — человек!

Друг с другом и народ с народом
Воюем, ладим год за годом,
И разницы особой нет —
Десятый иль двадцатый век.
Не помню даты, чтоб без жертв.
С портретов, фото и экранов
Нам души жгут глаза тиранов.
Мы — грунт, лежащий вдоль пути,
А их, как вехи, ставят вслед,
Коль кто не понял, как идти.
За вехой веха, к слову — слово...
Кто нас поймет, кто остановит?
Век крестоносцев, мир людей...
Как трудно к истине придти, —
Что долговечней? Что сильней?

VIII

Вокруг песчаные гряды,
Остались позади колодцы,
Идут в молчаньи крестоносцы,
Скрипят шаги, слезят глаза.
А сзади, щупая следы,
Ползет ленивая гюрза.
Ей невдомек, когда двуногих
Пустыня навсегда схоронит,
И пир наступит без конца.
Но вдруг шипит и, зло скользя
Скрывается за мертвеца.
Змеей услышан гул далекий,
Он нарастает, он с Востока.
(Никто не слышит звук копыт,
Клянут жару и храбреца,
А он, в седле качаясь, спит,
И рана на плече саднящем

Забыта словно день вчерашний.
Невинный на лице покой,
По-детски рот чуть приоткрыт.
Не он, а будто бы другой
Жесток и дерзок был недавно.
Как безмятежно спит, как славно!)
Вот, чуя что-то, конь заржал,
Там мордой замотал второй,
Тревожно третий задрожал...
Что за напасть? Кругом пустынно,
Всё тот пейзаж — смотреть противно,
Давно забытая слюна
Во рту, как десять тысяч жал.
Разлившаяся тишина,
Как писк опасности сокрытой.
Вверху застыло черной свитой
Звено стервятников. Стеной
Угрозы рать окружена, —
Перед лицом иль за спиной
Она негаданно взорвется,
И мигом смертью обернется?
А может всё это обман?
От солнца разум стал шальной,
И чудится ему? Но там,
В груди, вдруг стало беспокойно.
Когда твоя работа — войны,
Привычен цвет и вкус крови,
На теле росписи от ран, —
Знакомо то, что жжет внутри.
Так зверь, не видя, чует зверя!
И не глазам, а чувству веря,
Граф приказал: идти не сметь!
Поднять хоругви и кресты!
Достать мечи! И замереть!
Бесстрастные бегут мгновенья,
Среди песков в немом томленьи
Измученная рать стоит,
Готова быть иль умереть.
Любую силу сокрушит

Отчаяние обреченных
(Урок для новоиспеченных
Стратегов войн!) Дрожит песок,
Уж воздух топотом прошит,
Поднялся пыльный ветерок —
Дыханье конницы незримой,
И к небу птицей растворимой
Взмывает тишина. Струной
Звенит отточенный клинок.
Концерт веселый — смертный бой —
Стальной оркестр сыграет скоро!
Уже бегут назад дозоры,
За ними с диким рёвом тьма
Да беспросветною дугой
На дюны выползла сама.

IX

Лицо в лицо, глаза в глаза,
Безмолвно смотрят друг на друга,
Кто изумленно, кто с испугом, —
Два мира среди песков сошлись
Уже враги. Уже гроза.
И молниями понеслись
Навстречу копья и стрелы,
Без промаха — так густо цели!
Проклятья, крики, стоны, рёв
В клубок сражения вплелись.
Хороший смерти выпал клёв,
И много тел пески удобрит,
Да только вряд ли что уродит...
Меж тем и кони, захрапев,
Вперед помчали седоков.
И помолиться не успев,
Лишь взор надежды небу бросив,
И все забыв, и все отбросив,
Смирясь пред Богом и судьбой,

От близкой крови захмелев,
Несутся рыцари на бой.
Схлестнулись конницы жестоко,
Там водам бурного потока
Плотина преграждает путь.
И грянул беспощадный бой!
Жара и пыль — не продохнуть.
Удар! Мечом ответный — квиты!
Кто неудачник — под копыта!
И, как соломенный ларец,
Хрустит продавленная грудь.
Прими его к себе, Творец...
А вокруг скрежещет сталь по стали
Визжат пращи и копья жалят,
Кольчуги крася в алый цвет.
Из дыр проколотых Сердец
Глядят Иисус и Магомет —
Два полководца душ и веры.
И рвут тела мечи и стрелы,
В глазах туманом кровь и пот,
Второй час битва, сил уж нет.
Безумны кони в пене рвот
И ранах от шальных ударов.
Смерть веселится смачно, с жаром
И, хохоча (а хохот — вой!),
Дохнет в распоротый живот,
В песок швырнется головой,
То в глаз стрелу вонзит умело,
А то клинком кромсает тело,
Но вдруг с размаху лбом об щит!
В пустых глазницах звездный рой,
Костями грозно смерть трещит:
Кто смел веселье испоганить,
Не дав себя ей даже ранить?
И слышит дерзкий смех в ответ:
«Не вышел срок мне — не взыщи,
Так жалок счет моих побед,
Чтоб запросто тебе отдаться,
Не с тем решила ты встречаться,

Кто щедро собственной рукой
Твой страшный жалует обед!»
Вскипела смерть: «Кто ты такой,
Что мне перечишь, сумасшедший?»
«Охотник славы, за ней шедший,
Но только ухвативший хвост.
Сыскав её, найду покой». —
«Я вижу, рыцарь, ты не прост, —
Смерть усмехнулась, — даже боле,
Согласна быть покорна воле
Твоих надежд. Но срок придет,
Твоя душа, как грубый холст,
К ногам костлявым упадет...» —
«Помощник гадкий ты, но дельный.
Я — Танкред, рыцарь безудельный,
Ищу богатство, славу, власть.
Куда-то жребий мой ведет?
К ногам твоим одно упасть
Мне рано, поздно ли, придется.
Так пусть то время подкрадется
Как можно позже. По рукам?» —
«Мне нравится такая страсть!
Подобно земляным жукам
В навозе роются людишки,
Творят не дело, а делишки.
Такая скука разберет,
Что хоть чума — и то бальзам», —
Смерть жалобно скривила рот. —
«Ну что за пир без крови милой?
Убогий, мрачный и унылый.
Всё ищешь, где же тот герой,
Что скатерть мира раздерет
И всполошит весь род людской,
Где буйство сил, отваги, чести,
Да с теплой кровью вспенят вместе!
Война, сладка ее пора,
Презрен жиреющий покой,
Где жизнь лишь пыльная игра...
Но слов моих длинно теченье,

Ты мне доставил развлеченье,
Открывши помыслы свои.
За ними пустошь и зола,
За ними жаркие бои, —
Надолго станет веселиться!
Прощай же, рыцарь, поклониться
Мне вслед поспешно не забудь.
Всё то, чего коснешься ты,
Умрёт! Дерзай и выше грудь —
Твоим союзником я стала,
И ждут тебя и власть, и слава».
Вскричал тут Танкред: «Эй, ответь,
Неужто так жесток мой путь?»
Но, хохоча, исчезла смерть.

Х

Устало солнце вниз смотреть,
Темнеют желтые долины,
Теней воздушные руины
Подле барханов залегли.
Окончен бой, и только тлеть
Годны пока его угли.
Но скоро и они погасли,
И в спешной тьме, как в жирном масле
Увязла стомленная рать.
И люди на пески легли
Средь трупов. Можно отодрать
От смрадной стынущей постели
Их только с кровью: прикипели
Вцепились, вжались. Черный сон,
Да леденящая кровать,
Да храп, как панихидный звон
Тем, кто с живыми делит ложе
На сморщенной пустынной коже...
Побито войско сарацин.
Немногих скрыл умчавших вон

Луны оплывший парафин.
Как для поэта вдохновенье,
Как для священника знаменье
(Когда дотошно поискать
Найдется сто иных причин), —
Во сталь закованная сталь,
Сердца, отчаяньем одеты
И злой отвагою согреты, —
Удачи славной родники!
В награду можно сладко спать,
Пока бегут противники.
Лишь Танкред вертится, в сомненьи,
— Пригрезилось ему виденье
Иль был взаправду уговор?
И смерть откроет тайники
К вершинам власти? Пусть не скор
Сей трудный путь, но он желанный.
Все остальное — бред туманный,
И сказки для бессильных лет.
Смиренье — посох, власть — топор!
Что в руки взял, тому обет
Бестрепетной душой исполни,
И жизнь твоя, как вспышки молний,
Безликость мира отразит.
Смиренье — полночь, власть — рассвет,
Где солнцем яростным горит
Излеченное честолюбье.
Найдутся ли, дерзнут ли судьи
Корить властителя, когда
Он в силе, жив и знаменит?
Смиренье — жажда, власть — вода,
Сколь пьешь ее, все не напьешься,
И ей доверчиво сдаешься,
Как Господу презренный раб.
Пред ней сникают города,
Пред ней могучий рыцарь слаб.
Она, сказать могу без лести,
Сильнее жизни, слаще мести.
Блажен, кто ею обладал!

Так думал Танкред, мыслей раб,
Поход меж тем свободно спал,
Далёк от мыслей и желаний,
Тем боле — рыцарских мечтаний.
Но всё имеет свой предел,
Иссяк усталых чувств запал,
И Танкред к царству сна взлетел.
И там, паря в подлунном мире,
Он слышит песни, звуки лиры.
Он видит спелые поля,
Леса, сады, смех юных дев,
Бегущих за водой ручья.
Там люди здравствуют друг друга,
В глазах ни горя, ни испуга,
Все дружелюбны, все равны,
Красивы, как и их земля.
Чудесный миг какой страны
Ему открылся ненароком?
Живым пороком, как пророком,
Пред ними Танкред предстаёт
В доспехах бранных, сын войны:
«Попал я в рай или вперед
Своих времен вдруг очутился?
Ваш мир, он явь или приснился?»
В ответ же слышит: «Мы — мираж,
Ничто не злит нас, не гнетет,
И нет у нас ни войн, ни краж.
Мы счастливы и беззаботны,
Щедры, доверчивы, свободны,
Мудры, любимы и сильны,
И каждый — нравственности страж,
И каждый — патриот страны.
Далек Бог от земли, мы дальше,
Мы — Мир, избавленный от фальши,
Мы - царство сбывшихся надежд.
Путь в это царство через сны,
Где человек без всех одежд —
Тщеславья, зависти, коварства,
Измены, подлости и рабства

(Жесток тот век, что ткал их впрок)
Душою чист, открыт и свеж,
От нас возьмет себе урок
Добра, любви и состраданья.
И вам, и нам одно названье
Есть — человеческая жизнь.
Мы умираем с вами в срок,
Без пышных поминальных тризн.
С рождением нашим вы готовы
В зверей не превратиться снова.
Мы — совесть, жалость и любовь.
Без нас под грохот катаклизм
Зальет весь мир его же кровь.
Иди к нам, рыцарь, если понял..».
Но Танкреда тут кто-то тронул.
Он обернулся — смерть за ним:
«Ты, Танкред, мой! Не прекословь..».
И все рассеялось как дым...
В глазах песок и в горле сухо,
Седой рассвет, зловонье трупов,
Уже подъем. С оружия пыль
И кровь счищают. Гребнем злым
Колышет ветер людской ковыль, —
Пред Танкредом пустыня снова,
К нему гонцы мчат. Рать готова
Путь крестоносный продолжать,
И взором на Восток застыл
Граф Боэмунд. Коней седлать!
По следу сарацин лавиной
Помчалась графская дружина.
И вот — разведка донесла —
Град и земля, рукой подать.
Они дошли. Ура! Ура!

ИКОНИЯ

Incipit vita nova

I

Причудлив брег людских надежд:
Усеян галькою мечтаний,
Изрезан гротами терзаний,
То вдруг туманен, то вдруг чист.
И ветер судьбы, могуч и свеж,
Мчит душу, как сентябрьский лист,
Через волны жизни к тому берегу.
Там всякий ищет свою Вегу,
Находит ли — то знать не мне.
Там дует серебристый бриз,
Звезда на голубом коне,
Споткнувшись за хрусталье горных
Вершин, льнет нежно и проворно,
Смущаясь и бледнея, к ним.
Там тает боль, как лед в вине,
Душа — извечный пилигрим —
Там, наконец, покой находит.
Какие там надежды бродят!
А дальше две страны лежат.
Для сбывшихся надежд одним
Указан путь прямой, спешат
Они в край синий и желанный,
Чтоб наслаждаться неустанно
И в срок, отпущенный судьбой.
Надежд погибших черный смрад
И пепелищ колючий зной
Другим — их больше — отмечают
Дорогу в край, где не стихают
Печали, горечь и тоска,
Где призрак бродит ледяной,
Сердца, зажатые в тисках.

Со скал угрюмых Коцит мрачный
Таким же виделся несчастным, —
То зрел допущенный поэт,
Воспев о том в святых стихах.
Мечты обглоданный скелет
Над входом замер изваяньем.
«Входящим тщетны упования», -
Начертан кровью на скале
Лишь в двух местах такой совет,
Не дай бог в третьем — на земле.
Слетают с пыльных губ проклятья,
Иль это вера, это — клятва?
На брег надежд вступил поход,
Готовый в славе и золе
Испечь свой крестоносный ход.

II

Чужая чудная страна
Трепещет зеленью забытой,
(И бешено стучит копытом
Конь, чуя хлад и запах вод),
Росой озер окаймлена
И девственна, как небосвод
Над ней — доверчивый и нежный.
Вдали синеют горы, между
Их сильных плеч поет река,
А над долиной хоровод
Кружат шальные облака.
Там тучный скот пасется мирно,
Сидят пастух с собакой смирно,
Повсюду жизнь и благодать,
Как будто божия рука
Лелеет этот край... Но рать
С голодным и свинцовым взглядом
Стальной змеей ползет уж рядом,

Стряхнув песок, как страшный сон
(Анналов первая тетрадь
Завершена — из сердца вон!),
Святое воинство готово
Мечи из ножен вынуть снова,
Сердца колеблет клятвой злой
Клермона позабытый звон.
Воздушной шалью голубой
Укутан, дремлет город сытый,
Плющом беспечности увитый,
Надеясь, что беда пройдет
Совсем другою стороною,
И на неверных гнев падет
Благочестивого аллаха.
Не успевает сохнуть плаха
От тех, кто вел иную речь.
Судьбу наивность не спасет,
Когда ее решает меч!
(Пример, увы, совсем не новый,
Но простаков ведь, право слово,
Способных верить в чудеса
И ждать — беда, мол, спрыгнет с плеч
Сама, — значительней числа
Тех, кто умом располагает,
За что и больше всех страдает.
А серость гибкая меж тем
Довольна, что себя спасла.
Довольны власти. Только с кем?)
Но рать стоит в тревоге ложной
Прощупывая осторожным
Скользящим хищным взглядом путь,
А заодно — и крепость стен,
Не веря, что ее не ждут,
И что подвох какой-то скрытый
Готовят сарацины тихо.
Но Боэмунд дал знак: вперед!
Стекая на поля, как ртуть,
Заполонил собой поход
Еще цветущую долину,

Меся копытами, что глину,
Тех, кто медлителен и глух,
Топча неверных, как горох.
Там обезумевший пастух
Пал вместе с вырезанным стадом,
Запахло кровью, дымом, смрадом.
Над всем голодный грозный рев
Терзает осажденных слух:
«Мы победим или умрем!»

III

И все, что град сумел собрать —
От спятивших до неказненных,
Звездой пророка освященных, —
Он наспех вытолкнул их вон
За стены, где уже встречать
Готов был местный гарнизон
Отчаянных крестовых братьев.
Долина в траурное платье
Оделась, замерла... И вот
Прощальной мессой дробный звон
Мечей звучит. На эшафот
Отправлен мир, седой и скорбный
Восток! Взалкай же в час недобрый
Шальную дочь земли — войну!
Поля прошиб кровавый пот —
То гибель чешется в дыму
От факелов, слепящих небо,
Чтобы ОН видел, чтобы ведал:
Нашло отмщенье этот край
И всадит в горло нож ему,
Воздвигнув христианский рай!
И сверлит взоры цель иная —
Сам град, как девушка нагая,
Испуган, вкусен и красив,
Что из груди не вздох — а лай,

И сил потрепанных прилив...
Горел недолго бой вечерний,
Уже раздавлены, как черви,
Ползут во тьму, кто уцелел,
Не отстояв, не отразив,
Восславив грудой своих тел
Мечи врагов, — защита пала,
Не выдержав такого шквала.
Покрылась дрожью кожа стен
От цепких рук, смолы и стрел,
И женский вой, что зов сирен
Уже доносится из града,
И все настойчивей осада.
Горят врата. Багровый блик
Выхватывает чью-то тень:
То молится мулла-старик,
Прося от неба кары страшной.
Но перетрусившая стража
порублена. И с ней мулла,
Ковром под ноги шелестит
Его богатая чалма...
Так град, Иконией названный,
Стал первым, что гостей незваных
По воле рока принимал,
Хлебнувши кровь, сойдя с ума,
Пред ними на колени стал.

IV

Дырявят факелы вуаль
Бегущей прочь под небо ночи.
По улицам гремит, клокочет
Победный клич и тяжкий стон,
Рыдает жизнь, ликует сталь.
И эхом ото всех сторон
Влетают в уши смех и вопли.
Мочой, слезами, кровью взмокли
Кривые улицы. Храпит,

Скользя по мягким трупам, конь.
Седло под всадником скрипит,
Он насторожен и взволнован,
Победой славной очарован,
Он — покоритель, он — герой!
И пусть от крови чуть тошнит,
Пусть хрип проклятий за спиной
(Поверженных врагов стенанья
Душе, что песня ликованья),
Пусть вдребезги разбит твой щит,
И зависть брызгает слюной,
У друга меч в груди торчит,
Жестокость льдом в душе осела,
И струны нервов режут тело,
Пусть хлад, жара, безводье, грязь,
И все вокруг тебя молчит,
Не дав руки, не подняв глаз,
Пусть мир задохся в жирной спеси,
Миг торжества все перевесит!
Он — победитель, он — судья!
И сам себе теперь указ.
Величие — его судьба!
Так пусть отважится мир бранный
Взгляд равнодушный иль надменный,
Не дрогнув, подарить ему.
Как ангел Страшного суда
Он спросит всех, по одному:
«Почто, когда ЕГО узнали,
Не верили, не признавали?»
Теперь же, головы склоня,
Воздайте должное ему!
И всадник вскачь пустил коня,
Внимая судорогам града
С презреньем и глухой досадой —
Изрыгнув ненависть и месть,
Их убивая и кляня,
На что рассчитывали здесь?
В песках колодцы отравляя
И заблудивших вырезая,

Глумясь над ратью и крестом
На что рассчитывали здесь?
Что кара минет жалкий дом
Тех, кто отвергнув прочь смиренье
Обрек себя на поражение?..
Ответ заглох — укутан крик
Пожаров розовым ковром.
Паленый ветерок поник,
Затоптаный у стен сожженных
И греющий тела сраженных,
И в пенной мгле над головой
Луны прозрачный строгий лик
Застыл господнею слезой.

V

Горят на площади костры,
В победном и хмельном угаре
Веселье буйное в разгаре,
И скалятся на сникший град
На стягах шитые кресты...
Как полководец на парад,
На площадь всадник выезжает.
Никто его не замечает
И вслед с восторгом не глядит,
Лишь двое рыцарей спешат
Склонить пред ним и меч, и щит.
Кивнул им всадник благосклонно
И тут же зло и непреклонно
Коня направил сквозь толпу,
И мощный конь толпу крушит,
Прокладывая в ней тропу.
Тут сотни замутненных взоров,
Ошметки брани и укоров
Вонзились в спину наглеца,
А он и словно рад тому.
Но пристальней его лица
И всей фигуры зря приметы,

Один, второй, за ними — третий
Меняют брань на бравый клич:
«Хвала достойному венца,
Тому, кто первым смог достичь
Ворот и первым в город въехал!
Ура виновнику успеха!
Герою-рыцарю ура!»
И в многоустого льстеца
Толпа тотчас превращена
(Игра Несложная — умы настроить
Да всех навытяжку построить
Пред новым идолом, коль знать,
Что он, когда придет пора,
Припомнит тех, кто стал орать
Ему и здравицу и лета
Скорей и раньше, чем поэты
На одах перья затупят.).
Но всаднику торжествовать
Недолгий срок. Вовсю гремят
Литавры — это подъезжает
Граф Бозмунд. Опережает
Его прибытье рев толпы,
И всадник сдавлен и помят
В тисках возникшей кутерьмы.
Ржет конь, не в силах шевельнуться,
И норовит больней куснуться.
Растерян всадник и взбешен
Превратностью своей судьбы:
Был только Бог, теперь — смешон.
Проклятье черни неразумной,
Поющей гимн не тем, кто в трудной
И смертной битве первым был,
А тем, кто властью облечен!
От гнева всадник позабыл
Приветствовать явленье графа,
И, словно соткано из праха
Его холодное лицо,
На нем, как будто кто отмыл
Глаза, набухшие свинцом...

Проехал граф, и рев стихает,
Толпа по-прежнему гуляет,
Но всаднику нейдет вино.
В раздумьи найден он гонцом:
«Вас ищет граф, притом давно».

VI

В угрюмом брошенном дворце
С почетом всадника встречают
И к Боэмунду провожают.
Сидит в палате граф один,
Усталость на его лице
Наводит линии морщин,
Во взоре — благодать покоя
И что-то уж совсем мирское,
Что красит старца — не бойца.
И это грозный господин
Могучей армии творца?
В печали всадник от сей мысли
А Боэмунд, смотря в лик кислый
Вошедшего, ему сказал:
«Как не похож ты на отца
В сию минуту, иль устал
Вдыхать победы сладкий воздух?
Тогда вкуси скорее отдых,
Ты, Танкред, заслужил его,
Врагам и рати доказал
Ты храбрость сердца своего.
Не скрою, мне порой казалось,
Что смерть с тобою обменялась
Своей одеждой и душой, —
Ты не боялся никого
И не щадил, племянник мой.
Но это к слову. Твоя доблесть
Есть нашей славы яркий отблеск,
Служи кресту и дальше так,

Нас не один еще ждет бой,
И коль погибнешь — знать дурак!
Тех, что в начале дел хоронят,
В час торжества уже не помнят.
Пусть в ратных буднях долгий свет,
Чем с лаврами поспешный мрак.
Таков мой сказ, таков совет», —
Граф утомленно смежил очи,
Зевая от бессонной ночи.
«Твои слова — большая честь, —
Тут Танкред говорит в ответ. —
Они не то, что черни лесть,
Я счастлив, что мой труд замечен,
И всеми, и тобой отмечен,
А гибели я не боюсь,
Мой жребий, мне его и несть.
Я не сломаюсь, лишь согнусь
Под тяжестью такого груза,
А коль пойму, что он — обуза,
Его я быстро сброшу с плеч,
Но прежде своего добьюсь...» —
«Не понимаю о чем речь», —
Один глаз графа вдруг открылся.
Однако Танкред спохватился
И говорить стал о другом:
«Мой граф, у нас так мало встреч,
Что я почти забыл о том,
Что я — племянник Боэмунда.
Не потому ли мне так трудно
Понять, чем я не угодил?
Нет радости в лице твоём,
Тебя я словно утомил,
Что ты все дремлешь и зеваешь,
А хвалишь — будто попрекаешь...
Скажи, зачем к себе позвал,
Иль прикажи, чтоб уходил».
И Боэмунд тогда сказал:
«Мне по душе твоя досада,
Я прав, избрав для маскарада

Вид утомленный и больной,
Что при тебе и доказал.
Теперь пусть говорят со мной
Татикий, византиец скользкий,
И дерзкий Бодуэн Булонский.
А ты мне будешь помогать
Их убедить, что я — больной,
И что не ступит шагу рать
Без моего на то согласия.
А лекарем я уж запасся...» —
«Ну, дядя, смог ты удивить!
Так мы не будем наступать,
А будем спать, сидеть и пить,
Пока враг сломлен и повержен
И поражениям подвержен?» —
Здесь Танкред графа перебил.
«Тебе бы только в драке быть,
Мальчишка глупый, — граф вспылil.
После пустыни и сражений
Нам не до новых упражнений
С мечами. Ноги волочат,
Истерзаны, почти без сил
Войска. Глупцы "Вперед!" кричат
И те, кто выгоду в том чуют.
Я знаю, что за ветры дуют:
У Бодуэна свой расчет,
В его речах слова звучат
Того кто нам вослед идет
И мысль лелеет, что друг друга
Рать и неверные погубят,
И наши кости отшвырнув,
Он первым в град святой войдет.
А византиец лишь уснув,
Покой душевный ощущает,
Ведь базилевс-то не прощает
Свой неисполненный приказ, -
Чтобы неверных отпугнув
От Византии, на сей раз
При помощи крестовой рати,

Ее потом сгубить... Но хватит
О подлых замыслах болтать.
Надеюсь, пыл твой чуть угас,
Теперь иди, пора нам спать».
«Ты мудр, мой дядя! — восхищенно
Воскликнул Танкред. — Упрощенно
Вокруг я все воспринимал.
Позволь, однако, мне задать
Вопрос последний, он так мал:
Почто тебе не стала в радость
Проявленная мною храбрость?
Она — твоей звезде урон?»
И Танкреду граф отвечал:
«Я сим вопросом не смущен.
Ты слишком проявил отвагу
И вызвал зависть и досаду,
И нажил, думаю, врагов.
Нет зла страшней. Завистник — он
Напакостить всегда готов
Исподтишка и прямо в душу,
И в кровь изрезанную душу
Он сыплет огненную соль.
Больней меча десяток слов
Порою ранит. Эту боль
Не исцелить целебной мазью,
И если ты замаран грязью,
Тебя поймут, но не простят,
Будь ты хоть нищий, хоть король...
Но поздно, во дворце все спят,
Ступай же с богом, мой племянник».
И вскоре заспанный охранник
В покои рыцаря отвел,
Где приготовлена кровать.
В окне рассвет уже расцвел,
Когда коснулся Танкред ложа,
Но кто-то шепотом тревожит
Накатывающийся сон:
«Речь обо мне ты смело вел,
Однако, что за грубый тон!

Я — не раба, ты — не хозяин.
Мой первый наниматель Каин,
Куда учтивей был со мной.
Ты чаще вспоминай о том,
Что мы союзники с тобой».

VII

Тоской и ядом рождена,
Гордыней вскормлена бурлящей,
Как в прошлой, так и в настоящей
Судьбе людской играет роль
Какую выбрала она.
Злословье, ненависть и боль —
Ее первейшие симптомы.
Да разве вы с ней незнакомы?
И по ночам грызет не вас
Неустановленная хворь,
Где мозг царапает анфас
Того иль той, иль тех (в придачу),
Кто выхватил из рук удачу?
Непризнанный Наполеон,
Когда придет твой звездный час?
Красив, талантлив и умен,
Тебе так тошно в серой стае!
Но почему не замечает
Твоих достоинств этот мир?
А тот, кто туп, ленив, смешон,
В насмешку над тобой — кумир.
Не точит сердце ли мысль эта?
Готов его ты сжить со света...
Кто с истиной не переспал,
Тот не герой, а лишь сатир,
Воздвигнутый на пьедестал
По скрытым от тебя причинам:
От чьих-то рук, по чьим-то спинам,
И с высоты ему плевать,
Что кто-то истину познал.

Ты начинаешь понимать,
Что жизнь твоя — дурная шутка,
А истина, как проститутка,
С тобою спит, под ним лежит,
Пусть в силе ты ей обладать, —
Она ему принадлежит!
Твоя украдена им слава,
И твое сердце жжет отравя,
Кому докажешь, что он вор?
И лишь потомкам надлежит
Последний вынести приговор.
Возможно, над твоей могилой,
Травой заросшей и унылой,
В почтеньи головы склонят,
Ему ж — забвенья и укор...
Примеров таковых хранят
Склады истории без счета,
Но что костям твоим почета
И преклоненья дружный глас,
Когда при жизни не звенят
Награды на груди? Ты — пас,
Ты не желаешь быть посмертным,
Там не слышны аплодисменты,
И в твою честь банкетов нет,
Как нет умильных стройных масс,
Взахлеб орущих: «Много лет
Живи наш вождь и наш учитель!»
И ты при этом главный зритель.
Да полно, что тут говорить?
Ты покорить хотел весь свет,
Своим талантом удивить,
Да только гений и тщеславье
Равны как подвиг и бесславье.
О, много мук ты испытал,
Но ни одной, чтобы творить,
И то, что истиной ты звал,
О чем твои стихи писались,
Все это — зависть, зависть, зависть!
Мы ею все поражены:

Тот маршалом, тот замом стал,
А у того есть три жены,
Тому повысили зарплату,
Того простили за растрату,
Тот угадал, тот победил,
А тем вокруг восхищены,
Тот уцелел, тот угодил,
А тот уехал за границу,
А тот поймал за хвост жар-птицу,
Но всё не ты, всё не с тобой,
Опять тебя опередил,
Отбросил, обхитрил другой.
К певцам, к военным, к самозванцам,
К друзьям, к соседям, к иностранцам,
К заслугам, к титулам, к деньгам,
К таланту, к силе удалой,
К любви, к одежде и к богам,
И к тем, с кем шли, и с кем остались, -
В большом и малом — зависть, зависть!
Сальери, Глостэр, Марк и Брут
(Не Моцарт, Цезарь и Тристрам), —
Они в сердцах людских живут.
Пока есть человек, так будет,
И кто поймет нас, кто осудит?
А кто простит пришедший век,
Где даже праведники лгут,
Где кровь, где дым библиотек
Жирней и гуще, чем в десятом,
Где грозный недоносок — атом —
Уже пытался отомстить?
Зачем ты создал, человек,
То, что должно тебя убить?
В ответ клокочет гневом зависть:
Не он, другие б догадались...
Страшнее Страшного суда
Желанье первым всюду быть.
Кто остановит нас? Когда?

VIII

Забыв о клятвах и делах,
Вторые сутки рать гуляет,
И пьяный говор долетает
В покои Боэмунда, там,
При дымных рыжих факелах,
Идет совет, и по рукам
С вином искристым кубок бродит —
Согласья знак! И речь заводит
Могучий рыцарь Бодуэн:
«Подобно раненым волкам
Бегут враги от этих стен.
Пока они не зализали
Кровь и рубцы, да не созвали
На помощь воинов других,
Мы, не считаясь ни с чем,
Догнать и уничтожить их
Должны. Иначе промедленье
Нас обречет на поражение.
Не забывайте, что мы здесь
Находимся среди чужих.
Пока опушка, дальше — лес,
Зверье, которому досталось,
Туда встревоженно помчалось,
И если быстро не загнать
Его до смерти, этот лес
Не пощадит Христову рать.
Теперь мы на пути не к дому,
И лес нас встретит по-иному,
Не мешкай, граф, веди поход!
Нельзя сейчас болеть и спать,
Славнейшая из всех охот
Нас, волей Бога, ожидает,
И кто промедлит — прогадает!» —
И рыцарь в раздраженьи смолк.
«Что ж, всей кампании исход
Решить вначале? В этом толк

Слов Бодуэна есть великий», —
В раздумьи произнес Татикий. —
«Удар внезапный, и наш враг
Не раненый, а мертвый волк!
И в остальных вселится страх
Пред грозной мощью нашей рати,
Что будет даже очень кстати —
Овечек легче покорить.
Послушай Бодуэна, граф,
И знай — нас не в чем укорить,
Филипп и сын его так дрались,
И в памяти веков остались
Как полководцы всех времен.
Так прикажи поход трубить,
Пусть ветер разгладит шелк знамен
На радость нам, врагам — на горе,
В грязи кровавой и позоре
Проклятый выкупаем род,
Мечами спины разотрем,
Веди скорей же, граф, поход!
Сие и базилевс желает.
А непокорных он карает,
А ты, ведь, граф, его вассал...» —
«Закрой свой византийский рот!» —
Тут Танкред в бешенстве вскричал,
Но Боэмунд его сурово
Остановил, и сам взял слово:
«Я с вами всей моей душой,
Но телом, видите, устал,
И мне желаннее покой.
Таких, как я, увы, не малость —
Над ратью властвует усталость.
Поход придется отложить.
Охотник, если он больной,
Не будет тоже в лес спешить.
Оставьте ссоры и угрозы,
Обиды, недомолвки, позы,
Я верен клятве, знаю долг,

Пред ними мне не согрешить,
Свидетель — честь моя. И Бог!
И лишь мое недомоганье
Продлит во граде пребыванье,
А посему закончим спор».
Но Бодуэн упрям и строг:
«Нет, мы продолжим разговор».

IX

Стареет полночь за окном,
Осколки звездные бледнеют,
Желтки костров устало тлеют,
Стеклянной тишиной объят,
Забылся град тревожным сном.
Но во дворце еще не спят:
Бушуют страсти на совете:
Одни желают на рассвете
Путь крестоносный продолжать.
Другие им в ответ кричат,
Что надо месяц подождать,
Куда с больным да хилым войском!
А граф как будто залит воском, —
Брезглив, спокоен, глух, и нем, —
Ни возражать, ни подтверждать,
Ни спорить, соглашаться ль с кем
Не хочет Боэмунд. Напрасно
Во гневе иль подобострастно
Взывают рыцари к нему.
А речи жаркие меж тем
Не привели спор ни к чему,
И он заметно остывает.
Но все ж никто не понимает,
Что граф в конце концов решил,
И коль готовиться — к чему?
А тот, ну словно рот зашил.
И тишина свинцовой ватой

В дворцовых залегла палатах.
И тут вдруг вспомнив разговор
Вчерашний, Танкред поспешил
На графа обратить свой взор
(Ввязавшись с византийцем в ссору,
Он так увлекся на ту пору,
Что мыслью занят был одной:
Как досадить, вогнать в позор,
Презренья окружить стеной
Татикия за спесь и наглость,
И тем себе доставить радость).
Сошлись их взгляды — два меча.
Взгляд Боэмунда — серый зной —
Жжет Танкреда, и сгоряча
Кричит тот, тишину пугая
И на Татикия кивая:
«Как много говорили здесь,
Ну словно девы у ручья.
Речами сыт, да полон весь
Желал бы быть пустой желудок.
Но, впрочем, время не для шуток,
Неясен графа был ответ?
Не видно, что он болен весь?
Чего же ждет еще совет?
Во что ему поверить трудно —
Что рать пьяна и беспробудна
После песков и тяжких драк?
Или чесотка от побед
Зудя в мозгах, рождает мрак?
А может византиец мудрый
Осыпал вас волшебной пудрой,
И мнит, что будет по ему?
Да стану трижды я дурак,
Когда совет его приму, —
С меня достаточно Nikei!
Кто ищет пользу от затеи
В поход немедля выступать,
Коль болен граф и рать в бреду?
Молчите? Значит мне сказать, —

Да пусть простит меня создатель, -
Либо глупец, либо предатель.
А посему кладу меч свой,
Чтоб верность графу доказать,
К его ногам. Ну, кто со мной?»
Средь рыцарей оцепененье,
Тревога, ропот, возмущенье —
В чем Танкред обвинить их смел!
«Я, Ричард Салернский, с тобой», —
Вдруг чей-то голос зазвенел,
И рыцарь юный и прекрасный
Подходит к Танкреду бесстрастно.
Лишь в глубине весенних глаз
Горят восторг и жажда дел.
И напряженье спало враз,
Пример юнца открыл решенье.
И рыцари в немом смущеньи
Пред графом головы клонят.
И утром рати дан приказ:
«Во граде быть!» ... И вздрогнул град.

Х

Прошло неистовых пять дней
В попойках, грабежах и драках,
И град, как мышь в кошачьих лапах,
Игрушка силы и судьбы,
Забрызган оспою огней,
Домов чернеющих гробы
Еще черней от жирных бликов,
Еще страшней от жутких криков,
И безысходный рыхлый страх,
Охрипший голос от мольбы,
И стоны девичьи впотьмах,
Мычанье, бляенье и ржанье,
Плач, хохот, пьяное брюзжанье,
И снег обглоданных костей,

Жаркого запах во дворах,
И хруст насытых челюстей,
Тоска, унынье и покорность,
Кичливость, мстительная гордость,
Шатры, повозки, пыль и чад,
И ожиданье новостей,
И трупный сладковатый смрад,
Все чувства, запахи и краски,
Как в страшном карнавале маски,
Смешались в гибельный хаос.
Так, верно, начинался ад,
Твоя ли в том вина, Христос?!
И с одуревшей головою,
Томим бездельем и жарою,
По граду Танкред бродит, с ним
Как неразлучный верный пес
Горд оттого, что не гоним,
Повсюду юный Ричард ходит
И Танкред в нем тоску отводит
Что ж, для начала обладать
Хотя б поклонником одним,
Готовым за тебя отдать
Всю пылкость чувств, все наслажденья,
Взамен же с трепетным волненьем!
Твоим поступкам и словам
Душой восторженной внимать, —
Пусть будет так, и аз воздам!
Смеется Танкред — Ричард весел,
Угрюм — и Ричард нос повесил,
Озлоблен — Ричард губы сжал...
Они равны лишь по годам,
А нравом — ножны и кинжал.
Но как ни странна дружба эта,
Как и в любви, здесь нет ответа,
Что лед и пламень единит?
Хоть опыт смертью угрожал
Тем, кто союз такой хранит,
Не раз. И верен был угрозе!
Не высказать в стихах иль прозе

Всей той тоски, что нападет,
Когда не смерть, а жизнь казнит,
Безжалостно и без хлопот,
Назвав ошибкой все, что было,
Уж лучше мрак, чем свет постылый.
Меж тем лизнул поля закат,
Граф Танкреда к себе зовет.
Их разговор лишь Богу слышен,
Да теням, погребенным в нишах.
Известно графу — два гонца
Своих коней загнать спешат,
Летя в два разные конца.
Одну и ту же весть уносят
Рать жадность и болезни косят,
И Даже Боэмунд ослаб,
Не кажет носу из дворца,
Не стали клич, а пьяный храп
От стен Иконии несется,
И рать во граде остается
Надолго — так решил совет.
И Танкреду сказал тут граф:
«В решеньи нашем тайны нет,
И базилевс, и сарацины
Узнают ныне те причины,
По коим мы остались здесь,
И будут ведать, что рассвет
Поход еще застанет здесь, —
Пусть пребывают в заблужденье,
Пришла пора сменить решенье!
А посему гонцам вослед
Мы принесем иную весть.
Когда не ждут, жирней обед,
Вкусней вино, ленивей мысли.
Об этом, Танкред, поразмысли
И прикажи коней седлать.
Внезапность есть сестра побед,
В поход немедля выступать

Сейчас отдам я приказанье...» —
«Война, мой граф, мое призванье, —
Был краток Танкред. — Я готов».
И вышла на рассвете рать
В свой мрачный путь, на суд веков.

ИРАКЛИЯ

Et a verbis tuis formidavit cor meum

I

Достойно памяти людской
Предать забвенью добродетель
(Чему не только Бог свидетель),
Когда фортуна иль расчет
Подскажут к цели путь другой,
Где верность, искренность не в счет.
Судьба ли в том так виновата,
Что за добро всегда расплата.
А ты не ждал, и ты — банкрот.
Любовь, талант, друзья, почет —
В уплату всё! А сам, как крот,
Покорно зарывайся в землю...
Жестокий мир, тебя приемлю
Слепым, безмолвным и глухим.
Горит звезда для всех, но тот,
Кто верил ей, не стал своим,
А кто не верил — ею избран,
Землей гоним, и небом изгнан,
На что надеяться еще?
Так чьей рукой пока храним,
Какою силою крещен
Изгой любви, надежды, веры?
Как раб, закованный в галере,
Отрада — лишь весло в руке,
Покинут, предан, не прощен,
И ночь вблизи и вдалеке,
И корни нервов на пределе,
Душа — палач в послушном теле,
Былое — проржавевший гвоздь —
Распяло сердце на стекле
Больных мечтаний, смутных грез,
И каждый день сплошная мука,
И память — бешеная сука

С глазами бросившей жены —
Впивается в уставший мозг,
Приговоренный у стены,
И безбилетный в рейс последний...
Таков твой крест, на то ты — гений
Тому, кто искрою клеймен
Иль божьею, иль сатаны,
Страданий путь определен.
Сойти с ума — цена какая!
На этот путь благословляя
И добрых гениев, и злых,
Молюсь за тех, кто обречен
Жить среди предателей своих.
Но это все — слова не к песне...
А между тем летит известье,
Вонзаясь страхом в города
(И вновь в тоске Восток затих), —
Рать вышла, смерть идет сюда.

II

Железный дождь чужих копыт
Вбивает в землю робкий колос,
И кто имел, теряет голос,
Поход воочию узрев.
Как будто тучею накрыт
Весь горизонт, иль подперев
Собою небо, зверь незнамый,
От пыли сед, от пота пряный,
Покрытый чешуей голов,
Слюной окрашен жадный зев,
В утробе клекот бранных слов, —
Ползет он, следом оставляя
Путь, что ведет отнюдь не к раю.
Хотя на каждый путь всегда
Найдутся, кто идти готов,

Пусть даже в спутниках беда,
Несчастье, зло, насилье будут.
Коль Сатана вручает ссуду,
Долг взыщет все одно лишь Бог.
Как крестоносцы мчат года
Туда, где суд велик и строг.
И бег судьбы, как ход столетий,
Не изменить — платить по смете
Поступков, замыслов и дел.
Мой путь пока не слишком долг,
А уж плачу... Восток алел
И содрогался, так в гареме
Невольница идет к измене
Под страхом смерти в первый раз.
Восток, сжав зубы, потемнел,
Так утренний свершив намаз,
Старик кинжал на вечер точит
И месть кровавую пророчит
За павших милых сыновей.
А в небе щурит тусклый глаз,
Прикрытый тучами бровей,
Ко всем неласковое солнце,
И на штандартах незнакомцев
Распятых лент немая дрожь,
Как знак недобрых новостей,
И бронза задубелых кож
Тоскует вновь по ранам страшным.
Пропитана опять отважным
И боевым задором рать:
Жить да любить — какая ложь,
Супротив правды — умирать!
Там скуки пыль, здесь боль и слава,
Покой иль доблесть — выбор, право,
Достойный сердца лишь того,
Кто знает, что от жизни брать,
Кто не упустит своего.
Взор Танкреда скользит по рати.
О, дух войны, как стон заклятий,
Страшишь, волнуешь и... зовешь.

Нет сил отречься от него,
Пусть шепчет кто-то: «Пропадешь».

Ш

Пришла коричневая ночь.
Рать разлеглась, как на перине,
На шелковой чужой равнине,
И лишь дозоры у костров
Сны отгоняют криком прочь.
И искры от поющих дров
Тревожно к небу отлетают
И звездами там замерзают.
И осмелевший хор цикад
В мильон ушей, ноздрей и ртов
Вливают терпкий аромат
Земных простых забытых звуков.
И власть пращей, мечей и луков
Нелепой показалась вдруг.
Но день вернет былой расклад.
Пока же ночь, и все вокруг
В плену чарующей стихии.
И лишь в шатре, где Византии
И базилевса верный раб
Татикий с дюжиною слуг
(Проверен каждый: нем и храбр),
Как будто ждет гостей откуда:
Горит огонь и стыннут блюда,
Кувшин потеет от вина.
И вскоре слышен конский храп,
Чуть зазвенели стремена,
И внутрь заходит рыцарь гордо.
Татикий поднял длань (проворно
Исчезли слуги из шатра):
«Не будем всеу имена
Друг друга называть. Пора
Хоть поздняя, и стража славна,

Но тишина, увы, коварна,
В ней уши прячутся подчас».
«А разве мы есть два вора,
Что кто подслушивает нас?» —
С презреньем рыцарь усмехнулся.
«Когда ты в тайну окунулся,
Просохни сам, но вытирать
Себя не позволяй. Сейчас
Наш разговор из тех, что знать
О нем — себе конца желая.
Большая тайна — кровь большая»,
Татикий строго отвечал.
«Ха, кровь! Меня не испугать —
В крови зачат, и сам зачал, —
И рыцарь нехотя, зевая,
Вино из кубка выпивает. —
«Здесь тоже кровь, но как сладка!
Что, византиец, замолчал?
Не бойся, вот моя рука.
Люблю я тайны, в них та сила,
Которая врагу — могила.
Как для лисицы есть капкан,
Для рыб достаточно крюка,
Для лани — шелковый аркан,
Так тайна для врага — ловушка.
А я охотник — не зверушка.
Не будем городить забор,
Когда я не напрасно зван
То, чтоб продолжить разговор,
Желаю ведать дичь и цену.
Иль хочешь предложить измену?» -
И рыцарь зло захохотал.
«Последнее, конечно, вздор, —
Татикий рыцарю сказал. —
А в остальном сражен, признаюсь,
Пред умным мужем преклоняюсь,
Что мои помыслы постиг
И сам их мне пересказал». —
«А, византиец, брось, твоих

Значенье слов — не бог весть путы.
К чему юлить, терять минуты?
Лукавства кухня не по мне.
Ты называй врагов своих,
Решим, чем помогу тебе». —
«Ну что же, нетерпенье в радость...
Граф Боэмунд походу в тягость,
Он слишком сильным хочет быть...» -
«О, византиец, ты ль в уме?
Кого желаешь-то убить?» —
Воскликнул рыцарь удивленно.
«Убить? И в мыслях потаенных
Такого нет. Хочу лишь власть
Его ослабить, чтоб добыть
Достойным право не упасть
Пред Боэмундом на колени.
Свободный рыцарь вне сомнений
Быстрее выполнит свой долг,
Найдет мечту, утешит страсть». —
«Твой замысел не так уж плох,
Но в чем его осуществлень?» —
«Вначале мы без промедленья
Ослабим Боэмунда тем,
Что вырвем прочь одну из ног
Его и поглядим затем,
Как долго он хромать сумеет...»
«Мой ум восторженно немеет,
Сорвется имя с твоих уст
Щенка, мальчишки, перед кем
Во мне лишь ненависть из чувств».
«Что ж, нашим чувствам здесь не спорить,
- Татикий шепчет, — и поссорить
Мы графа с Танкредом должны.
Как? Слушай, рыцарь! И да пусть
Не будет нашей в том вины».

IV

День захлебнулся в синеве
Небес прозрачно-родниковых,
Трав изумруд чернят подковы,
И мнут подошвы сотен ног,
И полыхают, как в огне,
Штандарты, чтобы видел Бог —
Как рать, узрев перед собою
Притихший град, готова к бою,
А он не заставляет ждать:
Средь пыльных городских дорог
Ждет войско терпеливо рать.
Пошла кровавая забава —
Мечи танцуют слева, справа,
Трещат щиты и черепа,
И наземь части тел летят,
Как грязноснежная крупа,
И вместе с красною травою
Чечеткой конною лихою
Взбиваются в тягучий крем.
Вот конь разрубленный, упав,
В агонии кусает шлем
С обтесанною головою
Хозяина. А вот гурьбою
Тафуры в ужасе бегут.
Куда там... словно пыль дождем
Их топчет конница, и тут
Сама под дождь из стрел влетает,
И поле боя оставляет
Лишь обезумевший скакун.
Вот всадника петлей влекут,
И мертвый взор, красив и юн,
Внимает бойне удрученно,
Пока копыто обреченно
Его не крошит, как стекло.
Вот сарацин, ну впрямь колдун,
Он бьется дерзко и легко,

Что даже рыцари стальные,
Удары ощутив больные,
В сраженье больше не спешат.
И крови сколько уж стекло
С его меча. Вокруг лежат
Христовы воины покорно,
И сарацин рычит довольно.
Как вдруг искрится бравый меч,
И мышцы твердые дрожат.
Еще удар — и выпал меч
Из рук тяжелых сарацина.
И вздохом давится равнина —
Короткий взмах, и голова
Стыдливо свисла между плеч.
А победителю слова
На ухо шепчутся такие:
«Как видишь, Танкред, неплохие
Мгновенья выпадают нам.
Тебе в них слава, мне — игра».
Зрит рыцарь зло по сторонам,
Но вокруг лишь стали перебранка.
«Не вспомнил? Я — твоя служанка,
Холодный шепот слышен вновь, —
Ты был прекрасен, я воздам
Тебе за пролитую кровь.
Она — твоей мечты движенье,
А потому скорей в сраженье,
Я не насытилась пока..».
Смеется Танкред: «Кровь так кровь,
Тверда еще моя рука», —
И вихрем снова в бой помчался,
Да только бой уже скончался,
Враги креста посрамлены,
И в ужасе бегут. Куда?
Багровой тьмой озарены
Черты запуганного града,
И как предвестники парада
Чужого войска, к воротам
Стекают пасынки войны,

Кто чудом не остался там.

V

На сей раз побежденный град
Ключи не прятал за мечами
И непонятными речами,
Обильем жарких жирных блюд
Да тем, чем славен виноград
Был встречен грозный Боэмунд.
Что днесь была другая встреча
Забвенью предано (Предтеча
Даров богатых — чес подков
Под стали леденящий зуд,
Вина — излившаяся кровь,
Жаркого — скрюченные трупы).
Но рыцари внимают скупю
И косятся по сторонам.
Восток! Держи повыше бровь
И верь мечу, но не дарам.
Лишь Ричард — изумленный зритель,
Попавший в райскую обитель,
Пройдя сквозь адовый порог.
Склоняются к его ногам,
Как будто это суть залог
Того, что рыцарь их не тронет.
Главу смущенный Ричард клонит,
И жалость теплою змеей
Вползает в сердце. Правый Бог!
Что это с рыцарской душой?
Поверженных врагов смутился.
И Ричард тут же устыдился
Себя, и к Танкреду скорей.
Но тот не видит пред собой
Ни град, ни в граде том людей.
Он зачарован своей славой,
А все вокруг пустой забавой

Теперь уж видится ему.
Он чувство испытал сильней
В недавнем пекельном бою.
О, словно черт в тот бой ввязался,
Так сарацин проклятый дрался,
И все же он был побежден!
Удача ждет в чужом краю
Того, кто в отчем огражден
Был от успеха и признанья,
Но весь в надеждах и дерзаньях,
И с верой в Бога и коня
Рискнул искать.. И награжден!
И славой Родину пленя,
Он едет к ней, как муж к любимой.
И Танкред мыслями незримо
Уже в домашней стороне.
Его враги, судьбу кляня,
Склоняются пред ним к земле,
И просят для себя прощенья.
Но тщетно! Нет им снисхожденья.
Глотайте ваши же плевки, —
Изгой вернулся на коне,
И руки у него крепки!..
Тут воздух раскололся в стоне,
И вздрогнул Танкред — не в Клермоне
Пока он. Тишина свила
Петлю разбуженной змеи.
У Ричарда в плече стрела,
И кто-то с луком убегает.
В мгновенье ока догоняет
Злодея Танкред. Взвился конь,
И в землю молния ушла,
Глаз сарациновых огонь
И жизнь его гася навеки.
Устало Танкред смежил веки,
Что славы в смерти дурака...
Но что-то жмет его ладонь:
«Вот и насытилась... пока..».

VI

И той же ночью граф узнал
От византийца ненароком,
Что Танкред возомнил пророком
И лучшим воином себя,
И будто он еще сказал,
Что Бог отметил, возлюбя,
Его отвагой и бессмертьем,
А посему вторым иль третьим
В походе быть не может он,
И только первым мнит себя.
Великий Боэмунд взбешен —
Пусть дерзок стал язык мальчишки,
Но только ли свои мыслишки
Он нынче начал говорить?
Или удачей ум сражен,
Чтоб о себе так возомнить?
И так, и этак очень скверно,
Была рука, а стала скверна?
Интрига ль, глупость — все разброд
Внесет такой, что сохранить
Могучей силою поход
Без шума (крови?) не удастся.
Так стоит вдруг в меха попасться
Паршивой тле, и выбрось мех.
Не лучше ль понести расход,
Чем все терять, когда успех
Последних битв открыл дорогу
К богатству, почестям и Богу?
Не остановит и родство,
Коль уж оно — клубок помех.
Пока мальчишки хвастовство
Не заложило уши рати,
Его сурово наказать, и
Слухи тем пресечь пора.
Опасным стало озорство,
Когда смертельная игра
За ним маячит черной тенью,

Здесь место действию — не сомнению!
Так в гневе думал Боэмунд.
А Танкред, мрачный, как гора,
Одни глаза-озера жгут,
В то время слушал Бодуэна:
«Готов я преклонить колено
Пред, Танкред, доблестью твоей.
Ты знаешь, я бываю крут,
Люблю собак и лошадей
Поболе, нежели людишек.
От них дерьма и так излишек.
Я и тебя не привечал,
Но силой, храбростью своей,
Чего не часто я встречал,
Снискал мое ты уваженье
И рыцарей расположенье.
Как добрый друг хочу сказать —
Ты славою своей зачал
Любовь, тебя возносит рать.
И это, слушай, как ни трудно,
Вселило ярость в Боэмунда.
Не знаю, зависть ли, боязнь
Тому виной, но что скрывать,
Ведь гложет графа неприязнь
К твоим успехам. Не заметил?»
Но хмурый Танкред не ответил,
А Бодуэн не продолжал,
Но слов его колючих вязь
Горячий мозг с тревогой сжал,
А в сердце родилась обида.
Ну что ж, он не покажет вида,
Пока сам граф не намекнет.
Есть конь, есть меч и есть кинжал,
Там Бог рассудит и поймет.

VII

Пророк с искусанной душой,
Кривясь от боли, замолкает,
И, одурев, толпу скликает,
Дырявя глотку, глашатай.
Костер румяный и большой,
Над ним вороньих гроздьей стай.
Доказана вина пророка,
И волей кормчего и рока
Он будет заживо сожжен.
Его судьба, как пропуск в рай,
Но на земле он суть смешон.
Он станет ей немым укором,
Она же — вечным приговором,
В своем краю пророков нет!
Убит, подкуплен, уstraшен
Тот, кто хотел отмыть сей свет,
Да только замарал сильнее
Своею кровью, иже с нею.
И поделом! Что за напасть
Взывать и верить в то, что нет?
Все чушь... Обман ощерил пасть:
Какие у блаженной роды? —
Правдоискатели-уроды!
И тем обречены, что есть.
Лимит их утверждает власть,
А то размножатся, не счесть,
И рухнут стены государства...
Но мы живем в другое царство,
В нем правит пресвятая ложь.
Сочится величаво спесь
Из глаз благообразных рож,
Натыканных царицей славной
В честь тех, кто ей служил исправно,
В газеты и календари,
В альбомы с крокодилых кож,
В музеи, святцы и лари

С гербами, золотом расшитых.
И сколь известных, а сколь скрытых?
Что спорить — Гусман иль Тартюф
Почти у каждого внутри,
И Дон-Жуан (и полк соплюх,
Покинутых великим мужем),
Хоть для словесности, да нужен.
Кто не познал самообман?
Здесь жизни цель иль миф, иль глюк.
Евангелие, талмуд, коран
Герой Сервантеса в придачу
И тот, кто пел про речку Вачу
Являют буквой и судьбой
Доверчивый самообман,
Их участь — пламя и убой,
Да от потомков восхищенье.
Святым писаньям — поклоненье!
Но ложь упряма и сильна,
Пророк с заплеванной душой
Во все сжигаем времена.
Сжигатели почат геройски
Иль прахом у стены Кремлевской,
Иль воском у мадам Тюссо.
О, ложь — великая страна,
И мир не создал колесо,
Способное ее изъездить.
Вот область, где приятно грезить
И плыть мечтой по миражам,
Там и Манилов, и Руссо
На клетках розовых пижам
Кроят прожекты парадиза.
Бессрочно выдается виза
В страну наветов за глаза,
О, сколь знакомых бродит там,
И среди них, увы, друзья.
Вот край супружеской измены,
Здесь равенство всенепременно
От Зевса и до Молли Блум.
Вот город грязного белья,

Здесь спрос на сплетни, а не ум.
Вот остров хитрости военной,
Не перечислить поименно
Всех обитателей его.
Огромен, как московский ГУМ,
Дворец чудесный, вход в него
Одни политики имеют,
И о народах там радеют,
Как Сталин или Робеспьер,
И смотрят в нас, лишив всего,
Из-за кумачевых портьер...
И пол страны не описал я,
А вот, поди, устал, каналья!
Или... соврал вам, что устал.
Но где же мир тот я узрел,
И в нем когда же побывал?
Трясите картами напрасно,
Он расположен и прекрасно
У каждого в душе своей,
И если есть тот, кто не врал,
Не изменял, не клал камней
За пазуху, не лгал для правды, —
Пусть скажет он! И он сказал бы
Но он распят! Умыты руки!
Никто не попрекнет людей,
Отданных Богом на поруки.
И вылез мир с тех пор из кожи,
Чтоб доказать, что он — хороший
Но каждый век — Кто он такой,
За что он принимает муки?
Пророк с растерзанной душой.

VIII

Обидой яростной томим,
Без сожаления и страха
Ждет Танкред вызова от графа,

Своей же волей — ни ногой.
Но день промчался, а за ним
Нейдет никто, и наш герой
О Ричарде нежданно вспомнил.
Над градом ночь. Лишь пряди молний
Далеких освещают путь,
Да с факелом пройдет порой,
Зевая, стража. Темень. Жуть.
И пить, и грабить рать устала,
И длань Морфеева сковала
И чресла, и мозги ее.
И воздух вязок, словно ртуть,
Метни — завязнет и копье.
В такое время женщин любят
В постели жаркой или губят
Жизнь на безлюдных мостовых.
Но, впрочем, каждому — свое,
А Танкред в улицах кривых
Плутает, точно в мыслях бранных,
Где ни воров, ни дев смиренных,
А только Бодуэн и граф,
Да кто-то, кто с зубов гнилых
Кровавый сплевывает прах.
С душой смятенной Танкред бродит
По граду мрачно и находит
В конце концов невзрачный дом,
На череп глиняный впотьмах
Похожий. Дверь сыскав с трудом,
Заходит рыцарь внутрь. Ни звука,
Ни кашля, стона или стука.
Ошибся он, и Ричард был
Свезен в иной плешивый дом?
Но рядом кто-то вдруг ожил,
И горла Танкреда коснулся
Клинок, но рыцарь увернулся.
«Подохни, подлый сарацин!
Коль ты здесь смерть свою забыл.
Пусть раненый мой господин,
Честь защитить его сумею

И жизнь свою не пожалею...» —
«И славно. Помолчи, дурак!
Раз меч в руках, то нет причин
Лить воду слов, дразня тем мрак, —
Прервал поток угроз наш рыцарь,
Узнав слугу. — «Что, бедный Ричард?
Буди его и передай:
Пришел, мол, Танкред, просто так...»
«О, храбрый гость, не убивай,
Прости глупцу его сомненья.
Молю, не измени решенья,
Когда осмелюсь я сказать,
Что как меня ты не пытай,
Да только Ричарда кровать
Не оскверню прикосновеньем.
Он бредом, болью и томленьем
Весь божий день перестрадал
И лишь недавно начал спать,
Молю, прости, я все сказал».
И вспыхнул Танкред, и сдержался,
И прочь пошел, и к сердцу жался
Незнамый ледяной комок.
Со славой ты в любовь играл,
У смерти вырвал власти клочок,
Кутил с удачей, спал с победой,
Ты дорог всем, но не изведай
Никто, когда в тоске интриг -
Непонят, брошен, одинок.
Так что же в жизни ты достиг?

IX

И вновь призывно кони ржут
Да только не в тяжелых латах
Седлают их и мчат куда-то
Лихие рыцари зарей,
Нет, не враги их нынче ждут,

Развлечь охотничьей игрой
Они себя теперь решили
И в лес ближайший поспешили.
Но то ли выпал день такой,
Иль неудачною порой
Охота сталась, иль покой
Чужого леса был нарушен,
И всякий зверь, себе послушен,
Сбежал подале от беды.
И вечер уж подать рукой,
Но тщетны рыцарей труды
Словить, убить, увидеть зверя.
И вот, в удачу уж не веря,
Готовы повернуть назад.
И вдруг — следы! И впрямь следы!
И вмиг угаснувший азарт
С упрямой злобой вспыхнул снова.
Пусть не видать им ныне крова,
Коль стрелы не настигнут цель.
Нелегко финиш, легко старт,
Плевать! Победы близкой хмель
Вскипает в задубевших жилах.
Уж виден зверь, бежать не в силах,
И пеной морду окропив,
Он ждет, дрожа. Как шустрый шмель,
Жужжит стрела, и, глаз пробив,
Застряла в черепахе что свёрло.
За ней вторая – точно в горло,
А третья угодила в пасть.
И рухнул, кровью обагрив,
Траву, несчастный зверь. И всласть
Тут рыцарям бы веселиться,
Но чья добыча? Кто гордиться
Смертельным выстрелом бы мог?
Все три смертельны, вот напасть!
Стрелки отменны, видит Бог.
Граф, Бодуэн и Танкред хмуро
Друг в друга зрят — чьей будет шкура.
Упрямство их не хуже стрел

(Хоть, впрочем, тот охотник плох,
Кто взять добычу не успел).
Вот и нашелся, пусть не скоро,
Нежданный повод к разговору,
Не в граде, так в лесу сошлись
Племянник с дядей, и сумел
Тут Бодуэн, смекнувший лис,
Унять охотничье тщеславье,
И свою долю равноправья
На лучший выстрел скромно снял:
«Граф Боэмунд, внемли, не злись,
Ведь Танкред метче нас стрелял,
Ему добыча, знать, по праву...».
Но это графу не по нраву:
«О, слов твоих опасен плен,
Я с болью в сердце им внимал.
Не преклоняем ли колен
Поспешно Танкреду в угоду?
Лесть кормит спесь, губя породу,
И глас рассудка здесь немой.
Мальчишку портишь, Бодуэн,
Ведь видишь — первый выстрел мой».
Но рыцарь лишь пожал плечами,
Зато у Танкреда ночами
Заполыхали блюда глаз:
«Скажи мне, отчего ты злой,
Чем я виновен на сей раз?
Меня вниманьем избегаешь,
А встретив, так опять ругаешь,
Заметь, мой граф, скажу при всех,
Зачем свивать венки из фраз,
Скажи мне прямо — в чем мой грех?
Тебе я перешел дорогу?
Шаги мои, однако, Богу
Угодны. Это ль злит тебя?»
В ответ услышал рыцарь смех:
«Ты глуп, коль ослепив себя
Звездой удачи, блеском славы,
Не в дни войны, а в час забавы

Желаешь первым тоже быть.
За ратный подвиг возлюбят,
Его готова рать забыть,
Коль ты гордынею упьешься...»
«Так отчего же ты смеешься?» -
«Мой смех — намек, что шутишь ты,
Коль нет — твоя недобра прыть
Несем мы Крест, но не кресты,
И оттого сильны, что вместе...» _
«Вот как! Я расположен к лести,
Я сею смуту, я плохой,
Плету интриги, сам в кусты?
А что же ты? Ах, ты — святой,
Ты Крест единый берегаешь,
Лишь с византийцем изменяешь,
Припомни, кто его вассал?
А может вдруг я стал такой,
Что базилевс от нас устал,
И через ряженую псину
Дал знать, что нужно господину?
Чем ярче свет, тем больше мрак
Вот я в походе лишним стал,
Ответь за что — не просто так?
Одной быть силою стремишься,
И потому меня боишься,
Что славой превзошел, и в том
Тебе угроза...». — «Ты — дурак,
Быть выше славой, не умом —
Весьма прискорбная заслуга.
Хочу в тебе я видеть друга...» —
«Мой граф! Куда же мне, глупцу?
Тебе хлопотно с дураком,
Я уступаю путь к венцу —
Что делать мне с судьбою-стервой?
Ты победил, твой выстрел — первый.
Прощай, не проклинай меня,
Мой граф, нам слезы не к лицу».
И Танкред прочь помчал коня.

Х

Как будто кто ошпарил град
Беснуется, бурлит, бушует,
И страх услужливо рисует
Всем ираклийцам кровь и смерть.
Уткнув главы и выгнув зад,
Они (как спины, чуя плеть,
Покорны в ожиданьи боли)
В молитвах просят лучшей доли.
Им невдомек неверных пыл.
Аллах, заставь их околеть,
Сотри их в порошок и пыль!
Но лепет, горькие стенанья,
Проклятья, стоны, упованья,
К тому ж на дивном языке,
Горчащем, как степной ковыль,
Сухим, как ветер на песке,
Унывном, злом и непонятном —
Все это весело, занятно,
Да рать взволнована другим
И ей плевать, что град в тоске —
Голодных не понять нагим.
Что случилось? Рыцари уходят
И не зовут с собой. И бродят
По рати страшные слова:
«Бегут... Измена! Не хотим
Быть телом, если голова
Его бестрепетно бросает..».
И кто-то рьяный уж кромсает
Висящий рыцарский штандарт.
И мысль моя здесь не нова —
Несносна чернь, войдя в азарт.
А кое-где трещат кибитки,
Швыряют в них, из них пожитки,
И брань свихнувшейся толпы
Плывет по граду как набат.
А вот звенят и топоры.
Тревожные пришли мгновенья,

Но символы повиновенья
Уже у рыцарей в руках.
Трухлявый бунт — финал игры —
Рассыпан, как скелет в песках.
«У паники глаза огромны,
Зато ума запасы скромны,
Лишь дай свободу дуракам,
То первый будешь в дураках», —
Сказал так Боэмунд и сам
Перед тафурами явился
И с краткой речью обратился:
«Не буду на сей раз пытаться,
Кто смуту к радости врагам
Затеял. Скоро выступать
Нам снова в путь во славу Бога,
И наш удел молиться строго,
Чтоб был ему желанен путь.
О, Господи, прости же рать!
Сам покарай того, кто муть
В похода чистое течение
Подбросил. Нет ему прощенья!
Пусть будет проклят и клеймен,
Кто вновь осмелится дерзнуть
Посеять зерна бунта. ОН
Нам не простит второго раза,
И мы погибнем, как зараза,
Истлев презреньем христиан...».
Тафур и рыцарь — всяк смущен
Словами графа. Где смутьян?
Пусть только он его покажет,
Рать в грязь его тотчас размажет.
Татикий шею в плечи вжал,
В глазах охотника туман,
А Танкред меч покрепче сжал.
Кто мог подумать — слово графа,
И от любого даже праха
Не сыщется, и лишь позор
Навеки. Боэмунд прижал
К груди ладонь и впери́л взор...

ТАФУРЫ

*Redde Caesari quae sunt Caesaris,
et quae sunt dei Deo*

I

Всю жизнь играем мы с судьбой,
И ставки партий беспредельны.
Краплены, мечены, поддельны
Колоды, кости и поля, —
И что же? Преданной рабой
Подписывая векселя
Удачи, счастья иль надежды,
Она туманит наши вежды,
И мы покорны ей опять.
В который раз начав с нуля,
Садимся с нею вновь играть,
На туз козырный уповая.
Всё в масть! Удача, завывая,
Рвет клетку сердца пополам.
На тени прошлого плевать,
Пусть сплетничают по углам,
Ведь их старушечье брюзжанье
Совсем как робкое признанье,
Но той, что стала не мила.
Былые чувства — грустный хлам,
Мечты — протухшая зола,
Стремленья — гаснущие зори,
Желанья — скисшие узоры,
Друзья — увядшая листва,
Душа — остывшая смола,
Талант — пощечина Христа:
Все — результат игры с судьбою.
И крышку гроба за тобою
В конце концов прикрыв, она
С победным вздохом у креста
Могильного умрет сама.

А там вас только Бог рассудит.
Но к черту все! Удача будет,
Ведь козыри в твоих руках,
Все сходят по тебе с ума.
Везенье побеждает страх
(И время залатало раны,
И прежний опыт, как ни странно
Молчит). Неужто выпал шанс?
В любви, в надеждах иль делах
Ты у судьбы возьмешь реванш?
Дорога к счастью открыта,
Твой взмах козырный... Карта бита!
Душа — тоскливый трупный гной
Душа — вдруг высохший Ла-Манш
Душа — ковчег, что бросил Ной.
Не умерев — не возродиться,
Но сможешь ли опять решиться -
Оплеван, свергнут, отлучен —
Играть с изменницей судьбой?
Но вексель заново вручен,
И беды все забыты сразу...
Но возвращаемся к рассказу,
Ведь новые герои в нем —
Тафуром каждый наречен, —
О них мы речь и поведем.

II

Всегда голодный и босой
Ходил по улицам Клермона
Тримон, и кто не знал Тримона!
Задира, пьяница и плут,
Трущобный идол и герой,
Отважен, предан, но и крут
К обидчикам и злым языкам,
Неравнодушен к женским вскрикам,
В тавернах и подвалах свой,

Сегодня дьявол, завтра — шут, —
Таков Тримон, ну, а другой
Клермону вряд ли был известен.
Он скромн, одинок и честен,
В молитвах весь его удел,
И кто гулять, а он домой,
И даже женщин не хотел,
Пылая чувством только к Богу,
И потому к его порогу
Травой тропинка проросла.
Кто знал, тот звал его Гарсел.
И так бы жизнь их пронесла
По бурям, штилям к домовине,
Но смерть возьмет их на чужбине
Обоих сразу, а пока
Им жизнь, как курица, несла
Дни светлые, что облака,
Кочующие над Клермоном,
Пока он не покрылся звоном,
Как сыпью, жгучих языков,
Лизавших страстные бока
Недевственных колоколов.

III

Напуган звоном день бежал,
И тьма голодною волчицей
Сожрала град, и волочится
За ней убогая луна.
Но брюхо тьме вспорол кинжал —
То катит факелов волна,
Клермон собою заливая
И всех на улицы сзывая:
Нас ждет Господь! Наш пробил час!
Неверным воздадим сполна!
В поход! В поход! Веди же нас
Святая вера, божья милость!

И небо заревом умылось,
И град огням стал слишком мал,
Вокруг, куда ни глянет глаз,
Искрится лед и жжет оскал
По лицам доблестных клермонцев.
В поля стекает бурым солнцем
Из врат и городских щелей
Живое море: стар и мал,
Лязг, топот, крики, хрип коней.
Там рыцари в стальной одежде,
Калеки в призрачной надежде,
Крестьяне с цепами в руках,
Купцы из-за семи морей,
Монахи с песней на губах,
Ремесленники, каторжане,
Бродяги — в общем, горожане.
Над многоглавою толпой
Витают ненависть и страх,
Прощай, затоптанный покой...
И где-то здесь герои наши.
Вот и Тримон, красив и страшен
Среди багровых бликов он,
Хоругвь несет одной рукой,
Другой — бутыль. Так упоен
Тримон скоплением народа,
Что, как заправский воевода,
Взирает гордо на толпу.
Вдруг кто-то, словно легкий слон,
Прижал тримонову стопу.
Хоругвь в траву, бутыль на камень.
Взревел тут бравый горожанин:
«Что за развалина ползет,
Подобно тухлому клопу?
Пусть рог твой кляча отгрызет
И в лоб копытом раз заедет,
Пусть от тебя жена уедет,
Чтоб шерсть на пятках проросла.
Примета — дрянь. Не повезет.
Безмозглый дурень, брат осла...».

Но тот Тримону не ответил
И даже больше — не заметил,
Как будто факел проглотил.
Тримона дрожь аж затрясла,
Он сбоку резво подскочил,
Занес кулак — болтать что много —
И... отшатнулся. Лик святого
Узрел задира и смущен,
Что бранью глупой омрачил
Величье действия: освещен
Багряным светом град звенящий,
Кругом поля толпой бурлящей
Залиты, будто бы смолой,
Весь мир в надежду обращен,
Осыпан свежеею золой
Огней, крестов, одежд и стягов.
Внемли, Господь! Тебе во благо
Собрался в эту ночь народ.
И рыцарь юный, удалой,
Зовет, зовет, зовет в поход.
Тримон шальной слезой умылся
И к незнакомцу обратился:
«Смотри как славно все вокруг,
Не посрадим честной народ!
Скажи кто ты и будь мне друг.
Что мы в Клермоне потеряем —
Пыль, скуку, нищету? Сыграем
С веселой девушкой судьбой.
Не одолеть ей сразу двух.
Решайся же, пойдем со мной
В заветный край во славу Бога
По нраву коль тебе дорога,..».
И незнакомец отвечал:
«Идти с другим или с тобой
Мне все равно, когда мечтал
Узреть тот край и прикоснуться
К святым местам и возвернуться,
За поруганье отомстив».
«Так руку дай, — Тримон вскричал. -

Вернемся только отпустив
Свои грехи в крови неверных».
И два коленопреклоненных
В толпе избрали свой удел,
Друг друга тут перекрестив.
То был Тримон, то был Гарсел.

IV

Недолги сборы, если брать
Особо нечего в дорогу.
Здоровье есть, и слава Богу.
Два друга в помыслах благих
Пополнили Христову рать,
Кинжал с иконой на двоих
В пути защитою послужат...
И вот пустыня. В небе кружат
Отчаянье, тоска и смерть.
Молчит Гарсел, Тримон затих,
Пройти сей ад, не околеть —
Гвоздем по сердцу мысль колотит,
И на песчаной позолоте
Как символ духа — новый шаг.
И солнца траурная медь
На бронзе лиц наводит страх,
Равняет смелых и надменных,
И безлошадных, и бесстенных,
Потомкам — кости на песке,
Как жилы высохших коряг.
Вперед — и путь лежит в тоске,
Назад — и путь лежит в позоре
(Богат мир теми, кто в надзоре
За наши судьбы состоит.
Откажет в крове и куске,
Но дать совет не устоит,
Тем паче — за грехи осудит,
И перед ужином забудет.

Дух сыт. Ум светл. Жена чиста,
И даже кое-что стоит,
Горят лампы у креста, —
Всё праведно, благопристойно,
И всё до тошноты достойно.
В поход за веру не пойдут —
Другие куплены места, —
Но искренне нас проклянут,
Коль, не дойдя, мы возвратимся.
Плевками и опохмелимся...).

Все медленней идет Гарсел,
Пустыней, как банан, согнут,
Весь сморщился и постарел,
К костям прилип пустой желудок,
В бреду пылающий рассудок:
«Приемлю жар, приемлю холод,
Снесу мечи и иглы стрел,
И сгнить в пустыне буду рад,
Лишь было бы тебе во славу.
И коль, Господь, тебе по нраву,
Чтоб выжил я и покарал,
То я пройду сквозь всякий ад,
Лишь ты б глоток воды мне дал.
Прости, о Боже, нас, несчастных,
Что просим мы в молитвах страстных.
Ничтожны просьбы, не гневись,
Никто, как ты, не испытал.
Пред нами, слабыми, явись,
И устыди... Воды... Не смею
Просить, пусть лучше околею,
Но знай, Гарсел любил тебя...»

А у Тримона нос повис,
Ползет, лохмотья теребя,
С соплей, прилипшей к подбородку:
«Попал, как гусь на сковородку,
Обжарен уж со всех боков,
Шакалы, радостью трубя,
Сожрут — им пара пустяков.
Кто косточки мои схоронит,

Слезу небрежную уронит?
О, солнца же смердящий зад!
О, небо! Дай нам облаков!
Ползу, как недобитый гад
Уж лучше нюхать пыль Клермона,
Но кто там ждет еще Тримона?
Нет больше сил, так пить хочу,
Вода — желанней всех наград,
Дай море — море проглочу.
Но как несправедливо, Боже,
Бесславно, глупо рухнуть рожей
В песок из-за глотка воды!
Таков мой крест? И я влачу
Его, как раб своей судьбы?
Ты измени мне наказанье,
Коль я в тебе нашел призванье.
Прости грехи. Прости нас всех,
Дай знак спасенья — не беды,
Не смерть и вопли — жизнь и смех
Поход в пути сопровождают.
Ведь не для шакаля рожают,
Не из-за Страшного суда,
Богатств, гордыни иль утех... —
Мы с верою зашли сюда,
Так озари нас своим светом!»
Но тяжкий скрип шагов — ответом
И день и ночь, и ночь и день...
И вдруг кричат: «Вода! Вода!»
И будто набежала тень
На зном пышущее солнце.
И впрямь вода! Вон два колодца,
Господь услышал. Deo Dei!
И не жалея ног, колен,
Чужих зубов, своих локтей,
Туда тафуры устремились,
И первые уже напилась,
И плещут, остальных дразня.
Тримон Гарсела, как злодей,

Трясет за шиворот, кляня:
«Быстрее! Молиться позже будешь,
Когда живот, дурак, остудишь».
Но тот и шаг ступить не в мочь.
И только ржание коня
Да окрик рыцарский: «Эй, прочь!»
В Гарселе силы пробудили.
Скорей к колодцам! И застыли
Тримон с Гарселом: жуткий вой
(Так волки воспевают ночь)
Навстречу им, и пред собой
Они зрят страшную картину:
Гарцует рыцарь, меч свой вынул,
А рядом корчатся, лежат
(Один с отрубленной рукой)
Тафуры-братья. Все визжат,
Ревут, рычат, скулят и лают,
И в рыцаря песком бросают.
Тримон у ярости в плену
Уж первый. Над толпой кружат
Его слова: «Смерть, смерть ему!»

V

Трубит без усталости рожок:
Отряд из рыцарей наскоком
В толпу врезается жестоко.
Неувернувшийся Гарсел,
Стальной пяте подставив бок,
От боли охнул и присел,
Как безучастный Созерцатель
(И пусть простит меня Создатель,
Нехорошо Гарсел сказал),
Тримон и охнуть не успел,
Как сбитый с ног в песок упал, —
Как будто рядом смерч промчался,

Сам Боэмунд сюда примчался.
Угрюмый и слепящий взгляд
На сникшую толпу упал,
Как на раздетых снегопад.
Лоснится сталь надменной свиты,
Все ожиданием побиты —
Воды и мести жаждет рать.
Сердца, как поршни, не попад
Стирают ребра... Но плевать
Уж видно на тафуров графу —
Не проклял, не призвал на плаху,
Бескровен громкий разговор.
Но дале дерзкий рыцарь хватъ,
И в воду меч. Истошный взор
Толпы прилип к темневшей стали.
Вода отравлена! Пропали! —
Пронзила уши весть стрелой.
Надеждам вынес приговор
Сей рыцарь, доблестный и злой...
Умчались граф, и он, и свита,
А рать, отчаяньем умыта,
Вослед покорно поплелась.
В пустыне траурный покой —
И гроб готов, и рать спаслась.
«Кто этот Танкред, что за диво?»
У рыцаря спросил уныло,
Песок стряхнув с себя, Гарсел,
И долго шел потом, крестясь
И бормоча. Уж день осел
За горизонтом желто-красным,
А он все бормотаньем страстным
Единственного друга злит.
Тримон не выдержал, вскипел:
«Заткни свой рот, и так тошнит,
Чтоб слушать мне твои стенанья.
Оставь, как я, все упованья.
Недолго ждать». Гарсел в ответ:
«Тримон, моя душа скорбит,
Молюсь, но мню — спасенья нет,

Ведь на кого мы посягнули
В своем слепом грешном разгуле?
О, Бог нас должен покарать».
«Гарсел, ты спятил или нет?
Ему б одно несдобровать,
Пускай граф будет трижды дядя.
Он пролил кровь своих, не глядя,
Ему б конец, приди поздней
Подмога. Что теперь страдать?
Запомним. Будем впредь быстреей».
Сказал Тримон и храбро сплюнул,
Ну, а Гарсел и в ус не дунул:
«Тримон, да Бог тебя хранит,
Быть злей, не значит быть сильней,
Кто в силе — прав, и он казнит.
А Танкред — прав, с ним мощь господня,
Судьба с ним - ласка, с нами - сводня.
Клермон припомни. Не признал
Того в нем, кто толпой увит,
К походу истово взывал?
Припомни, после страшной бури
Назад мы чуть не повернули,
Кто первый путь нам преградил?
И ныне первым прискакал,
От жуткой смерти оградил.
Все это выше разуменья,
И потому во мне сомненья —
Сей Танкред, человек ли он?
А если Бог нас одарил
Святой защитой, а, Тримон?
Вот ангел с человеческим ликом,
А мы в него песком да криком,
Неблагодарные рабы!
Молись, да будешь ты прощен..».
«Все это если да кабы, —
Пробормотал Тримон смущенный.-
Тот рыцарь, как и я, крещенный
И разницы не вижу с ним.
Святой иль баловень судьбы

Сей Танкред — в битве поглядим».

VI

А в голове то мрак, то блажь,
И кто-то мнит — он грешных пастырь
Ведет их чрез песчаный панцирь,
Как сквозь чистилище, прям в рай.
Озерноокий льнет мираж
К холмам и дюнам — не зевай
И мчись к студеным хладным волнам,
И там, в изнеможеньи полном,
Руками зачерпнешь... песок.
Последнее гнездо свивай —
Здесь будешь вечен, одинок...
А зеркала небес лазурных
Уж в пятнах грязево-пурпурных,
Ах, то не тучи, то копыт
Далеких след, и бьет в висок
Их злая дробь. Тревогой сшит
В колючий шарф поход крестовый,
И Боэмунд, вожак суровый,
К сраженью подал верный знак.
Острее будь меч, покрепче — шит,
Точней — копье, мощней — кулак,
Пусть ратники слабы да хилы,
Отчаянье заменит силы.
Так загнанный медведь готов
Устало растерзать собак,
Уже ползущих из кустов.
Тримон с кинжала пыль сдувает,
Гарсел икону обтирает —
Врагов, поди, недолго ждать.
Ну что ж, химер закончен лов,
Коль смерть сюда идет рожать,
И не воздушные картины,

А горла, животы и спины
Кусками вылепят пейзаж.
Теперь, поди, недолго ждать...
И это будет не мираж.
Вот и явилась вражья сила —
Весь горизонт заполонила,
Ну, кто кого? И грянул бой!
Погибели хмельной кураж
То как отлив, то как прибой.
Тримон неистово кинжалом
(Пусть малым, но смертельным жалом)
Достать неверных норовит,
Да пыль и вонь перед собой
Он видит, но порой разит
Опешившего сарацина,
Тогда кричит: «Прими, скотина!»,
И с прежней страстью в драку вновь,
И вскоре враг другой вопит,
Своею смыв своих же кровь.
И кружит голову удача
(Известно, впрочем, что за кляча),
И, ошалеv, не зрит Тримон,
Как сарацин, прищуриv бровь,
Взмахнул искрящимся ножом,
И отблеск стали непреклонной
Пал на него замороженно.
И тело вмиг сковал свинец,
Как вдруг пред Богом — нагишом,
И льдом по сердцу — Мне конец.
Внезапно меч без промедленья
Над ним завис, как воскресенье,
И бешеный удар сдержал.
Тримон очнулся наконец,
Благоразумно отбежал,
И глядь назад: там рыцарь юный
Заставил грохнутьv на дюны
Врага, как гибельную блажь.
Тримон тут Танкреда узнал,
А тот продолжил смертный марш,

Не взяв труда и оглянуться.
Тримон за ним, да ноги гнутся,
Налипший ужас не содрать,
И губы шепчут «Отче наш»,
И пред глазами плачет мать...
Оставшиеся в скорбных позах
Ждут участи своей в обозах,
Глотая сердцем каждый звук.
Обречены они — лишь ждать
Спасенья или новых мук.
Гарсел, молитвы причитая,
Все на коленях, не вставая,
А рядом — всхлипы, слезы, вой,
И ввысь — к Нему — сцепленье рук:
Дай нам победу, Ты же свой!
И кто-то там в жестокой битве,
И кто-то в истовой молитве,
Победа спишет сей расклад,
Что не поймешь — а кто герой?
Христос? Да только он распят...

VII

Два полюса — герой и трус,
И оба — в тайне и тумане,
Еще — в крови, еще — в обмане.
Бессилен, мне не осознать —
Труслив, сказавший: «Я боюсь?»
Обманом можно все продать,
Но трусостью лишь все измерить.
От первобытных до империй
Жиреет и растет шкала.
Внизу — кто смог убить, предать
Из страха. О, им несть числа.
В вонючей жиже, чтоб смешаться,
Личинки-люди копошатся,

И здесь им страшно до сих пор.
Скелетом жертва проросла,
Но вдруг сюда направит взор
Ее душа иль свет потомков
Все воскресит, и среди обломков
Времен застывших проклянет?
Забвеньем не стереть позор.
Простить? Кто вправе? Кто рискнет?
Затем — слой трусивших с рождения
Поступка, подвига, решенья,
Но знатность, блат и ордена
Сподвигли их на власть и гнет.
Как ни одна — моя страна
Таких познала. А расплата —
Чечня, Афган, Чернобыль, - хватит?
И здесь, как там, в Политбюро,
Скопленье серых лиц и тьма,
И семь десятков лет — зеро,
А за Черненко, Маленковым, '
Калининым да Горбачевым,
Заметны Ромул Августул,
Маврикий... устает перо
Писать про ряженных акул.
Повыше — звавшие на драку,
К свободе (часто значит — к мраку),
Победам, мести и звезде,
И не щадившие лишь скул
В предельно страстной болтовне.
И здесь же те, кто слал в атаки,
Кто верил в тюрьмы и бараки
Как панацею, — все они
Затем остались в стороне,
И не пролив своей крови
За то, на что так рьяно звали...
Еще повыше — кто в опале
Вдруг оказавшись у властей
Порывы изменил свои,
Собой пополнив сонм блядей.

Имен тех называть не буду —
Международную простуду
Тем навлеку я в адрес мой
Плевки и чихи всех мастей
Еще бы — признанный герой,
Увековечен в бронзе, камне,
И назван трусом? Ну, куда мне
Тягаться с ними... Выше ранг
У тех, кто трусил пред судьбой,
И кто держал и бросил фланг,
Не выдержав жестокой сечи,
И кто бежал, боясь увечий
От хулиганов и невзгод,
Кто от дворцов и до яранг
Не в силах защитить свой род.
Над ними — кто порвал с любовью,
Коль плата — бедностью и кровью,
И кто фамилии менял
(Бронштейн иль Гангнус - ведь народ
Глядишь не понял бы, не внял).
Повыше — кто боится ночи,
Соседей, слухов, ссор и прочих
Болезней, стрессов, холодов,
Накрашенных девиц, менял,
Начальства, скоростей, гробов...
И выше – кто себя боится,
Кому его же совесть снится
Но есть в шкале особый штрих -
Очерчен сеткою оков,
Забором виселиц кривых,
Колючей проволокой с током, -
Здесь нет попавших ненароком
Здесь трусы мерзкие слывут.
Не много и не мало их,
И мертвые, они живут,.
Они — вулканы, мы — Помпеи,
От страха за свои идеи
За власть, за вверенный народ,

Его казнят, стреляют, жгут,
Низводят вплоть до нечистот.
Там Ирод, Сталин, Чаушеску,
Пол Пот, Бокасса вперемешку,
Там вонь и смрад, там СТРАХ и боль,
Там кровью наполняем рот,
И сыплет костяная соль...
Мы все шкалою той объаты
За исключением — кто распяты.
Планете выделен свой трек,
А нам дана судьбою роль,
Десятый иль двадцатый век —
Неважно это исчисленье,
Трусливо всяко поколенье,
Кочующее по скале.
И я труслив, раз человек,
Но где мне место в той шкале?

VIII

Забыт, забыт кошмарный мрак,
И рать сама пришедшим мором
Блуждает воспаленным взором
По вдруг открывшейся земле.
В слюне убогой зреет смак —
Всё! Не варить мышей в котле,
И сухарей, песком соленых,
Не грызть, а на лугах зеленых,
Вкушая с мясом запах трав,
Забыть пески в сытой золе,
И не желать иных забав
Как ждать чужой, но женской ласки
Да зреть на солнце без опаски.
Гарсел ожил, Тримон воспрял,
С сердец уныние содрав
Восторг обоих облизал.
«Воистину цветов смешенье

Подвигло нас на воскрешенье
В том, чую, верный божий знак
В пустыню — желтый цвет — попал
Цвет крови — красный — Иль не так?
И цвет земли рожден — зеленый.
Бог жертве внял — поход спасенный!» -
Гарсел Тримону говорит.
«Траву целует мой башмак,
И глаз еду и воду зрит,
Прохладный воздух грудь глотает,
И радость душу лобызает,
Бог милосерден, рать храня,
По убиенным он скорбит.
Дышала дважды смерть в меня:
В пустыне — жаждой призывая,
А в битве — челюстью свисая
Над непутевой головой.
Цветов смешенье — ерунда,
Коль чудо в том, что я — живой,
То мой спаситель — вот знак божий».
Тримон сказал. — «И кто он? Кто же? -
Ревниво выкрикнул Гарсел. —
«Он – Танкред, рыцарь и герой...
А я в него плевал и смел
Погибели желать... Я грешен
В своих поступках и потешен.
Что ночь в Клермоне? Ночь всего,
Он был среди многих, но узрел
Ведь я тогда его. Его!
Да не придал тому значенья,
Как и потом, где в заточеньи
У страшной бури — Боже мой!
Сколь славных ратников легло —
Под крики: "Мы идем домой!
Он нас низвергнул и уверил,
Но и тогда я не поверил.
Затем колодцы — снова он!
Ну, право, демон над землей,
Он рать спасает, а Тримон

Ему желает смерти, Боже!
И вот сраженье. Ну и что же?
Как ангелом небесным, им
В ужасный миг я сам спасен.
Вот кто, Гарсел, нам знак двоим,
Ты говорил о нем довольно,
Да, это — Танкред, и мне больно,
Что высших сил не видел в нем». -
Тримон вздохнул. «Он рок наш, с ним
Мы победим иль пропадем».

IX

Смахнув слезу, припала рать
К земле незнакомой и священной,
И над коленопреклоненной
Стервятник вдумчивый парит.
Дошли! За всех не отстрадать,
Пусть прошлое огнем горит —
На теплой травяной постели
Забыты страхи и потери
В каленых ледяных песках.
Создатель нас вознаградит
За все сторицей, только взмах
Руки могучей графа — двинет
Крестовый смерч вперед. И стынет
У ждущих жеста в жилах кровь,
Вздувает грудь, щекочет пах,
А граф торжествен и суров.
Вот длань его Восток закрыла,
И тронулась, взбурлила сила,
Кто остудит ее теперь,
Коль слышен запах городов
(Так чует след голодный зверь,
И тощих мышц желанье страстно,
Остановить его не властно
Ничто на избранном пути).

Что ж, в край обильный вскрыта дверь,
За малым дело — лишь войти.
Препятствий нет, заслоны смяты,
А рыцари, войной объаты,
Уж к стенам града понеслись.
Удача, эх, крути-верти, —
Тафуры следом подались,
Полны надежд и ликования.
Град как мечта, как заклинанье,
Как символ, обретенный дух.
Вперед! Вперед! Ну, смерть, резвись,
Тафуры словно туча мух,
Тарелку с медом облепивших,
У сникших стен. В смоле застывших,
Проткнутых, срубленных, слепых,
Раздавленных, как мокрый пух, —
Сменяют полчища живых
(Азарт, настоящий на крови,
Пустых желудках, громком слове,
Замешанный с идеей fixe,
Ужасней и тупей других.
Кто на Олимп, кто через Стикс.
В стратегии, в расчете, в спешке
В азарте гибнут только пешки,
Ферзям к победе чища путь).
Тримон (для летописцев — икс)
Бесстрашно подставляет грудь,
Безумным поражен азартом
И зрит себя крестовым братом
(Так пьяному на все плевать,
Что при похмелье — просто жуть),
Щадит ли смерть его — как знать,
Он — вес живой средь тысяч гирек.
Гарсел (для летописцев — игрек)
Неистовостью обуян,
С крестом в руках взывает рать
На подвиги и на таран
Твердыни вражьей. Взбухли вены
Горят глаза, дрожат колени,

Без робости, как входят в дверь,
Вошел в кровавый он туман,
Нет, не узнать его теперь.
И вот на стены их выносит
Волна сраженья, а здесь косит
Смерть тоже щедрый урожай.
И выживет дурак иль зверь,. . .
Дано мгновенье — выбирай!
Ну что ж, Тримон дерется люто,
А на Гарсела, как на плуга,
Зрят и тафуры, и враги,
Не до него, лишь не мешай,
Не хочешь в бок — ляг и лежи!
Но смерть капризна, как блудница,
К героям нашим вдруг стремится
И, как невидимый венец,
Над их главами возлежит,
Еще мгновенье — и конец...

Х

Судьба, как карты, кажет нам
Одним кошмар, другим — отраду.
Вдруг рухнули ворота града,
И первый рыцарь проскакал
По необидчивым телам.
Тримон в нем Танкреда признал:
Что, снова знак Всевышней воли?
И будто силы стало боле.
«Гарсел, держись!» — вскричал Тримон,
Покрепче ухватив кинжал,
Но зря — коль рухнул бастион,
Жить крепости одно мгновенье.
Бегут, оставив разуменье,
Что будет завтра? Нет, сейчас
Спасись! Бегут со всех сторон
Неверные. В недобрый час!

Героями герои наши
Спустились вниз, к остывшей каше
Сраженья. Всё! Теперь гуляй —
Победный гам что божий глас,
Ведь град у ног, эй, не зевай!
Кто победителей осудит?
Пусть мощь креста здесь да пребудет,
Пусть воцарится на века,
Пусть вздрогнет покоренный край,
У рати сила велика.
Пьяна вином, победой, кровью
Она теперь полна любовью
К тем, кто привел ее сюда.
Тримон горланит, вверх рука:
«Веди нас, Танкред, хоть куда,
С тобой удача, рыцарь славный!»
Гарсел вторит: «О, рыцарь славный.»
И вместе, как один, кричат:
«Герою Танкреду — ура!»
Но крик иной уже зачат:
«Граф Боэмунд!», он нарастает,
И имя Танкреда в нем тает...
И ночь, и день резвится рать,
Как выводок хмельных волчат.
Друзья устали есть и спать,
Куражиться, бродить, дивиться
Ругаться, драться и делиться.
Не видно Танкреда, и граф
Не жалуется особо рать,
И слухи вяжут щель в ушах:
«Граф болен, надолго застрянем.»
Но вдруг приказ, и утром ранним
Всклубилась тяжело пыль дорог.
И слышит рати грозный шаг
Страж, он трубит в хрипящий рог
Все на защиту, войско к бою!
Кто оказался под рукою,
Туда же. Всех аллах простит:
Кто был неумолим и строг,

Послав на смерть, кто защитит
Ценою жизни град и веру.
Но поздно. Вот ногой по чреву —
В колени согнут и сей град.
С фортуной в паре рать кутит,
Не битв желая, но услад
(Святое право победивших),
И бродят вдоль домов застывших
Тримон с тафурами, пока
Гарсел, как истинный солдат,
Ночлег готовя, ждет дружка,
Едой запасшись и молитвой.
Так день за днем. И вдруг как бритвой
Кромсают рать слова: «Бегут!
Тонка у рыцарей кишка,
Коль уши лгут, глаза не лгут,
Вон быстро как коней седлают.
Нас предали, нас покидают..».
Тримон уж здесь, штандарты рвёт,
В толпе Гарсела просто мнут
(О, черни гнев, он все сотрет
И с ним, кто к гневу надоумил).
Но слух родился, слух и умер
Под властной графскою рукой.
И рать, как кость собака ждет,
Сама — смиренье и покой
(Покорность есть похмелье бунта), —
Кого ей палец Боэмунда
Укажет: вот Искарот.
И каждый сам себе чужой,
Но чья же смерть спасет поход?

КИЛИКИЯ

Nemo omnibus horis sapit

1

Священна рыцарская честь,
Увитая пятью цветами,
Где каждый выверен веками:
Червленный — то Христова кровь,
Сколь пролито ее, не счесть,
За святодушье, за любовь,
За смелость, мужество — тем паче.
Он — символ славы и удачи,
Он, — жизнь за крест и короля...
Цвет черный — небо у столбов
Голгофских, мать сыра земля,
Кто постоянен в испытаньях,
Мудр, осторожен, тот в скитаньях
Несет по праву черный щит.
Мрак и печаль — его стезя,
Он созидает и скорбит,
Он — символ памяти и муки...
Лазоревый — глаза и руки
Пречистой божьей девы, свет
Добра и благодати (сбит
Им с толку не один поэт).
Он — целомудрие и честность,
Он — верность, он же — безупречность,
Он — знак небесной чистоты
И символ миллионы лет
Прощенья, веры, красоты...
Зеленый — то дыханье рая,
Переливаясь и играя
Нежнейшей луговой травой,
Он — символ счастья и весны,
Согласия с самим собой,
Он — изобилие, свобода,
Надежда, радость (здесь бы ода

Уместней, нежели сей стих)...
Пурпурный — отблеск грозовой
Всевышних дум. Поник, притих
Всяк перед этим гордым цветом
Он — благочестия примета
Он — щедрости первейший знак
И в нем умеренности штрих,
Он штиль и буря, свет и мрак
Он суть верховное господство,
Он — символ власти, благородства...
Священна рыцарская честь,
И в мире скверн, интриг и драк
Блажен, кто смел ее пронести
В душе, на гербе иль знаменах.
Да будет вами зло клеймено!
Осанна вашим именам!
А мы продолжим то, что есть—
Пора во град вернуться нам.

II

Стучит сердцами тишина,
К закланью жертвы все готово,
Но граф не произносит слово,
И так напугана вся рать,
Покорна, преданна она,
Пусть все ткачам интриг видать,
А заодно — глупцам поспешным,
И граф сказал: «Простится грешным
По недоумью, не уму».
И разошлась, судача, рать —
Кому же повезло? Кому?
Посеяно зерно сомненья,
И прорастает подозренье —
Кто желчь раздора ищет? Кто?
В свою паршивую суму
Змею измены прячет кто?

Кивок, усмешка, прищур, фраза
Во всем усмотрена зараза
Быть может бдительной душой,
И мнительность в глухом манто
Снимает угол за стеной.
Что ж, слову час, а делу – время...
Но вновь вбивают ноги в стремя
Лихие рыцари. Сей раз
В поход с последнею звездой
Всем выступать — таков приказ.
Прощай, Ираклия, навеки,
Хронисты, вдовы и калеки
Тебя припомнят. Кто когда.
А рать другие, как сей сказ,
Ждут подвиги и города.
Что Танкред? Лик его не светел,
И верный Ричард то приметил:
«Что тяготит тебя, мой друг?
Болезнь, обида иль беда,
Неведомая мне, твой дух
Скрутили в жгут, иль вид мой бледный
Тебя томит, иль кто зловредный
Наворожил тебе напасть,
Или вошла, как ржавый плуг,
Под сердце роковая страсть?»
И Танкред мрачно отвечает:
«Я вижу ладно привечает
Граф византийскую змею,
Что есть да пить умеет всласть,
И невидимкой быть в бою.
И Боэмунд его советам
Послушен, как монах обетам,
А я — неслышим, нелюбим.
Татикий цель блюдет свою,
А рать, как стадо, вся за ним.
Зачем идти дорогой дальней?
Спросил я их, и стал опальный.
И слухи крысами шуршат,
Мол, жажду распрей — и гоним,

Уж тем и рыцари грешат,
И косятся, как на проказу...
Болезнь иль страсть? Чудно. Ни разу
Такою дрянью не страдал.
Страсть для бойца — дерьма ушат,
Забудь все то, чего желал, —
Богатства, славы и свободы,
И цель твоя — означить роды.-
Я не для этого рожден!
Я цель иную загадал,
И к ней немалый путь пройдён,
Чтобы упасть иль оступиться,
Запнуться иль остановиться».
«В словах твоих застыла ночь, —
Печален Ричард и смущен, —
Чем я могу тебе помочь?
Конем? Оружьем? Жизнью? Честью?
Скажи, я буду рад известью».
И Танкред Ричарду сказал:
«Унынье и сомненья прочь!
Ты выход дельный подсказал -
Из тупика да в подворотню.
Мне верных рыцарей бы сотню!
Пусть взропщет даже господь Бог
Но я бы графу доказал,
Что я смогу и что бы смог,
Оставшись под его штандартом.
Будь, Ричард, мне названным братом,
Коль пособишь в стремленье том».
«Жизнь — смесь безумий и тревог
Для тех, кто свой покинул дом
В надежде обрести удачу.
Но горе, радость — что в придачу
Несут они? И все ж готов
С тобою быть. Но что потом?» —
Воскликнул Ричард. «Бездна слов
Приводит к их неразуменью.
Колпак интриг — конец терпенью.
Я нынче слаб и пропаду

От жал коварных языков.
Я на Киликию иду.
Живут там, слышал, христиане,
В чести там буду, не в обмане,
И в силе славы возвернусь,
Тогда те языки найду...»
«С тобой я, Танкред, в том клянусь»,
И Ричарда ладонь у сердца.
И не успел рассвет одеться,
Как петлей весть стреножит рать:
Уходит Танкред (ну и пусть),
Но с ним собираются удрать
Две сотни ратников и сотня
Могучих рыцарей. Господня
Настигни кара их в пути!
Иль раньше? Графу лишь сказать,
Но он молчит. Он дал уйти...

Ш

Полночный бриз ребрит шатер,
По стенам будоража тени,
Зевает тишина от лени,
Устав валяться по углам.
Подле шатра горит костер,
Сидят безмолвно стражи там,
Сон Боэмунда охраняя,
Но он не спит, и тьма седая,
Неслышных слов внимая суть,
Покорно льнет к его ногам.
А граф главу склонил на грудь —
Нелегких дум тяжёло бремя:
Легко мальчишке — ногу в стремя,
За пояс меч и был таков...
Вторые сутки не уснуть.
Неужто он в число врагов
Моих по глупости подался?

Обиделся или продался?
Родная кровь наперекор;
Чем согрешил, что из долгов
Не отдал, раз она — в укор?..
Коль глупость есть всему причина,
То не беда, то поправимо,
Ведь глупость — девка для ума:
Не жалуешь — так жди отпор,
А приголубишь — и верна
Но коль в обиде вся причина?
То непонятно. Я почина
К ней не давал. Да, был я строг,
Но вокруг не свадьба, а война.
Я не жалел его, хоть мог,
Ведь с нянькой воином не станешь...
Ах, Танкред, ты мне душу ранишь —
Не вправе высказать любовь
Ни сюзерен, ни даже Бог,
Когда кругом ликует кровь.
Не только в ней за крест и веру
Плывут. Плывут и за карьеру.
Там благосклонность — мать интриг.
Как псарь среди псов, им драться в кровь
Не дал. Не дам. Иль не постиг
Сего мальчишка? Иль причина
В том, что продался, и личина
Скрывала замыслы его?
Но в чем они — желанный миг
В объятьях славы, и всего?
Иль жаждет мой племянник власти,
О чем по рати бродят страсти?
Не верил, не спешил пресечь...
Но он — сын брата моего,
Он юн и лишь умеет меч
Держать в руках, что слишком мало
Чтоб рать с ним шла и воевала
Нет, здесь в ином сокрыт ответ:
Хотят нас с Танкредом рассечь
Чтоб каждому сломать хребет,

Ведь бесхребетный — не опасный
Зато угодный и согласный
Подставить спину, как ступень,
Чужим плечам... Ну что ж, совет
На завтрашний назначен день.
Вшей обнаружить изловчится
Лишь тот, кто к чистоте стремится,
Коль осторожность позабыв,
Они разбухнут, как ячмень,
Свой мерзкий вид и дух раскрыв,
Их раздавить труда не стоит.
Мальчишку время успокоит,
А мы на пользу обратим
Его негаданный порыв,
Потом простим и... возвратим.

IV

Смыв липкий пот с шершавых ног,
Танцую бедрами, девица,
Вздыхает томно, словно жрица,
Что плоть раба отсеки, ждет
От властелина тайный гонг, —
И ей греха перепадет;
Но не судьба — в шатер стучится
И слуг бранит, и внутрь ломится
Как туча мрачный Бодуэн.
Увы, девице не везет:
В тоске склонилась до колен
И прочь, к повозкам, жар заплакать
Или с другим его закапать.
Татикий сполз с подушек: «Чем
Расстроен славный Бодуэн,
И в поздний час пришел зачем?
Иль выпил ты вина плохого?
Иль Боэмунд обидел словом?
Вина, изволь, налью — запас,

И не разбавленный ничем,
Я из дому еще припас...»
Но рыцарь морщится брезгливо:
«Ну и коварство! Ах ты, диво,
Как я-то в твой капкан попал?
Как пес овцу, меня ты пас,
Нет ты не пес — срамной шакал!
И не трясись, коль муж, не — дева,
Не перезрей, смотри, от гнева,
Но позови, коль хочешь, слуг:
Пусть видят как ты заикал,
И пусть запомнят твой испуг,
Вон как горит на лице сытом...»
«Тебя, что, конь лягнул копытом?
Змея ужалила в живот?
Иль дьявол затуманил дух,
Что грязь в меня плюет твой рот?» —
Спросил Татикий в изумленьи.
«Молчи! В молчании — спасенье. —
Грохочет рыцарь. — Ты желал
Юнца посорить с графом? Вот
Итог: он Танкреда послал
В Киликию с заданьем важным,
Что обратит юнец отважный
Тот край во славию креста.
О том в совете граф сказал.
Я разумею неспроста
Умчался Танкред, их семейка
Урвать сама все хочет, смей-ка
Мне возразить, что я не прав!
Потом и вялого куста
У них не отберешь. Ты, знав
О графа замыслах, пристроил
Меня к дурной игре, где строил
Я скорый повод к их делам,
И столько сил тому отдав,
Остался в дураках я сам.

Но ты, Татикий. мне ответишь».»
Татикий вскрикнул: «Ты же бредишь
Клянусь, я замыслов не знал.
В игру по воле вник ты сам,
И повторять не уставал,
Что Танкреда ты ненавидишь...»
«Змея, довольно! Не обидишь
Меня шипением своим.
Пятьсот я рыцарей созвал,
Бойцов — две тыщи. Поглядим,
На что же окажусь я годен.
Пусть подождет наш гроб Господень,
А я в Киликию иду!
Ох, тесно будет там двоим.
Когда с победою приду,
Тебе сей разговор припомню —
Не место здесь гнилому корню».»
И рыцарь вышел из шатра.
А византиец в бороду
Лишь усмехнулся. Что ж, с утра
Двумя врагами меньше будет,
И к Боэмунду он прибудет
Советником ближайшим. Так
Была замыслена игра.
А Танкред с Бодуэном брак
Смертельный в битве пусть заключат,
Глупцов их кровью же и учат...
Да будет славен базилевс!
И, позевав на свой кулак,
Татикий на подушки влез
И за девицей слуг отправил...
А Танкред между тем расставил
Дозоры у подножья гор.
Захваченный в дороге перс
Ведет с ним робкий договор,
Что проведет тропою барса
Отряд в долину, к стенам Тарса,
И даже платы не возьмет.
Изменник он? Презренный вор?

Или помощник? — Кто поймет?
Спросить кого, но ты ведь главный
И полководца долг исправный
Несешь, как крест, — тебе решать!
«Он не обманет, доведет», —
Вдруг стала на ухо шептать
Давно забытая служанка. —
«Слепая вера — содержанка
Безумия, она предаст
Всех иноверцев, даже мать,
Тем боле — христианский Таре.
Блажен, кто верой не отравлен...
И знай, гонец к тебе направлен,
Град не бери, а жди вестей,
Придет веселья скоро час,
И ты в нем первым быть успеи»
«Довольно!» — вскрикнул Танкред глухо.
Как дно могилы стынет ухо,
Твой шепот, словно лед в дыму,
Пронизывает до костей».
Но пустота вторит ему.

V

И впрямь гонец догнал отряд,
Когда узрел он стены Тарса —
Не солгала сестрица Марса
Герою нашему. И тот
Берет посланье, — будто яд
Плеснут ему в глаза и рот:
«Мой брат от Господа! Раденье
За честь креста несет веленье —
Помочь мне в помыслах твоих.
Обрящем у чужих ворот
То, что достойно нас двоих.
Ведь вместе мы куда сильнее
И сможем действовать вернее,

И нам воздастся по делам,
А впереди немало их,
И в досталь хватит — пополам
Деля и славу, и трофеи.
А для начала сей затеи
Захватим Таре, и все, что есть
В нем, будет справедливо — нам.
Тому порукой моя честь.
С сим Бодуэн». И глаз печати
Глядит, как дева на кровати:
Уступишь — долг и кабала,
Откажешь — ненависть и месть.
И ярость сладко обняла
Готовый к тем объятьям разум:
Прехитрый лис желает разом
Завоевать меня и град,
Затем — Киликию! Мила
Тебе сия затея, брат...
От стада стоит лишь отбиться,
Как обязательно случится
Незванный друг иль поводырь —
Благим путем направит в ад,
И даже следом вытрет пыль.
Но черта с два мы будем вместе!
Ищи глупцов не в этом месте,
И Танкред свиток разорвал,
И, как сухой степной ковыль,
В труху с рычаньем растоптал,
И, позабыв совет давнишний,
Отдал приказ: «От нас Всевышний
Ждет славных дел. И сей же час,
Покуда вечер не настал,
Войдем с победой в гордый Тарс».
И тронулась вперед дружина.
Навстречу ей, как из кувшина,
Вдруг выплеснулась злой волной
Толпа с мечами, и тотчас
Средь гор заэхал скорый бой.
Но панцирь и халат — не пара,

И для успеха мало жара,
Желанья, криков и угроз.
Стальная поступь за собой
Из тел дымящийся навоз
На ужас граду оставляет.
Толпа застыла, отступает
И множит тем лишь жертв число.
Но, наконец, как стадо коз
От лютых тигров, понесло
Живых остатки в град и горы,
В кусты, расщелины и норы, —
Куда-нибудь, во что-нибудь,
Лишь схоронило б да спасло.
Победа! Разрывает грудь
Восторгом сердце. Рев отряда
Как литургия, как отрада.
И неостывший меч воздет,
И Танкред счастлив: миг сей будь
Почаще — в том даю обет.
Но не открылись врата града,
И слово молвлено — осада.
Для штурма силы не собрать
Ждать Бодуэна? Иль рассвет?
Внезапность? Помощь? Выбирать
Особо не из чего больше.
Ждать Бодуэна? О, нет горше
Для победителя сих дум.
С рассветом сонный город брать.
Но как соваться наобум —
А вдруг ловушка иль засада,
Где сгинет сразу пол-отряда?
И кончен Танкреда поход —
Ты жаждал грома, сделал — шум,
И все, захлопнут к славе вход...
Опух уж вечер темнотою,
Костры зажглись, но нет покою
От мыслей Танкреду. Но вдруг
Подъехал Ричард: «Мы восход
Во граде встретим, да, мой друг,

Я не шучу, не хмурь-ка брови.
Все решено, и все — без крови». —
«Как будто мысли прочитал
Мои ты, и трепещет дух,
Поведай!» — Танкред закричал.
«Мне весть доставили армяне,
Что нынче в полночь христиане
Ворота града отопрут
И встретят так, как бы встречал
Тебя Клермон...» — «Они не врут?» —
«Наш Бог один, — они сказали. —
Еще — неверные бежали...» —
«Довольно, Ричард! Быть сему!
Избавлен я от тяжких пут
Раздумий. Дай я обниму
Тебя, мой друг и провиденье». —
И в полночь, словно привиденье,
Отряд колышется у врат.
Открылись! И хвала ЕМУ!
Встречай крестовых братьев, град.

VI

И вот — запылился звездой,
К чужому небу ланью взвился,
Подранком жалобно забился
Над градом Танкреда штандарт,
Зарделся девою нагой
Над градом Танкреда штандарт,
И темен ночью, ал — зарею,
Лазорев — днем, — цветов игрою
Резвится гордо и легко
Над градом Танкреда штандарт.
Свершилось то, что так влекло —
Сам и вожак, и победитель.
И Тарс — лишь первая обитель
В чертогах славы. Воссияй,

Как солнце, флаг сей. Далеко
Лучами землю освещай,
Чтоб имя Танкреда признали
Ерусалим, Клермон и дали,
Неведомые никому.
О, мыслей змий — не искушай
Не ровня я, не брат ЕМУ...
А рядом Ричард — слез мерцанье:
«Ах, Танкред, славно созерцанье
Того, что совершили мы.
Почет и силе, и уму,
Избавивших сей град от тьмы.
Как будто утро воскресенья —
Объятья, кличи, звоны, пенья.
Над всем тем гордо реет стяг,
Залог победы и судьбы,
Свободы, веры, древа благ,
Что расцветет с приходом нашим,
А посему деянья наши
Угодны Богу, Путь он зрит!
Пусть зрит и вострепещет враг!» —
Так Ричард другу говорит.
Не ведают они, что взором,
Кипящим гневом и укором,
Окутал флаг и Бодуэн.
Отряд его уже стоит
У Тарса побледневших стен.
«Проклятье! Вздумал насмехаться
Юнец! Над кем? Мы будем драться,
Я нынче проучу щенка:
Сдеру одежду и затем
Под зад из града дам пинка,
Коль выше мой штандарт не будет.
И кто меня за то осудит?
Я сделку честно предлагал,
Он мог дожждаться два денька
И вместе в Тарс войти... Взывал
Однако к чувству зря глухому,
Теперь взову я по-другому, —

С кем силы боле, тот и прав!» —
И грозный Бодуэн позвал
За Танкредом. И буйный нрав
Двух рыцарей при встрече вздыбил,
И в двух сердцах он кровью выбил:
Напротив — враг. «Ты хочешь взять
Что мне принадлежит, и, взяв,
Меня ославить, осмеять.
Но прежде чем возьмешь, что просишь,
Ты зубы об меня искрошишь», —
Во гневе Танкред говорит.
А Бодуэн ему: «Принять
Мое условие велит
Мощь моего отряда. Сдайся
На милость мне, не трепыхайся —
Ты слаб против меня, юнец!
Я раздавлю тебя, как гриб,
Иль прочь с дороги, иль — конец.
"Я" может тот сказать, кто смеет,
Кто силой над другим владеет,
Внемли сему — таков закон,
Кому колпак, кому — венец...».
«Тот плахе люб, кто жаждет трон,
На силу же найдется сила,
Но не сейчас, но чтоб простила
Она тебя — молись теперь», —
И дерзкий Танкред вышел вон,
Как загнанный, но храбрый зверь.
И Бодуэнова дружина
Весь Таре, как снежная лавина,
Заполонила вскоре. Тих
И затаен он стал теперь,
Иной штандарт цветов иных
Над утомленным реет градом,
А Танкред со своим отрядом
Уходит без оглядки прочь.
Они — чужие среди своих,
Их провожает только ночь...

VII

Я — хрестоматия греха!
Окурок, брошенный на тело,
Закрытое расстрелом дело,
Притон пороков, сад причуд,
Замаранная песнь стиха.
Я — глубина сибирских руд!
Шаги из ночи Тегелина,
ГУЛАГА Бериева глина
Гильотинированный дух,
Рук палача притворный зуд,
Я — усыпленный в чреве слух!
Холодная ладонь Гобсека,
Бесстрастный созерцатель века,
В броне яйца мудрец-моллюск,
Не ведающий, что протух.
Я- prima, extra, super, luxe!
Портреты, рампы, пьедесталы,
Овации, трибуны, балы,
Недосягаемость легенд,
На сердце цезаревый флюс.
Я — соглядатай, шпик, агент!
Блеск и коварство Мата Хари,
Идеей преданный Бухарин,
Поскребышевский цепный взгляд,
Интриг беспошлинный патент.
Я — власти обретенной яд!
Налог на мысль, мораль и право,
Наполеонов взор удава,
Всесилье собственных доктрин,
Саддама выпущенный «Скад».
Я — славы сладкой никотин,
Огонь на пальцах Герострата,
Вокал церковного кастрата,
Колоколов истлевших звон,
Кумир согласных гибких спин.

Я — отблеск маршальских погон
На братских брошенных могилах!
Из кубка пьющий кровь Аттила,
Чингиса сабельный оскал,
Кортеса верный легион.
Я — бриг, идущий между скал!
Сенеки вздувшиеся вены,
Козельска праведные стены,
Дерзнувший солнцу Фэтон,
Юдифи избранный кинжал.
Я — пыткой выловленный стон!
Плевки и стрелы в Себастьяна,
Дитя газетного кальяна,
Приказа жаждущий курок,
Согнутый в чаевых гарсон.
Я — добродетель и порок!
Я — ложь и правда, глаз и веко!
Я — истинное человека!
И первый иль двадцатый век —
Неважны дата, время, срок —
В утробе духа человек.
Мы сами жертвы, сами — судьи,
И кто простит нас, кто осудит?
Я - Хиросима и Верден!
Открытки с видом для калек,
Идей застывших смрад и плен,
Слова, поступки, отреченья,
Измены, подвиги, влеченья,
Бесстрашье, гордость, фанатизм,
Генеалогия колен,
Усердье, жажда катаклизм,
Смиренье, жадность, самомненье,
Желанье, трусость, преклоненье,
Et setera, Et setera.
Все это — Я. Все — эгоизм,
И человек лишь чувств игра.
И я таков — пишу сказанье,
Чтоб вымолить себе признанье
У Бога, мира и жены.

Был славен Танкред мой вчера,
Я буду завтра. Мы – равны...

VIII

Никто не в силах разуметь,
Зачем поспешно Тарс покинут,
И плащ уныния накинута
На победителей отряд.
Иметь, и тут же — не иметь
По праву почестей, услад,
Глотка вина под дым жаркого,
Тепла чужого пусть, но крова...
Да долго недосуг вздыхать
Коль ветер странствий снова рад
Крестовых ратников объять.
И прозвучавший клич, как выстрел
Вперед! К Адане и Мамистре!
Для славы в досталь городов,
Где меч, что ключ, и всяк признать
Сей веский довод вмиг готов...
Адана крест уже целует,
И рыцарь там другой пирует. -
«У славы множество ловцов,
Пусть прошибет хоть сто потов,
Прочистит горло хор льстецов,
Но мало силы — успокойся,
Но опоздал — слюной умойся.
Одень одежду по себе,
Ежели ты не из глупцов,
Всегда перечасных судьбе». —
Услышал Танкред шепот снова
И процедил: «Молчи, я слова
Тебе, служанка, не давал,
Держи вещанья при себе
И не пророчь, когда не звал».
Никто ему тут не ответил,

Лишь по лицу игривый ветер,
Как губы девы, прошуршал...
И Танкред рыцарей созвал,
И долго их совет решал —
Войти в Адану, как исправно
В Тарс Бодуэн вошел недавно,
Иль дале продолжать свой путь?
И грозно воздух там дышал,
Накаливая местью грудь,
И даже кроткий Ричард гневно
Потребовал всенепременно
Аданой Танкреду владеть, —
Потерю тем же возвернуть,
Победой сердце вновь согреть.
И с Ричардом совет согласен,
Но отчего же Танкред мрачен
И не спешит звать на коней?
Аль не по нраву что? Ответь!
Десятки глаз как дождь огней.
«Чтоб дураками не казаться,
Не будем со своими драться,
Невелика удача в том.
Куда важнее — что за ней:
Заклятым прослывет врагом,
Кто на своих копье направит.
Он дело, рать и крест ославит,
И нет прощения ему,
И не сейчас, и ни потом;
И я совет ваш не приму.
Угроза же и в том таится,
Что год осада может длиться,
Адану с ходу нам не взять.
Здесь выгоды нет никому,
И время незачем терять
В бою за тень туманной славы,
Что станет, как глоток отравы.
Упрочить честь — ее беречь
И в драке знатной закалять,
Где кровь должна во благо течь.

Тогда почет, богатство, славу
Воздаст нам всем Господь по праву.
Не будем медлить, час грядет». —
И Танкред к небу поднял меч. —
В Мамистре это всё нас ждет». —
И вняв словам тем, как молитве,
Отряд подобно острой бритве
Рассек изнеженный простор.
И птицы в страхе сразу в лет,
И звери замерли у нор,
Трава растоптанная вянет,
Старик козу с дороги тянет,
Змея раздавленно шипит,
(Себе, отряду ли в укор?),
И конь отобранный храпит,
Брыкаясь от хозяев новых,
Бросают рыбаки уловы,
Деревья гнутся, как лоза,
Колодец жалобно скрипит, —
Сверкая сталью мчит гроза!
Иль это смерть готовит ложе?
Аллах иль Бог, спаси, коль можешь...
И не успело все воспрять,
Подняться, приоткрыть глаза,
Вздохнуть, очнуться, откричать
Вслед облаку дремучей пыли,
Как тучи новые покрыли
Окрест всё панцирем глухим.
Что это? Что? Идут опять
Могучим шагом и лихим.
Полощут весело знамена
С угрюмым гербом Бодуэна,
И сам он коршуном глядит
На горизонт, что зайцем стих...
А к Танкреду уж весть летит...

Отряд – иглой пронзенный нерв –
Трепещет болью и отвагой,
В историю посмертной сагой
(Как в Фермопилах легион
С царем, чей дух, что имя – Лев)
Готов войти бесстрашно он,
И даже вымпелы и стяги
Дрожат от гнева и отваги.
Но кто напротив? – Бодуэн!
Меж ним и Танкредом кордон
Уже кордон из мышц и вен,
Стальной ненавистью взбужших
И лишь - вперед! — приказа ждущих
«Ты вновь помеха на пути, -
рычит неистов Бодуэн. —
Смирись, юнец! Иль не уйти
Тебе, коль битвы вспыхнет искра
Отдастся сильному Мамистра,
Здесь третий лишний и чужой,
В одни нам врата не войти».
И прогудел согласьем вой
Дружины мрачной и могучей.
А Танкред нахохлился тучей
И медлит, меч свой теребя.
И вскрикнул Ричард: «Что с тобой?
Неужто испугал тебя
Надменный вид кичливой своры?
Припомни Тарс! Они, как воры,
Забыв о братстве и кресте,
Нас оскорбили и себя,
Они, как крысы на хвосте
У львенка, что добычу ищет.
Пусть много их и злобой дышит
Коварный и жестокий лис,
К отмщенью мы готовы все,
Так что молчишь, мой друг? Очнись...»
И Танкред стал перед отрядом:
«Не испугать меня, хоть рядом
Возникнет тьма врагов презлых,

Но дух знобит и меч завис,
Не в силах кровь пролить своих.
Но Ричард прав — коль честь задета,
То не видать мне больше света,
Презреньем и проклятьем стать
И тряпкою у ног чужих,
Коль кровью не начнут плевать
Поднявшие копье бесчестья.
Пусть ждет нас смерть на этом месте,
Но слава нам, а им — позор.
Вперед, моя Христова рать!»
И стали гибельный задор
Веселым эхом расплескался
По всей Киликии и вкрался
Ко графу преданным гонцом.
И граф; потупив мрачный взор,
Промолвил: «Вот и стал бойцом,
Лихим и взрослым, мой мальчишка.
Но эта ссора может слишком
Удачу ратную испугнуть:
Конец сплоченью под венцом,
Коль каждый выберет свой путь,
И клятву, крест предаст забвенью,
Походу нет тогда спасенья,
Пора прощенья пришла,
И Танкреда пора вернуть».
И весть с гонцом назад ушла.
А между тем искрится драка,
И Танкред, дерзкий забияка,
Не уступает никому,
То ярость на него нашла,
То жалость робко льнет к нему,
То рыцаря с коня сбивает,
То страшный меч не опускает,
И слышит шепот: «Ну, смелей!
Я голодна, и здесь возьму
Хоть что-то для зубных щелей».
И вздрогнул Танкред: «Что за мука

С тобой возиться? Ты, как сука,
Скулишь не вовремя. Услуг
Твоих не надобно. Прочь!»-. — «Эй,
Ты не любезен и заслуг
Моих не пожелаешь вспомнить,
Хочу сказать тебе, напомнить,
Ты дважды мною пренебрег,
Но я — не из обычных слуг,
Считать умею лишь до трех».
И Танкреду в лицо пахнуло
Тяжелым смрадом и кольнуло
Внезапно в грудь шальной стрелой.
И в сердце смутный червь залег,
Но с ним потом, а нынче бой!
Куда усталость и девалась,
И в алый цвет приодевалась
Стихия схватки. Вздор и тлен —
Удачи же далек любой,
Как Танкред, так и Бодуэн.
Но драка сродни проститутке:
Желанный миг, а следом — жутко.
Истошный впилен в души крик:
«Наш Ричард! Он захвачен в плен!»
И Танкред сгорбился, поник —
Что это, случай иль расплата,
Иль смерть-служанка виновата?
Ослабла рыцаря рука,
И меч к ногам врага поник:
«Ты победил меня. Пока...»

Х

Душа чугунна и пуста,
И губы горечью слепило,
Ничто не тешит и не мило, —
Впервые он не победил.
И тенью Божьего перста

Отряд от града уходил,
Его, как выкуп, Будуэну
Отдав за Ричарда (и мену
Сию еще припомнит рать).
И кто б советом угодил?
Куда теперь? С кем воевать?
Увы, нема земля чужая,
Как Ричард, плен переживая;
И по Киликии отряд,
Не зная, на что уповать,
Бредет, куда глаза глядят.
И небо, давясь облаками,
И реки, морщась рукавами,
И коршун с клетотом грудным,
И горы, что в туманах спят,
Безгласны и враждебны к ним.
Не обрести желанной славы
Средь этих мест, где даже травы
Не пахнут — колются и жгут.
Народ — то черт, то херувим, —
Тебя приветят иль сожгут
С одним и тем же восклицаньем
И глаз неистовым мерцаньем,
Здесь чахнет рыцарская честь,
Ее свои, как тряпку, рвут,
И вместо братства — стыд и месть.
Сей Бодуэн — свинец на ноги,
Но не от кого ждать подмоги,
Чтоб алчности его воздать.
Нет, здесь удачи не обрести,
И славы верткой не взнудать,
Так что с мечтою попрощаться,
С поклоном к графу возвращаться?
Но гордость — камень: не срубить,
Не выложить и не отдать.
Но было суждено прибыть
В сей миг гонцу, его штандарт
Сверкает славой Боэмунда,
Он весть привез от Боэмунда!

И, радостью дрожа, застыл
Надеждой схваченный отряд,
И слух несется: «Граф простил,
Гонец и Танкред, гляньте, рядом!
Смеются!» Грохнул над отрядом
Могучий двухсотгла сый клич.
И коршун клюв свой прокусил,
И реки — моря бы достичь,
И горы подо льдом вспотели.
И в небе тучи засинели.
Гонец пред всеми, как велел
Сам Боэмунд, сказал: «Настичь
Как бурю ветер, вас сумел,
Чтоб передать наказ от графа —
Идти назад, не ведать страха,
Простили вас и Бог, и я
За тяготы, за жажду дел,
Но тот, кто острие копья
На братьев, зная, на крест, направил,
Того Бог милостью оставил,
Позор проклятью не предашь,
Но не о том суть речь моя
Крестовый долг и мой, и ваш,
К Востоку снова обратиться
И к встрече скорой устремиться.
Рать ждет чрез две недели вас
Во граде, прозванном — Мараш.
Чтоб дух отряда не угас,
К отраде Господа — к рассвету
Велю вам взять Александретту,
Град невелик, но порт морской
Воистину прославит нас.
«Да будет так! — взмахнул рукой
Горячий Танкред, — Слава Богу!
Он слышит нас! Скорей в дорогу!»
Воскресла, заискрилась сталь,
Прощай, ржавеющий покой,
И здравствуй, розовая даль!

МАРАШ

Sic pro rationo voluntas

1

О, нет доверия к словам,
Нет уважения к поступкам,
И в мире, утомленно-хрупком
От траков, колесниц, подков,
От гонок к почестям, правам,
От лжеидей и дураков
Всё неуютнее и злее.
Апокалипсиса идее —
Всю неустанность наших дел! -
Распяты двадцати веков!
Господь в отчаяньи воздел
Над космосом седые руки —
Сколь раз он брал нас на поруки,
Дал в жертву сына, а взамен
Дороги к храму — беспредел.
А сам-то храм? — Музейный тлен.
И рвутся, рвутся человеки
Избавиться его опеки,
И с каждым веком, всё резвей,
Ведь Бог — оковы, тормоз, плен
Свободы выхода в зверей.
А Божье слово, что в нем проку,
Коль мы ползем стезей порока,
Глухие средь чужих задов,
Где проще, легче и теплей,
И гнусно тянем в тыщи ртов:
«Прости нам наши прегрешенья»...
Но коль ОН есть — нам нет прощенья,
Творящим кровь с НИМ на устах,
И строя хлевы из садов.
Что покаянье? — Только страх
Да озаренье в час расплаты.

Мы не Иуды, мы — Пилаты,
Не замочившие и рук,
И наш Удел — разврат впотьмах,
И с радостью голодных сук
Терпеть пинки в слюне похлебки,
И вовремя содвинуть стопки,
Узнав, что, наконец, война,
И люб доныне нервный стук
Под утро в дверь... Земля пьяна
От крови внутренней и внешней,
И Бога молча да поспешней
О чем-то молим, нож точа;
И тех же слов душа полна,
Что и у жертвы, их крича.
И чем страшней мои герои,
Коли от Грозного до Трои
Так неизменен человек?
Мой «Танкред» — Господу свеча,
Поступкам и Словам в сей век...

II

Сырые семечки дождя
Уныло щелкают по скалам,
Лоснятся льды несвежим салом,
Ущелья адом рек манят,
По скользким тропам, всё кляня,
Как стадо брошенных ягнят,
Измученный поход сочится,
И смерть линияю волчицей
Средь гор постылых залегла.
Вот ноги по грязи скользят,
И удержать их не смогла
Слезящаяся гноем круча...
Лишь камни радостно озвучат,
Увы, бессмысленный полет
В обитель, что зовется — мгла...

Но зубы в десна вмяв, ползет
Христова рать, как искушенье,
Как грех, как *fatum*, как прощенье.
И здесь Гарсел, и здесь Тримон,
Клыкастый страх их плоть грызет.
А горы сколами икон
Суровые вздымают лики,
Молитвой к ним несутся крики
Последних сгубленных надежд,
Там эхо превратилось в стон...
И вот змеей скользнула меж
Тропой и алчущим ущельем
Нога Гарсела, и с весельем
В лицодохнула жижей смерть
Межней и жизнью, как рубеж
Сырой земли осталась треть,
Две трети — стынувшая бездна
Уж видится скала отвесна
С корявым выступом — он твой!
Готово тело умереть;
И горло рвет прощальный вой.
Но в этот миг рука Тримона,
Как воля Высшего закона,
Вдруг отменила приговор
И бросила назад. Живой!
Продлен с судьбою договор!
Пьян от спасенья и испуга
Гарсел лобзает нежно друга.
Сердито тот махнул рукой:
«Дойти живыми — уговор
С Клермона у меня с тобой,
Чтоб я удрать тебе позволил,
Хоть Дьявол бы тебя неволил...»
И снова — липкие шаги
Угрюмой смешанной толпой,
Во ссадинах, в поту, в грязи
Тафуры, рыцари и кони.
Но вдруг мелькнул, как на ладони,
Внизу, за простыней дождя,

В лучах сереющей зари,
Надежду жалкую будя,
Туманный град. Э-гей, не мешкай!
А может то судьба насмешка,
Ум воспаленный зрит мираж?
Но Боэмунд, поход ведя,
Уже воскликнул: «Там Мараш,
Пусть выпало страданий много,
Дошли мы с божьею подмогой.
По праву нам, вдохнувшим ад,
За тяготы воздаст Мараш»!
И слов тех грозный камнепад
В долину эхо заклубило,
А рать воспряла, забурлила.
Коль цель видна — короче путь,
И каждый вроде даже брат,
Рабой удача нежит грудь,
Раздвиглись, негодуя, горы,
Открыв желанные просторы.
И пусть по лицам дождь стучал,
Пусть пенилась в ущельях муть,
Того никто не замечал...

III

Коричневая пелена
Усталые глаза застила,
Как будто пеплом окрестила
И грязью брызнула вдогон
Кресту чужая сторона.
Деревья от замшелых крон
В глаза плюют остатки листьев,
И вымазаны серой кистью
Окрест озябшие поля,
И отсыревший небосклон

Свинцово тужится, скуля
Седым дождем, гнилым и липким,
И рваною струною скрипки,
Игравшей скерцо из побед,
Дорога вьется, и земля
Намеком дышит смутных бед.
Тревожно Бодуэна сердце —
Мрачны его единоверцы
И глухо ропщут за спиной.
«Но что я сделал им во вред?
Кого обидел? Иль виной
Дурацкий бой с юнцом поганым?
Но он мешался под ногами,
Гордыней мерзкой обуян,
Его б я утопил слюной
Дружины, мог и на кукан
Поймать и высушить как гниду.
Он первый мне нанес обиду,
И я его же пощадил!
Воистину — умен баран,
Когда на вертел угодил, -
Кто внял сей жертве Бодуэна?
Напротив: все шипят — измена,
Глаза трусливо отводя,
А я их за собой водил,
Как несмышленное дитя,
Но что им огонь святой богатства,
Где все равно, с кем будешь драться?
Закон охоты — он иль ты!
И здесь мне в том лишь Бог судья
И так кругом одни плуты —
Крестом заманчиво прикрылись,
За власть и злато б — удавились!
Сброд лицедеев и воров.
Смел и удачлив — враг толпы,
Взалкавшей крови и даров,
И я покорен тому стаду...
Но уползу назад — в засаду,
Другой мой выстрел будет в цель,

И в мой костер найдется дров,
Пусть нынче вой, но завтра — трель
Их голосов же и совьется,
Кто в спину мне сейчас плюется,
С тем рвением зад начнет лизать.
Ну что ж, путь на Мараш теперь,
Дружину здесь не удержать.
Киликия постылой стала
Из-за юнца. Нам места мало —
Сей нищий край дарю ему,
Сам возвращаюсь снова в рать,
И там удачу обниму,
Пусть желчью Боэмунд сочится»!..
Лишь осень, желтая мокрица,
Слова те слышит и вторит
Им чавканьем в седом дыму
Тумана загнанных копыт.
Вот и Мараш. И запах рати
Влечет, как воздух благодати,
Но что за встреча? — Сумрак лиц
Настороженно в них глядит,
Как судьи на больных убийц.
Куда пришли они? Туда ли?
Здесь, кажется, их и не ждали —
Смешки и свист, а то и брань
Похлеще копий да палиц,
И гнусно то, что даже рвань
Дышать презреньем не боится,
То знак плохой — она резвится,
Коль сильный позволяет ей
Или прикажет. Рыцарь длань
К груди прижал: «Скажи, э-гей.
А Боэмунд где?» Отвечает
Угрюмый всадник: «Почивает,
И зря тревожить не велел».
И тихо расседлав коней,
Дружина стала не у дел.
Коль нет волны -бессильна пена
И Гинимер, брат Бодуэна,

Воскликнул в гневе: «Видишь, брат
Куда вернуться ты хотел?
Они юнца нам не простят!»
И здесь бы мне поставить точку,
Но рок не ходит в одиночку,
И выпьет Бодуэн сполна
Заваренный проклятьем яд.
В постели ждет его жена...

IV

В постели ждет его жена,
Сомкнув обветренные губы.
Клермон... песка и дыма клубы,
Оскал ущелий, пепел стен
Перед собою зрит она.
У изголовья чья-то тень
С гнилым холодным придыханьем,
По телу раскаленным .камнем
Ползет колючий скорпион.
Ей страшно. Где ты, Бодуэн?
Развей, разрушь проклятый сон!
Но встреча — вздорная беглянка,
И спит в кривом углу служанка,
Струится паутиной ночь,
И месяц — срезанный пион —
Кроваво скалится. Невмочь
От одиночества и боли...
Увы, чужой подвластны воле
Все, чей удел покорно ждать.
Отчаяние — смерти дочь —
Грудь разгрызает — не сбежать,
Ну, где же муж и рыцарь бродит?
А он в тот час ко графу входит,
Презрев охрану и позор.
Он не из тех, кто может ждать,
Когда вокруг поклеп и вздор.

И к Боэмунду он допущен,
И с чувством гадким и гнетущим,
Пред Боэмундом предстает,
Неравен нынче разговор...
«Что в поздний час сей не дает
Уснуть уставшему с дороги?
Открылись раны? Ноют ноги?
От изнуривших пыл боев?» -
Граф молвит, будто крошит лед
В щепотку равнодушных слов.
«Ты, граф, я мню, не гнев Господень
Почто тебе стал неугоден,
Почто нас привечает рать,
Как стадо сдоенных коров?
Иль многого хочу узнать,
Раз ты молчишь и не перечишь?
Иль за юнца в меня ты метишь
Обиды меченым копьем?
Не промахнись! Я воевать
Сумею даже с королем...» —
Воскликнул Бодуэн упрямый
(Коль в пропасть мчишь, что значат ямы),
Но Боэмунд, вздохнув, сказал:
«В постыдном рвении своем
Позором ты себя связал,
Не я, не Танкред, иль кто там, —
Твоя гордыня жадным потом
Тебе застила ум и глаз.
Кто со своими воевал,
Будь даже чистый он алмаз,
В навоз вонючий превратится.
И будет лучше, коль проститься,
Не на сегодня — навсегда —
Придется нам. Таков мой сказ,
Рассудит Бог нас и... года».
«А может меч?» — вскричал тут рыцарь.
«Ты глуп, как иудейский мытарь, —
Собрался в тучу Боэмунд. —
Подняв свой меч, придя сюда,

Ты обречешь себя на суд
Всей рати, как кресту изменник.
Я не щажу тебя — мой пленник
Ты б стал тотчас, я пожелаю.
Поверь — сие не тяжкий труд,
Но не хочу, чтоб этот край
От наших распрей веселился,
И Бог в печали отвратился
От нас, как своры жалких псов.
А напоследок просто знай:
Я рать просил, чтобы засов
Врат городских тебе открыли.
Ну, а просить, чтобы простили
Не волен, да и не хочу.
Нельзя стоять меж двух весов
Держа в руке одну свечу.
Всё, Бодуэн. Ступай же с богом»
И вышел тот, а за порогом
Ждет Гинимер: «Мой милый брат
Твое я сердце омрачу
Известьем, что сказать не рад.
Беда, увы, к тебе примчалась,
Твоя жена, она... скончалась,
Ей демон смерти протрубил
Всего мгновение назад...»
«О, Боже, я о ней забыл, —
И Бодуэн согнулся старо, —
За что же мне и эта кара?
Ни слова, Гинимер, молчи...»
И где-то волк бродячий взвыл
В зеркальной тишине ночи.

V

Тоскливей ночи только день,
Когда себя никак не спрятать,
И скорбь твою готов облапать

Любой непотаенный взгляд.
Бессонный горем Бодуэн
Жены последний зрит наряд.
Во лбу морщины, как шрапнели,
Угрюмые заледенели.
Зачем он взял ее в поход?
Чтоб вынести горестный обряд,
А не покой после невзгод?
Как будто лопнула подруга
В бою, и пустота — подруга.
Нет, нет любви, где кровь в чести,
Зачем он взял ее в поход?
Куда и с кем свой крест нести?
Припав к седым губам, безмолвным,
На миг забылся сном... бесплодным -
И в памяти не оживить.
В груди изжогой ком — Прости...
И вышел прочь. Забыть! Забыть!
И Гинимер шагнул навстречу,
А с ним... Татикий. «Покалечу!»
Схватился Бодуэн за меч.
Но брат проворней, и отбить
Успел вздохнувший смертью меч.
«Опомнись, Бодуэн, не к месту
Пылаешь ты незнамой мезью,
Или глаза покрыла мгла?
Коль чувствам суждено истечь,
И уцелеть печаль смогла,
Залей вином всё, но не злобой».
«С тобой скорбим и ждем мы оба,
Чтобы совет наш передать.
Но коль безумия игла
В тебя вонзилась, подождать
Придется, гордый несчастливец», —
Сказал, бледнея, византиец.
«Советов, подлая змея,
Твоих довольно, чтоб содрать
Я шкуру мог быстрее с тебя», —
Промолвил Бодуэн могучий. —

И думаю, так будет лучше,
Чтоб брата не мутил и рать».
Татикий прошептал: «Тебя,
Ты вспомни, ненавидит рать,
Увы, не за мои советы,
Иль драка с Танкредом — наветы?
И Ричарда взял в плен другой?
И Боэмунд-то зря, видать,
С тобой сквозь зубы, как с слугой?»
И Гинимер прервал: «Молчите!
Как две собаки вы ворчите,
А толку что? Татикий прав —
Для рати ты, мой брат, изгой,
Мишень для сплетен и забав.
А если Танкред возвратится,
Тогда как дело обернется?»
«Мальчишки я не убоюсь,
Мой род знатней и больше прав
В моем гербе, и я сражусь
Как честь велит, коль повод станет»,
Вскричал тут Бодуэн. «Предстанет
Вдвойне героем он тогда, —
Шипит Татикий. — И, клянусь,
Закатится твоя, звезда,
Не от исхода поединка —
Его начала». И тростинка
Сильна, коль рядом дуб растет,
К тому же на тебе узда
Киликии, и кто рискнет
Быть за тебя, здесь, в новой драке?
Напротив, как шальной собаке
С проклятьем возопят — Вот, он!
Прими совет, и он вернет
Тебе удачу и поклон
Тебя чурающейся рати.
Вели своих людей собрать и
Не медля на Эдессу мчи,
Там ждут богатство, слава, трон.
Пусть и эдесские ключи

Полегче иерусалимских —
От котелков сытнее близких,
Чем дальних запахов котлов..»
«Всё! Византиец, замолчи!
Довольно пыли жалких слов
Мной решено: лишь только мессу
Я отслужу, и на Эдессу
Иду. Совет твой запоздал,
Но я простить тебя готов
За прошлое. Господь воздал
Мне за гордыню гневом смертным,
Затем и стад я милосердным.
Ступай, Татикий, и прощай». —
И рыцарь мертво губы сжал.
«Что ж, Бодуэн, и ты прощай». —
И византиец удалился,
Усмешку пряча. Подивился
Суровой речи младший браг,
А Бодуэн ему: «Лишай
Из тела выдавил — претят
Мне те, кто мнит нас дураками.
Додумались — запомни! — сами,
Чтоб ни твердили, до сего».
И мысли рыцаря летят
К Эдессе. За спиной его
Плач по усопшей, мрак, печали,
А впереди — победы дали.
И утром без молитв и тризн
Ушла дружина в путь. Всего
Былому — час фортуны — жизнь.

VI

Эй, солнце, славы менестрель, Лучами
внешними спой свету
О ввергшем град Александретту

В унынье, слезы и печаль,
Вкусившим с Никой жаркий хмель
Победной страсти и причал
Построившим на страх Востоку,
И к установленному сроку
Уже идущем на Мараш.
И золотой рассвет венчал
Его доспехи (верный страж
Горячего до драки тела),
И зазывающе алела
Его звезда в дали хромой —
Схватив удачу, не отдашь,
Как ключ от града, и немой
От счастья зрит он на снующих
В тревоге и поклоны бьющих,
И сыплющих на темя пыль
Людишек. Он — их царь земной,
Прекрасен сон! Чудесна былль!
Так пойте скальды, пойте барды!
Дворцы, подвалы и мансарды
Откройте окна их словам —
Европы новый богатырь,
Подобно сумрачным волхвам,
Идет к земле неблагодарных.
С мечом в руке, и — равный равных,
Открывший, слава богу, счет
Им покоренных городам.
Пусть время кровью истечет,
Пергамент в крошево сотрется,
И мир в свое дерьмо упрется, —
Он потеснил надменный род
Сынов истории. Прочтет,
Как песнь Ерусалимских вод,
Поэт в грядущем мирозданьи
О нем дошедшее сказанье.
Ну а пока среди сонных гряд
Под светлым солнцем, что как плод,
Свисает с неба, где парят
Победы давишной виденья,

Исполнен гордости и бденья
Прикрытым спинами глазам
Стрелой к Марашу мчит отряд.
Я – Танкред есмь, и аз воздам,-
Смущает мысль и дух лукавый.
Но разве грех в объятых славы
Подумать так хотя б на миг?
(Пусть равен миг порой годам)
Но добрым может быть и тигр...
Но прочь слова — они не к месту
Отряд встречают как невесту
Посланцы графа. Рев толпы,
Как гром, лишь Танкред врат достиг
А граф промолвил: «Вот и ты...»

VII

Сдирая перхоть с орденов
И потускневший лак с госпремий,
От первобытных до империй
Клеймим вдогонку, стар и мал,
Оракулов (теперь — лгунов),
Героев (ныне — тухлых шпал
Под рельсами разоблачений),
Вождей (уже лишь приключений
Злых персонажей иль смешных).
Мы сами жаждем пьедестал!
И с песней воздухов брюшных
Сучим на свыкшихся коленках,
Что Шолохов? — Есть Евтушенко!
И хоть паяцем, но — ва-банк.
Сменить ушедших на иных,
Что розовым покрасить танк,
У книжного костра погреться,
Сжечь флаг иль им же подтереться,

Прах сплюнуть взорванных церквей,
Представить шлюхой Жанну Д'Арк
И каждому сказать — плебей.
Пусть нет таланта, нет и званья,
Но сердцу дорого признанье
Толпы, как девичье — «твоя»...
И ты ползешь, как скарабей
По ней, и мыслишь: «Вот он — я,
И мой каприз — закон отныне!»
Подвластны всё и вся гордыне,
И путь кровав ее коней.
Так в шкуре льва сильна свинья,
Отчизны древо у корней
Взрыхлившая до основанья
И грозно ждущая признанья.
От постаментов, пирамид,
Стел, мавзолеев, цоколей,
Гробниц, курганов, стел и плит
Презреньем веет и донине
От неугаснувшей гордыни.
Но для Помпея — Птолемей,
Для Голиафа же — Давид,
Для Вифлеема — Иудей,
И для Приама сын Ахилла,
Для Рима — доблестный Атилла,
Для фаэтона — солнца луч,
И для осла — свой Апулей
Всегда найдутся. Но везуч
Свою гордыню обуздавший
И только Божий суд познавший, —
Да разве стелешь где упасть?
Когда умен, в чести, живуч?
О, нет, гордыня это — страсть,
Не утолив, не отречешься,
На зов друзей не обернешься,
Не поднесешь, не защитишь,
Предашь и не полюбишь власть,

Не вздрогнешь если..., не простишь,
Гранит — твоя душа, сомненья —
Твои враги, а люди — звенья
Твоей цепи поверх икон.
Лишь кровью мир не удивишь —
Сиял в ней гордый Вавилон,
Надменный Лир небрежно кликал,
Суровый Мехлис грубо цыкал,
Презрительный купался Пирр,
Бесстрастный воспевал Дантон,
Спесивый Гиммлер мрачно пил.
Страшней людской — гордыня наций,
Где кровь, как хлеб после оваций
Сверхрасам, козам и богам.
Арийский дух, славянский пыл,
Еврейский культ, арабский гам,-
И все велики, и все правы,
Голубоглазы, кучерявы,
И, как заманчивый итог,
Весь мир ложится к их ногам.
Молитв и мольб высокий слог
Не упредит, не остановит,
И трупный червь себя готовит
К обильной будущей жратве,
И песнь сию как эпилог,
На пыльной атомом ботве,
Проросшей после человеков,
Споет скрипучий мертвый ветер.
Так прочь гордыню и всплакнем
В Ираке, Штатах иль Литве,
И пощадим, и помянем?
Когда земля могилой будет,
Кто нас простит, кто нас осудит,
О чем прошу я, вот дурак!
Моя гордыня жжет огнем
И целится в лицо кулак
Чужой гордыни, и проклятьем
Я исхожу, и пред распятьем
Затем бестрепетно стою.

О, Боже! Что же всё не так?
О, Боже! Что я говорю...

VIII

Путь на Восток! Крестовый дух
Взывает яро и сурово,
Задиристо витает слово
В просмоленной дождем тиши.
Веселье править недосуг,
К победам новым, рать, спеши —
К сирийским запахам навстречу,
А там совсем уж недалече
Заветный град Ерусалим
(Услада тела, рай души,
И что там числится за ним,
Увы, невнятно пропускаю,
Коль песню о другом слагаю).
Обозы скрипнули — вперед!
Костров прощальных тает дым,
Копыта землю бьют — вперед!
На Антиохию! В дорогу!
Коням — овёс, молитва — Богу,
Мечам — тепло могучих рук,
Глоток вина... Пора... Вперед!
И, распугав птиц да гадюк,
И сонных жителей в придачу,
Рать тронулась ловить удачу
На своей финишной прямой.
Каких наград, смертей и мук
Она обрящет? Кто домой
Вернется, лаврами увенчан?
И кто — забвением отмечен?
Что неизвестность есть в войне?
Надежды траурный покой,
Отчаянный забег во тьме

По краю пропасти влекущей.
Но путь осилит не идущий,
А скачущий ему вослед
На белом, как триумф, коне.
И наплевать — кто был скелет
Но лишь бы конь не остутился...
Вот свежий день росы напился,
Вдохнул рассвет и стал служить
Во благо или же во вред,
О том ведь не ему тужить.
Идет, идет поход спесивый,
И Танкред, гордый и красивый,
От графа лишь на шаг коня.
Пусть все узрят — он заслужить
Сумел почет и без вранья,
И без интриг, и без поклонов,
И без услуг пустых баронов...
А византиец удручен,
Плетется сзади, всех кляня —
Он варварами вовлечен
В их гоноре, как червь, копать,
Где всякое быть может стать.
Но разве он виновен в том,
Что всяк гордыней горячен,
И хлещет ею, как кнутом,
Непредсказуемо и всюду?
Не угодишь — быть делу худу,
Хоть и союзник, но — чужой.
Косятся ныне, что потом?
Какой аукнется грозой
И здесь, и в мыслях базилевса?
Гордыне брошена Эдесса,
Один накормлен и забыт.
Куда опаснее другой —
Волченку — волчий аппетит,
И будет несравненно трудно
Убрать его от Боэмунда.
Не оттесни его теперь,
Тебя он завтра оттеснит

И с радостью захлопнет дверь,
И к графу больше не подпустит,
И шанс такой он не упустит
Пока в фаворе и герой.
«Но что мне? Что мечусь, как зверь?
Зачем рискую я собой,
Посланец грозной Византии?
Пред нею войны и стихии,
Что перед вечностью — туман.
Мое презренье — воздух мой
В болоте этом, и дурман
Сомнений тягостных развеет.
Кто с Византией спорить смеет,
А, значит, спорить и со мной»?..
(Куда приятней свой обман,
Чем смысл реальный, да чужой). —
А Бозмунд в немой печали,
И лоб морщинами венчали
Седые думы: он устал,
Из старых ран всё чаще гной,
Рыхлеет мышц тугой металл,
Глаза слезятся, тяжки веки,
И рыцари его опеки
Смелей пытаются бежать.
Остановиться час настал,
Коль власть, увы, не удержать.
(Но что задумал граф, узнаем
Мы позже, если дочитаем).
А Ричард мыслями в бою,
Где он, как Танкред, — не сдержать
Врагам его, и честь свою
Он подвигами вновь пробудит,
И про плененье всяк забудет.
Тримон с Гарселом крепко спят
В повозке хилой, на краю.
А в небе радостно кружат
Стервятники и терпеливо
Ждут нескончаемого пира
Из крови, мяса, жил, костей.

Не зря, не зря они кружат —
Ведь с высоты куда видней.

IX

Фитиль коричневой Луны
Средь черных туч печально тлеет,
Напротив исподволь алеет
Звезда обманчивого дня.
Все спят вокруг. Пред сном равны —
Не возбраня, не возлюбя —
Герой и трус, дурак и умный,
Подлец и честный, — всех подлунный
Приемлет без отличий мир.
Но будет день! И западня
Интимных грез, как лишний жир,
Растает в суете реалий,
Но вспомнит к вечеру едва ли
Любой о том, что видел он,
Коль не прикажет командир
И коль то был не вещий сон.
Спит Танкред, ему дева снится —
Одета пышно, как царица,
В глазах прекрасных огонь и хлад,
Вплетённые в косы семь корон,
А тело — ждущее услад.
Она капризна и надменна,
Развратна, зла, но... вождедена,
И робок Танкред перед ней.
«Поближе, рыцарь! Иль не рад
Ты встретиться с мечтой своей?» —
С улыбкой дева возвещает.
«Кто ты?» — «Меня всяк величает
Заветным именем, друг мой,
Я — Слава. Кто меня сильнее,
Желанней, краше? Нет такой!

Да, я — бессмертье! Да, я — званье!
Но — подвиг, мужество, дерзанье,
Отвага, стойкость и талант,
И — святость: Семь корон со мной.
Слуга, боец, пророк, инфант, —
Мои короны — цель для многих,
Но не для сырых и убогих,
Ведь каждому — свое, увы,
В любой оси координат.
Мне люб в своих стремленьях ты,
Иди ко мне, неистов воин,
Моих объятий ты достоин».
И Танкред сделал шаг, но вдруг
Коснулся кто-то головы
И трепетно ласкает слух
Чудесным шепотом, и нежно
Руками гладит. И безбрежно,
Неудержимо, неземно —
Незнамый сладостный недуг
Сковал всё тело, и оно
В блаженстве наземь истекает,
И там в изнеможенье тает.
И Танкред слабо прошептал:
«Кто ты? И кем тебе дано
Такое право?» И предстал
Пред Танкредом тут образ чудный
(О, сон, о будь ты беспробудным!)
Нагая дева, тело — шелк,
Нежна, прелестна, не видал
Такой он сроду. И умолк
Последний глас сопротивления.
«Я — та, кем грезят поколенья,
Клянут, лелеют, бьются в кровь.
Я — солнце, вьюга, заяц, волк,
Полет, паденье. Я — Любовь.
Сильней меня ничто на свете,
Подобно огненной комете
Вонзаюсь, не спроясь, в сердца,

Мой благостный и страстный зов
Дороже почестей, венца,
Вина, богатства и покоя.
Теперь ты знаешь, рыцарь, кто я,
Возляг же подле ног моих».
И Танкред лег, как у крыльца
Ложится верный пес. В сей миг
Вдруг холодом в него дохнуло
И в уши злобно хохотнуло:
«Сильнее всех, запомни! Я.
Будь славен, мудр, любим и лих,
Всё избежать меня нельзя.
Я — равенство и постоянство,
Седая вечность и пространство.
Что жизнь? — Далекий путь домой,
Где ты поймешь: всё было зря.
Ты — жалкий человек. Ты — мой».
Вскочил здесь рыцарь и с досадой
Глядит вокруг, но лишь прохладой
Под ноги лижется рассвет.
Нет дев прекрасных, нет и той,
Чей облик — тайна, как скелет.
Весь день в раздумьи Танкред едет:
К чему сей сон? Или он бредит?
Но вот в морском тумане всплыл
Могучий город, и в момент
О странном сне он позабыл.

Х

Зачата морем и рекой,
И волею Юстиниана,
Раба креста, затем — корана,
Трёхбожья северный оплот,
Образчик крепости морской —
Да, не один прославил флот
Ее обломками своими, —
Да, Антиохия ей имя!

Жемчужина в короне гор,
Зеленый луг среди болот,
Она — согласие и раздор,
И — Антиохия! — зовется.
Будь славен, кто ее добьется!
Не отвести, не оторвать
Взлывавший изумленный взор
От чуда грозного, и рать
У града лагерь разбивает,
И зрит, и мрачно воздыхает.
О, да! Сей крепости уж вид
Собьет охоту воевать:
Надменных стен глухой гранит
Бойниц монистом окольцован,
Полтыщи их! Отпор дарован.
А толщ? Четверка лошадей
В упряжке смело устоит.
Наглец, упрямец и злодей
Яги-Сиан той мощью правит
(И рать он ни во что не ставит),
Уверен в ней, и с ней — в судьбе,
Он не трясется от дождей,
И ест да пьет на серебре,
И девок по ночам голубит.
Его зарею море будит,
И тешат взгляд за горизонт
Болота в желтом октябре.
А с севера река Оронт
Ласкает слух своей защитой,
И с юга горами прошитый
Синеет верный небосвод. ..
И челюсть башен ждет во фронт
Не в гости прибывший поход,
И многие здесь станут жертвы,
Но стоит! Стоит град сей жертвы!
Он страшный и коварный! Пес,
В мир сказочный хранящий вход,
В страну богатства, царство слез,
Предательства и отомщенья.

И не одно ведь поколение
В походах истовых затем
Пройдет вот здесь, и тот же пес
Укусит, загрызет иль нем
От щедрой дани и пропустит...
«То есть мой шанс, и не упустит
Его ни дух, ни плоть моя.
Ерусалим? Его в гарем
Хозяев алчных превратя,
Европа смуту там посеет:
Один властитель лишь созреет,
Другой уж следом — посильней,
А год или другой спустя
Нагрянет третий. Нет, честней
И выгодней гербу Тарента
Здесь воссиять! Пусть рвется лента
Геройских хроник и похвал».
И спешил Бозмунд коней —
Что ж, к бою, рать! Мой час настал!

СЕДЬМАЯ ПЕСНЬ

Te Deum Laudamus!

I

Пустыня – VII

II

ИКОНИЯ – VII

III

ИРАКЛИЯ – VII

IV

Тафуры – VII

V

Киликия – VII

VI

Мараш – VII

VII

И создал человека Бог!
Вдохнул в него живую душу,
И море подарил, и сушу, —
Живи да радуйся, чудак!
«Средь прочих тварей ты неплох,
Совсем неплох. Да будет так!» —
Воскликнул, верно, первый Мастер
И одарил приметой власти —
Умом. Во благо остальным...
И первородный грех пустяк,
Когда рассеялись как дым
Творца великие надежды,
Лишь одиночки да невежды

Мнят: Он вернется и простит
(Ведь был же скорбным, а не злым
Когда был предан), прилетит
Вновь голубь с масличною ветвью...
Но добровольно сунул в петлю
Себя несносный человек,
И ум его — его магнит,
Влекущий боле Тор и Мекк,
Заветов, алтарей и роков,
К липучей висельне пороков.
Господь успел подставить стул —
Опомнись, жалкий человек!
Но он его уже качнул
И выбьет сам, в том нет сомненья,
Ракеты ждут соизволения
Последний усладить порок.
И никого не обманул
Пощады нищенский оброк —
Церквей, соборов, храмов своды,
Коль оружейные заводы
Плодятся на одной земле.
Но хроники не вышел срок
Бредущей в крови и золе
Эпохи гордых человеков,
И я смогу, прежде чем в пекло
Наш мир помыслит угодить,
Сей акт, как грамоты в Кремле,
Суду (какому?) предъявить:
Как обвиненья летописца,
Как показанья очевидца
И как признания вора.
О, мне бы только убедить
Тех тварей, чья придет пора
За нами разум брать у Бога —
Избавь Он вас от эпилога
Предшественников. Их урок
Не вытрет новая заря:
Где разум — там живет порок!
Итак, эпоха человеков!

От иудеев и ацтеков
До перестроенных славян
(Не счесть мне всех и жалко строк), -
Во тьме заблудший караван
Людей и наций бродит кругом,
Держась по рангам и заслугам
В нелепом скопище идей,
Где каждая — глухой капкан,
А Ты — иль жертва иль злодей.
И Твоим именем знамена
Расшиты яро, непреклонно,
Кровь иноверцев, что вода,
Без объяснений и затей,
Без угрызений и стыда
Течет веками и... привычно,
Рим-лицемер сперва публично
Твоих посланцев пожирал.
И с тем же рвением чрез года
За крест на битвы собирал.
Потели буллы в жирных ляжках,
И Got mit uns сверкал на пряжках,
И пепл благих еретиков
Доселе над землей витал,
Как бремя сброшенных стихов.
Гнал разум человеков — разум,
Вещая, что - Твоим указом,
Ты — высоко, Твой сын — распят,
Кто возразит сквозь смрад веков?
Ведь каждый сам себе Пилат!
Но вот пришла другая эра,
Ты стал отвергнут, Ты и вера,
Маркс, Ленин, Дарвин, Ницше, Фрейд,
Иной звездой сердца клеймят,
И к светлым далям послан в рейд
Мир обезумевшей идеи.
И вновь — окопы, рвы, траншей,
Кровь безыдейных, что слюна —
Отплюнул, и... за стол. Обед,
Чтоб силы наскрести сполна

На приговоры и расстрелы,
Колючим проводом химеры
Кто загнан в лагерь, кто — в тупик.
Танцуй на трупах, пей до дна —
Без алиби и без улик.
Бил разум человек — разум,
Тебя отринув, чтобы разом
С Тобой покончить и с собой!
И свят лишь первый детский крик,
Но лжем! Вот Сахаров святой,
Создатель самой страшной бомбы,
Не для музеев, для апломба
И кулаков своих царей,
И горе всем, коль завтра бой!
И покаяния елей
Смерденья бомб не уничтожит,
Что позднее прозренье может,
Коль раннее родило смерть?
Будь трижды свят иль околеи,
Но миру разум выдал смерть —
За то наградами отмечен.
Эйнштейн, Кюри... Он бесконечен
Сей список гениев ночи
Апокалипсиса. Но сметь
Сказать о том нельзя. Молчи!
И ты молчишь, Великий Боже!
И кровь на человеческой коже
Вскипает язвами судеб,
Как хлопья жирной саранчи,
Исавы на Иаков хлеб,
И крысы на гнилой помойке
В блажной внеклассовой прослойке
Пороки ползают... И нет
От них защит, молитв и треб.
Нам разум выпрямил хребет.
И разум же его ломает,
И двери ада отпирает
Разочарованный Творец...

Нет больше слов. И гаснет свет.
Постыдно. Грустно. Всё. Конец...

VIII

Антиохия — VII

IX

Вифлеем – VII

X

Иерусалим - VII

АНТИОХИЯ

*Vade retro mea maxima Liberta
in articulo mori*

1

Свобода — слово-воробей,
И дело за ловцом и клеткой,
Но всяк рожден марионеткой
Судьбы, устоев и манер,
Религий, мнений и идей,
Цивилизаций и химер.
Лишь тот воистину свободен,
Кто, внемля, слышит глас Господень,
Но их сжигали на кострах
Строптивцам будущим в пример.
И мучеников этих прах
Кружит фантомами свободы
На равнодушные народы:
Сыта утроба — рада плоть,
Мораль придумают в верхах,
И что там чепуху молоть! —
О духе стонут поневоле
Кто не привык работать в поле,
А коль что душу бередит
Свечу поставишь, и Господь
От мрачных дум огородит...
Кому, зачем нужна свобода?
Залезть в стремнину вместо брода,
Течением насытить грудь,
И под корягу угодить
Иль в яме темной утонуть?
Кому, зачем нужна свобода?
Как символ, на который мода
Среди богемы и жулья
(Философов сюда турнуть)
Непреходяща и своя?

Кому, зачем нужна свобода?
Запечатлеть верховность рода
И избранность провозглашать,
Султаном объезжать края
И судьбы важно всех решать?
Кому, зачем нужна свобода?
Похмелье брачного развода,
Вдогонку ей, как грязью, — блядь!
Ему — стакан, — «соображать»,
И детский выдоенный взгляд?
Кому, зачем нужна свобода?
Чтоб ждать проценты, год за годом
Монетной плесенью давясь,
Построить остров-крепость-клад,
И зреть людишек, веселясь?
Кому, зачем нужна свобода?
Мечу кровавого уroda,
Плешивой тишине могил,
Где подданные, убоясь,
Стенают — лишь бы не ожил?
Кому, зачем нужна свобода?
И кто там радостно у входа
Нас примет? Не уразуметь!
И жар души внутри загнил,
И завонял, хотев согреть,
Ловец, не смастеривший клетку
И удививший лишь соседку.
Нет идола — ищи скорей,
И помни, что свобода — смерть!
Свобода — слово-воробей...

II

И снова рыцарский совет
Рядит: как крепость на колени
Поставить иль склонить к измене.
Раймунд Тулузский, гордый франк,

Горячей крови, средних лет,
Упрямец и любитель драк,
Соперник тайный Боэмунда
(Не прочь, коль выпадет секунда
Собою графа заменить),
Возбугрил жилами кулак:
«Нельзя с атакой временить,
Не нам суровых стен пугаться,
Мы победим, коль будем драться,
Их сила нашей супротив
Годится разве флаг сменить
И, лбы покорные склонив,
Приветствовать Христово братство —
Мы победим, коль будем драться!
Пока подмоги граду нет,
Пока внезапность сохранив,
Их сонными возьмем чуть свет
Промедлим — и начнут кусаться,
Мы победим, коль будем драться!
Упустим время — не догнать,
Внемли словам моим, совет.
Ерусалим не станет ждать,
Когда здесь надолго застрянем,
И горестно мечты помянем,
Бесславно воротясь домой,
И примет Божью благодать
По праву первенства другой,
Хотя бы Бодуэн Эдесский».
Последний довод — самый веский -
Совет безмолвный разбудил.
Поднялся гвалт: скорее в бой!
И кто-то слуг уж отрядил
Готовиться на штурм жестокий.
Но Боэмунд сердитоокий
Прервал хмелеющий настрой:
«Меня Раймунд не убедил!
Кто пред змеиною норой,
Не ведая, стремглав ползет?
Коварный враг о том и грезит,

И пасть открыв, он ждет когда
Мы очумелою толпой
Поляжем частию у рва,
Повиснем гроздьями на стенах,
Обварены в смолистых пенах...»
Но Танкред (дерзкий!) перебил:
«Как, Боэмунд? Ведь ты вчера
Ведь так же мыслил, говорил,
Что эту чертову преграду
Преодолеть скорей нам надо.
А что до крови христиан —
Ее б с победой Бог простил,
Уж лучше смерть в бою от ран,
Чем зреть насмешки и кривлянья
От мнящих скрыться наказанья
За крепостною скорлупой,
Мой меч развеет сей обман,
Веди же, Боэмунд, на бой!»
Но граф насупился и молвил:
«Мои слова племянник вспомнил,
Да, мыслил об атаке я,
Но ближний путь не есть прямой
Нам с ходу крепость взять нельзя». Штурм станет кровавой бравадой.
И лишь терпеньем и осадой,
Заткнув все щели и лишив
Надменный град еды, питья, —
И он, сумы опустошив,
Сожрав всех крыс, мочой упившись
И наспех гонором подмывшись,
След наших ног начнет лизать,
Тогда судьбу его решив,
Мы вправе с гордостью сказать,
Что сохранили свои силы,
И христианские могилы
Взрастут здесь не из-за войны.
Не сморенная битвой рать,
Клык вражий вырвав из спины,
Быстрее дойдет к Ерусалиму.

А Бодуэн? Ну что ж, он мимо
Нас проскользнуть не сможет вдруг,
И недосуг ему — полны
Дворы Эдессы, и старух
Помене там, чем дев прекрасных.
Зачем обретшему напрасных
Скитаний вновь? Ведь коль не крест,
То звон и блеск покоят дух.
Других охотников окрест
На гроб Господень нет поныне!
И прищемите хвост гордыне —
Пока поход моим словам
Себя доверил как свой крест,
То подчиниться должно вам.
Пусть недовольных жжет досада,
Но быть по-моему — осада!»
И с тем закончился совет.
А по набыченным горам
Уже бродил полночный свет.

III

В атаке скорой есть резон
(В скоропалительной – немного),
Без объявления (без предлога?),
Пока поход крестовый спал,
Из крепости со двух сторон
Яги-Сиан атаковал.
И изумленные дозоры,
Успевшие продрать взоры
Без глав навеки спать легли,
И был порублен стар и мал,
Прежде чем рыцари смогли
Опомнись, за мечи схватиться,
Да поздно, и успел сокрыться
От стонов, факелов, теней

За неприступность стен и мглы
Антиохийский смертодей.
Наутро мезтью и отвагой
Горя, как цензор над бумагой
Из наглых и опальных слов,
Толпа тафуров без затей,
Что стадо брошенных коров,
Пошла на приступ обреченный.
Но мезть — советник неученый,
И щедро камни да смола
Продолжили ночную кровь,
И ноги унесли едва
Кто смог. Судьба же пожалела
Нам и Тримона и Гарсела,
Коль жизни их не вышел срок
Забудем мы о них. Пока.
А рыцари, как на урок
Да как на горькую забаву,
На скорую глядят расправу.
Раймунд с презреньем произнес:
«Как будто мало нам морок,
Так этих черт еще понес,
А впрочем, что от них нам толку,
Что репа пареная волку, —
Побольше битых — меньше ртов...»
Татикий отшептался в нос:
«Кто этих варваров готов
Понять? Придти на выручку тем паче
А Ричард? Тот украдкой плачет,
А Танкред в гневе пробел.
«Свободу б мне, я сих скотов
Так проучил, что б не посмел
Никто без моего приказы
Непослушания заразу
Являть в походе предо мной
И хоть бы драться кто умел!
Но — поделом. Дурной ценой
Заплачено за дурь такую,
Жаль, рать ослаблена впустую —

Нет жертв глупее, если зря.
И молвил Боэмунд: «Виной
Корить несчастных станем зря,
Они всё кровью оплатили,
А чтоб врасплох не захватили
Неверные и их, и нас,
К горе Сильпиус отойдя,
Поход исполнит мой приказ:
Напротив врат Железных града
Построить скоро башню надо
Для устрашенья и поста,
И быть ей памятью о нас
И убиенных за Христа!»
И тем смилив, обезопасил
Рать изнутри, извне... И красил
Его чело сухой закат.

IV

Прошло три месяца. Пуста
Зеница неба, и храпят
От холода ночами кони,
И греет зябкие ладони
Поход у тощих костерков.
Тоскливо с головы до пят,
Дни ворох мокрых париков
На зимний лагерь надевают,
О смерти ветры завывают,
С болот сочится стылый пар,
Да кучка грязных ездовых
Земной устало месит шар
Вдоль крепости непокоренной,
И в полутьме посеребренной,
Как неуступчивый барон,
Чернеет башня — Мальрегар,
Дождями взятая в полон.

Но не дожди страшны, не холод,
Рать очерствил великий голод,
Забыты кипрские дары,
Что слал блаженный Симеон,
А христианские дворы
В окрестностях вдруг стали скупы,
И без боев плодятся трупы,
И у подошедших лошадей
Слышны иль глотки, иль ножи,
И твари в человечесьих масках
Самозабвенно, злобно, хряско,
Чтоб жить, взгрызают свой кусок,
Чем крепче зубы, тем сытней.
Что человек? — Событий рок...
И вот украдкой и спеша,
На сгибе ночи беспросветной
Ушли тафуры незаметно.
Гнев Боэмунда был велик:
«Коль разум страхом трепеща,
Предательством измажет лик,
И грех сей скрытностью утроен,
Тот не меча, плетей достоин.
Догнать, вернуть с позором их,
Догнать — чей убедил язык
Уйти. В пути бить за двоих!»
И чтоб избавиться от скуки,
Умыть желанной властью руки
(А эта штука, черт возьми,
Куда как слаще на своих),
И от тафуровой возни
Поход избавить впредь, помчался
В погоню Танкред... Постучался
В тот день к Раймунду странный гость,
Откинул мокрый плащ — под ним
Татикий: «Рыцарь, только злость,
И, может быть, недоуменье
Причины моего явления,
Прими смиренный мой визит...»
Раймунд нахмурился: «Эй, брось.

Слова — вино, что не хмелит» —
«О да, Раймунд слова что время,
Упустишь миг, нацепишь бремя
Потерь, терзаний и вины.
Не видишь? Дух твой не болит? —
Плоды осады не видны,
Ну, разве что зима и голод.
А Боэмунд, увы, не молод
И осторожен посему.
Тафуры, что лишь спать годны,
И те противятся ему.
Удрать из лагеря посмели!
Порядка нет — забудь о цели,
Но граф хитер, кого послал
В погоню? И ни одному
Не вздумалось — кого послал!
Накажет чернь племянник славно,
И нам намек — служить исправно
Гербу Тарента! Граф уйдет
А вместо, глядь, и Танкред стал.
И что же рать Христову ждет?
Но есть ведь рыцарь и достойней.
Я о тебе Раймунд. Спокойней...»
Но тот вскочил и огнем глаз
Татикия вот-вот сожжет:
«Речей твоих искусна вязь,
Но соль на мясо моих мыслей
Не сыпь, ее там хватит. Скиснет.
Я Византии не слуга,
Но другом стал бы в самый раз,
Коль общего найдем врага»...
А Танкред к ночи догоняет
Бежавших и как жечь сминает
Тяжелой конницей своей.
«Мне ваша жизнь не дорога,
Уставших только жаль коней.
Вы, предавшие рать и Бога, —
Вас ждет обратная дорога,
А неповиновенье — смерть!

Как не быть древу без корней,
Так же и смуте не взростеть
Без соков лживых заклинаний
В часы — тем боле — испытаний.
Кто? Я сие хочу узнать!» —
И Танкред вырвал в руку плеть.
Молчат тафуры. Что сказать?
Сам Танкред, сам герой похода,
Как пастырь грешного прихода
Взыскует пастве, и простит
Или изволит покарать,
Она раскаянно склонит
Главы под крест и под плевками.
Но кто позвал — пусть выйдут сами
И вышел Петр, за ним — Гийом.
«Я - Петр Пустынник, именит
Для Бога праведным трудом.
Твои нам речи неуютны,
Да, мы слабы, но мы — свободны,
Никто не в силах заставлять
Забыть тропу в родимый дом
И на чужбине умирать». —
«Виконт Гийом, прозваньем — Плотник.
Не мы, но смерть всему виновник,
Несчастных косит, что траву,
Что с мерзлых да голодных взять?
Равно что с пыли на ветру...»
И в уши Танкреду знакомо
Шепнуло: «У меня истома,
Их отпусти — повеселюсь.
Не заплутают — натравлю
Сельджуков, кровушкой упьюсь...»
Но Танкред закричал: «Эй, хватит!
Вас слушать — разума не хватит,
Подохнуть здесь я вам не дам,
Ползти заставлю, в том клянусь,
Смутьянам, трусам, сам воздам,
Будь то виконт иль проповедник,
Пусть даже Дьявола наследник, —

И тут же плетью в кровь избил
Петра с Гийомом. — «Это — вам!
Молитесь, что не зарубил
За бредни при честном народе
О жалости и о свободе».
Угрюмо повернули вспять
Тафуры, из последних сил
Чужую грязь меся опять.
А между тем, с погодой споря
Пришли на помощь рати с моря
Пятнадцать генуэзских шхун,
Надежде снова дав воспрять
Под серой хлябью зимних лун.

V

Но не дремал Яги-Сиан,
И за подмогой Шальс-ад-Дина,
Отчаянного храбреца и сына,
На юг отправил в тайный час,
Забудем боль взаимных ран,
Обид и распрей в этот час,
Да Укрепит Аллах нас в вере!
Вползла беда уже под двери,
И подлый алчный вздох ее,
Не стань мы вместе, ждет и нас.
И сбросив теплое белье,
Отвергнув жен печальных ласки,
Внял тем речам Дукак Дамасский,
И с войском выступал в поход.
А рать голодным вороньем
Отбросы друг у друга рвет,
Все те же лица, те же краски
Вот Боэмунд и Роберт Фландрский
Отправились еду искать —

Пока важнее нет забот,
И голод не изгрыз всю рать, —
И с ними грозные дружины.
Народ вокруг же, — ни кувшина
Пустого не оставят, ни
Засохшей корки; и плевать —
Христианин, неверный ли, —
(Идей великих помраченья
Предполагают исключенья).
Но вдруг разведка донесла,
От спешки скорчив языки,
Что вместо сытного села
Узрето войско незнакомо,
И ощетинившимся комом,
Сметая все, сюда катит.
Дружина только и смогла
В броню одеться, как летит
Стрела — послание Дукака —
Сдаваться! И граф молвил: — «Драка!»
Спросонья взвизгнули мечи,
Ведь и у них есть аппетит, —
Что там кромсать? Давай, мечи.
И занялась пожаром сеча,
Топча, рубя, давя, калеча,
Распарывая животы,
Размалывая в пыль хрящи
Ненужных шей, взбивая рты
В желе да с мозговой добавкой,
Ломая кости, словно палки,
И рвя на части вязь кишок,
И в грязь валяя ассорти
Из тел, конины, в порошок
Сердец ошметки растирая
И глаз осколки осыпая,
Готовят пищу для червей
Двуногие (Вгоняю в шок
Так называемых людей
На ДЕЛО их цивилизаций,
Где каждый век, и наш — двадцатый,

От крови всё не устает).
Дамассца конница резвей
И вокруг дружины кольца вьет.
Вот Роберта отряд отодран
И окружен, и смерти продан,
Но, правда, в дорогой цене —
Десятый рыцаря убьет,
Кусками девять по земле.
Не по сезону выбран праздник —
Что легкий конь и легкий всадник
Стальной махины супротив?
И Роберт все еще в седле,
А Боэмунд вдруг обратив
Отряд свой в бегство, разомкнулся,
Всосал врага и вновь сомкнулся.
И стали рыцари стеной,
Набег отчаянный отбив,
А кто в ловушку влез — иной
Ждал жребий и, увы, ужасный,
Не выполз ни один несчастный.
И тяжко тронулась, пошла,
И все живое пред собой,
Как жернов мельничный круша,
Победу чувствуя, дружина —
Не удержать такого джина!
Позор грядущий сердце сжал,
Но жизнь уж больно хороша,
Дукак подумал и... бежал,
За ним, не мешкая, и войско —
И впрямь, за что страдать геройски?
За честь соседей? Не друзей?
А нам никто не угрожал,
Так прочь отсюда, прочь скорей...
А победителей встречает
И как богов их привечает
С восторгом, с ревом, с песней рать
Да голодны мы, но — сильней!
Ужо теперь несдобровать
И Антиохии, дай время!

Лишь Роберт — жалкий, не со всеми:
«Отряд мой пал, о горе мне...»
Но некому с ним горевать,
Ведь на войне как на войне.

VI

Недолго радость прожила,
Опять слышны дурные вести —
Лихой эмир Рудван Халебский
На помощь крепости идет,
И войску несть его числа.
Да, битва славная грядет,
И рыцари, дождем умывшись
И спешно Богу помолившись,
Собрались молча и пошли.
Где берег мост Железный гнет
Они друг друга и нашли.
Ой, да не горы всмятку сшиблись,
Не скалы в пропасти расшиблись,
Не в реки вздыбились моря,
Не дивы грозные пришли,
Не в прах рассыпалась заря,
Ой то не львы рычат к добыче,
Не выпь к беде нещадно кличет,
Не вепри жалобно ревут,
Не с клекотом орлы парят,
Да не шакалы падаль рвут.
То бьются витязи жестоко,
Зуб за зуб и за око — око.
И Танкред в гуще ратных дел,
Его удар тяжел и крут,
От крови меч уже вспотел,
И пятнами жиреют латы,
И клочья тел, что хлопья ваты,
Вскружают робко вокруг него.

И граф свой фланг преодолел —
Врагов немало там легло,
Иные, дрогнув, отступили,
И он, в кулак собравший силы,
Вмял им Рудвану в мягкий бок,
И закричал Рудван зело —
Истерзан бок и в грязь истек,
Зачмокали надрывно трубы —
Назад, Аллаху мы не любы
В сей день, и дале — смертен бой.
И обратился вспять поток
Халебских воинов, и вой
Воздели ввысь крестовы други,
И возвестил он всей округе
Их сладкую победы песнь.
Скрестил граф руки пред собой:
«Господь! Великий раб твой есмь,
В твоем величьи и мой камень,
Отдай мне град, и будешь славен
Моими подвигами вновь...»
Елей фортуны, что болезнь,
Не выплыть сразу, пусть и кровь
Взамен нектаров и амброзий.
И у захваченных обозов
Пирует по-хозяйски рать.
Кто не брезглив, на все готов —
Через Оронт и воровать
У захороненных сельджуков
От злата до вложенных луков, —
Зачем в земле такому гнить?
Не мертвым должно обладать,
Что вправе для живых служить.
И рыцари тем не гнушались,
Да над Рудваном потешались,
А Боэмунд, признав, изрек:
«Свинье ведь нечем дорожить,
Не честь — дерьмо ее зарок».
Граф занят же иною думой,

Татикий новостью угрюмой
Поведал — мыслит зло Раймунд,
Мол, топчемся здесь долгий срок,
Поход не кормлен и разут,
Покрылся простынею вшивой,
Застряв у крепости паршивой,
Что ест да спит, и все — в тепле,
И в том повинен Боэмунд!
Не рвешь веревку — быть в петле,
— Раймунд опасен, но двуликий
Как мог узнать про то Татикий?
И с Бодуэном — тоже — он?
Мы варимся в одном котле,
И тот воистину силен,
Кто ведает другого думы,
И с ним решать я стану умно.
Обузой византиец стал
Давно, и повод обретен,
И граф за Танкредом послал,
Сказал ему: «Не зрил я в битве
Татикия, иль он в молитве
Победу нашу приближал?»
«Он — трус, о чем твердить устал
Тебе я, граф, но ты держал
Мой гнев вдали от византийца», -
Воскликнул Танкред. «Нет, он птица
Другого неба — потемней.
Трус бы давно от нас сбежал,
Речь об измене, лишь — о ней.
Но слов моих причина скудна,
Ты с кем-нибудь, хотя б с Раймундом
Сомненьем этим поделись.
Усердьем знаний смысл верней,
А к вечеру ко мне вернись,
И будь готов к дороге тайной,
Нас скроет ночь во мгле бескрайней,
Да от ушей не защитит,
Вот их, откуда б ни возьмись,
Не должно быть. Твой меч — мой щит».

VII

Укромный угол, черный свет,
Теней угодное блужданье,
Чистосердечное признание —
Что знал, что видел, что готов,
И звон посребренных монет,
И шлак отрубленных голов,
Трибун высоких назначенья,
И поздние разоблаченья
Насмешкой высохшим костям,
Уютный дом да жирный плов,
Да покаянный взор властям,
Да сто бумаг, чтоб оправдаться,
Но всё забыто, что бояться!
А Бог и память — миф и тлен...
Но вдруг найдется — зол, упрямя,
И встанет с ввинченных колен,
И ткнет, как истовый каратель,
Проклятьем в душу — ты, предатель!
Но зреть таких нам суждено,
Коль выпадет не Судный день,
В музеях, книгах и кино.
Измена — онанизм двуногих,
Сие, опричь заветов строгих,
Приятно, стыдно и грешно.
Увы, неожиданных тупиков,
Равно как тюрьм и пьедесталов,
Жизнь предлагает — и немало.
Природный выбор — отскулить
Свой век средь грязи и плевков
Иль сладострастно укусить...
Измена — паралич двуногих,
Сиречь блатной паек убогих
От чавканья чужих щедрот, —
Вонюче, мерзко, с правом гнить,
Ослабля черный сытый рот.
Увы, корысть иль безысходность

Тому причины — всё условность.
Свободный выбор — уцелеть
Пусть за броней нечистот,
Дерьмом ли в пытках околеть.
Что из того — толпою проклят?
О том потомки и не вспомнят,
Своих забот у них полно,
Да хоть не так — и им ислеть
Всевышней волей суждено.
Мораль для вечности — химера,
Что — до Христа, что — наша эра,
Предатели — не дефицит,
Они, как принцип домино,
Где начавший да устоит,
Сокрыв для истины обличье.
Тем любопытнее различья:
Одни от страха предают.
Предательство сие таит
Боль за себя, семью, уют,
Идеи, принципы и знанья,
И их великие терзанья
Пусть не простить — дано понять. —
Там Галилей, но там или Брут...
Вот обреченные писать
Под сенью дыб и камер страшных
Доносы на друзей вчерашних, -
Там пол- ГУЛАГа, там Фома...
Вот те, кто смеет обвинять,
Давясь от страсти и дерьма,
Взлелеявшую их систему
В угоду власти, что — на смену,
Здесь Стессель, Паулос, Вальдштейн,
Здесь... Но история сама
Определит — кого взашей,
Кому забвенью, кому жалость.
А нам, увы, еще осталось
Немало сукиных сынов,

Увы, и с ними — дочерей.

Итак, другие (я не нов) —
Предатели от равнодушья.
Их прикосания — удушья,
Их не понять и не простить.
Каких учений и основ
Достанет, чтобы объяснить
Сие явление в этом мире?
Стекланный взор в глухой квартире
Хромой души пустой расчет,
Где все равно — кому служить,
Где все равно — чей принять счет
Кого клеймить, продать и свергнуть
Народ в войну идеей ввергнуть,
Иль на больной его судьбе
Теорий выявить просчет,
Балдея в классовой борьбе,
Где лижут зад любой мессии,
Бегут, как нынче из России,
Туда, где суп и чек жирней,
Бегут евреи и т. д.,
Где славу предков до корней,
Как крест из храма вырывают,
И безразлично оскверняют
Могилы и свою страну,
Где вслед подножка, чтоб — верней,
Где камень к телу, чтоб — ко дну
За просто так, на всякий случай, -
Здесь умный Ленин, страстный дуче,
Лукавый Френкель поп Гапон,
Лучистый Берия (тьфу, тьфу...),
ГКЧП трехдневный сон,
Чета Макбет, Мария Мнишек, —
От плах до караульных вышек
Их резвый выверенный шаг,
И как венец, как символ, трон
За ними скалится ГУЛАГ... .
А третьи предают из мести,
О чем немало есть известий
И повторять их недосуг...

И, наконец, поднимем флаг
Последних, их — что летом мух:
В рванье, при галстуках и в норках
Они равны — и на задворках,
И при трактирах, и в штабах,
И в окруженьи верных слуг.
Не безразличье и не страх —
Корысть предательством их движет,
Им нет имен, но ручка пишет
Одно — ИУДА — и на всех!
Здесь редок справедливый крах,
Зато невидимый успех
Прельщает, словно парус в море.
Они — товар, и в их конторе
Цена — пустяк. Как жизнь. Как честь.
Семья. Народ. Страна. И сверх
Того. Торгов, увы, не счесть.
Так было, есть и, верно, будет,
И кто простит нас, кто осудит?
И, может быть, недолго ждать —
Найдется жаждущий обрести
Весь мир и — Дьяволу продать. . . .

VIII

Сырая полночь как метлой
Дождем с лица снимает дрему,
Собак не выгонишь из дому —
Дуреет за порогом тьма.
То брызнет снежною смолой,
То взвоят вдруг, сойдя с ума,
То глаз костра небрежно выпьет,
То сквозь шатры тоски насыплет,
То ведьмою приворожит,
То величава, то дурна, —
Такой погодой дорожит
Имеющий лишь помысл тайный.

И, правда, словно лист охранный,
Она таит меж клешней гор
Насупленный кривой самшит,
Под ним двоих, и разговор,
Поодаль третий — изваяньем
Застыл на ознобевшем камне,
Выслушивая зорко мрак.
Но... закружит набухший сор,
Иль донесется вой собак,
Деревья тяжело провздыхают,
Да фраз обрывки долетают:
«Мне ведом, рыцарь, ваш язык,
Не спрашивай — откуда, как,
И для чего прорыт арык
Неважно» если пить ты хочешь,
И не за тем мы здесь средь ночи»...
«Ты прав, Фируз, мой интерес
Не в языке. И я привык
Печь пироги в один замес.
Я мню — мы выгодны друг другу
Коли окажешь мне услугу,
Тебя я щедро одарю.
Град обречен! Он вымрет весь,
В том слово рыцаря даю,
Делить судьбу его безумно...» —
«Теченье слов твоих разумно —
И милый дом в глухой тиши,
В довольстве зреть семью свою
Куда приятней для души,
Чем видеть смерти приближенье.
Какая плата за спасенье?...» —
«Ты должен...» — «Справлюсь»-. — «Я дам знать,
Прощай, и в крепость поспеши,
Кто хватится — несдобровать...»
И дождь настырной липкой мошкой
Затер фигуры, смысл окошки
Следов неслышных. И в пути
Промолвил третий: «Не понять
Мне дел твоих. Они, прости,

Дерьмо вливают в наши вены.
Победа с помощью измены
Тосклива, гадка и дрянна,
И славу в ней приобрести,
Что у цыган купить коня...»
Но возразил второй спокойно:
«Не все полезно, что пристойно,
Когда перед тобой тупик.
Пусть сотню раз стошнит меня,
И Божий помрачнеет лик,
Но в ратном и великом деле
Все способы годны для цели.
Неважен нам победы цвет,
Но вкус ее, и всяк язык
Премного назовет примет
Величья, мудрости, идеи
В любой дурной твоей затее.
Таков наш глупый мир, менять
Его ни сил, ни толку нет,
И коль сему сумеешь внять,
Тогда тебе все станет ясно...»
И третий лишь кивнул согласно.
И только дождь и бег копыт
Ведут беседу — не унять,
Да ветер сердитый вслед сопит...

IX

Как будто все шло так как шло,
И воздух не дышал угрозой,
И сердце не щемил занозой
Вдруг скошенный прозрачный взгляд,
И хладно лезвие вошло
В зевнувший рот, и твой наряд
Лишь саван или плащ дорожный,
Коль глаз поймет закат тревожный...
Не чаял византийский ум

Попасть под рыцарский расклад,
И полон затаенных дум
Татикий к Боэмунду мчится.
«О, граф, я не могу решиться
Поведать вздор моих тревог,
Посмейся им, я наобум
Любую назову. В залог
Отдай терпенье и вниманье
И разреши мои гаданья.
Два дня назад косился всяк,
Чуть не плюя на мой порог,
Вчера приветствий звук иссяк,
А ныне слух мой ловит речи,
Что я изменою помечен,
Что это — случай иль подвох?» —
Ты — византиец, но не франк,
Чужак всегда быть может плох,
Пусть он разумней и достойней —
Неважно, то. Коль посторонний —
Доверия не обретешь.
Поход от голода иссох,
От холода его бьет дрожь,
А град никак не взять осадой, —
Найти виновного в том надо,
А кто виновный? Разве свой?
Увы – чужак. И ты умрешь,
Как бед причина, пред толпой,
Коль рыцари толпу поддержат.
Мой меч, Татикий, их не сдержит.
Прими совет – ты одинок,
И возвращайся-ка домой,
Пока еще не вышел срок
Решенья рати рокового.
Раз ныне прозвучало слово,
То завтра действия нам ждать...» —
И Боэмунд печально смолк.
Татикий прохрипел: «О, рать,
Неблагодарная и злая,
Тебе служил добра желая,

А ты мне смертью отплатить?
О, как я мог не разгадать
Намеков гнусных? Как же быть?
Уйти без спроса базилевса?
Уж лучше стать рабом у перса!
Сколь испытали мы с тобой,
Дай месяц мне, чтоб сообщить
По дружбе прежней... непрстой.
Молчишь! Какое ж предложенье
Тебя подвигнет на сближенье?»
«Киликия, — промолвил граф, —
Иначе разговор пустой.
Пусть судит Бог, коль я не прав.»
Лицом Татикий изменился,
Но лишь вздохнул и удалился.
Что месяц сроку? Как когда —
Ничто в тумане вин, забав,
Иное — коль скулит беда.
В шатре уныло византийском,
Никто и не подходит близко,
Вчерашний друг, ах, заболел,
Того не сыщешь и следа,
Раймунд — и тот вдруг онемел.
Но вышел срок, гонец примчался,
Татикий к графу постучался:
«Избранник Божий Алексей
Изволил среди важнейших дел
Прочесть отчет судьбы моей,
Да будет царство его славно!
Им решено — мой долг исправно
Я ради Византии нес.
Но с тем, увы, душою всей
Горюю полон тайных слез —
Пришла пора, о, граф, прощаться,
Им велено мне возвращаться
Через Кипр, не мешкая ничуть.
Но прочь унынье, я принес
Весть добрую, и скрашу путь
Я памятью о сем мгновенье:

Тебя своим благословеньем
Отметил базилевс, и внял
Тому, на что не посягнуть, —
Твоим заслугам, и назвал
Твой род Киликии владельцем!
Прими сей дар с открытым сердцем,
Друг Византии. И прощай.
Я мало сделал — много знал,
К чему весь труд? Ах, граф, прощай», —
Татикий сник, но встрепенулся,
И гордый лик его замкнулся. —
«Себе мы не принадлежим,
Мы воины с тобой... Прощай».
И вышел в ночь. И недвижим
Доселе Боэмунд воскликнул:
«Каков! Я было чуть не всхлипнул.
Ты долго кровь цедил мою,
Но подавился — и дрожи,
И слезы лей, а я — пою!
Вот так, прощай, стервятник старый,
Я выдержал твои удары,
А ты мой отразить не смог.
За ценный дар благодарю,
Хоть ты не ждал такой итог.
Киликия моя навеки!
И я избавлен от опеки, —
И граф велел налить вина. —
Да будет надо мной лишь Бог!..»
А вскоре рать изумлена —
Ушли отряды византийца.
Как? Почему? Не дать им скрыться!
Но мрачный Боэмунд изрек:
«Мешать не будем, грош — цена
Предателям. Каков с них прок...»

Х

В досаде искренней совет
Неистов, и судачит смело.
Как так? Неслыханное дело!
Граф требует ему отдать
Треклятый град и ждет ответ.
Одной Киликии, видать,
Тарентцу мало показалось,
Ну, а другим, то что осталось?
Прокисший дым и зябкий дождь?
Знать — вместе только воевать,
А завоеванное — врозь!
Горят глаза, и речи страстны —
Впервые графу неподвластны.
Лишь Танкред, дядею смущен,
Молчит, как запоздавший гость,
Он в тайну графа посвящен.
А про Киликию что спорить?
Сумел ведь дядя все устроить,
И кто ее завоевал!
Тот может с нею быть крещен!
А Бозмунд меж тем сказал:
«В сварливой смысла нет беседе,
Один я знаю путь к победе,
В том слово рыцаря даю.
Жизнь человечья — не металл,
Старею я и устаю,
И сердцу всё милей отрада
Не в песнях бурь — в прохладе сада.
Похода славу вам вершить.
И власть свою передаю
Тем, кто ей сможет дорожить
И рать введет во град Господень.
На подвиг сей Раймунд способен
И... Танкред! Им как мне должны
Вы честью и мечом служить.
Ну, стоит ли такой цены,
Что я прошу — как в утешенье,
А не в награду — то решенье?»
Совет растерянно умолк,

И вздох разумной тишины
Повис над всеми: есть ли толк
В словах столь странных Боэмунда?
И что в них ложно, а что — мудро?
Лукавит или честен граф?
Кто разматывает сей клубок,
Не задохнувшись на узлах? —
И Тяжело Раймунд поднялся:
«Я против, в чем и признавался,
Подарков щедрых одному. —
Коль кровь, лишенья, риск и страх
Погибнуть иль пропасть в плену
Кружит над всеми без различий,
То равен и дележ добычи.
И граф всегда был справедлив
Так с градом этим почему
Он воли нашей супротив?
Но положение осмыслив,
Склонился я, что графа мысли
Верны. Да, крепость нам не взять!
Кто сможет вход в нее найти
И смеет это доказать,
Тому по праву — половина,
И вот в печали знаем ныне,
Что Боэмунд оставит нас.
Должна его заслугам рать, —
Полграда в дар прими от нас.
А в остальном... клянусь святыми —
Походу быть в Ерусалиме,
На то все силы положу...»
А Танкред шепчет: «Мой ли час
Внезапно пробил иль блажу? —
Но тут же в звонкий крик сорвался:
«Для рати дядя мой старался,
И рать воздаст ему сполна.
И я все силы положу,
Чтоб в град святой вошла она».

И смолк, виденьем упиваясь —
Поет толпа, пред ним склоняясь,
Освободителем зовет,
В цветах и с чашею вина
Он говорит: «Вы — мой народ,
Отныне здесь я буду править!»
И всяк его там будет славить,
Смущенный шлет послов Клермон,
И Танкреда могучий род
Заносят в рыцарский канон, —
О, дивных грез главокруженье,
О, молодости искушенье...
А граф совет уж известил,
Что некий есть Фируз, и он,
Начальник стражи, и часть сил
Крестовых проведет на башни,
И подтвердил сие вчерашний
Его доверенный гонец:
«Я доказал. И что просил,
Мне обещали наконец...»
И вынужден совет решиться
На то, чтоб с графом согласиться,
Себя оставив в дураках.
Ин ладно, на худой конец
Дает три дня довольный граф
Хозяевами быть во граде...
Итак, вот эпилог осаде.
Спустя неделю город пал,
Живых недолго мучил страх —
Поход пощадой не страдал, —
Кто не сгорел и не порушен,
И не порублен, не удушен,
Тот в реках крови утонул.
Кто слишком стар иль слишком мал,
Со стен был сброшен иль сомкнул
Оронт над ними свои воды,
И сказывали — долги годы
В седых волнах был слышен плач...
Три дня расправы ветер дул,

И пепл его разнесся вскачь
По задремавшему Востоку...
Средь гор в домишке одиноком
Холил семью и злата груз,
В зубах ковыривал калач
И, глядя вниз, зевал Фируз...

ВИФЛЕЕМ

Alea jacta est

1

Что толку нам кривить душой —
Мы все с рожденья крестоносцы,
Затем — изгои, венценосцы,
И реже — совестливый сброд,
Что грех оправдывает свой
Аморфным символом — народ.
Нет боле стаи разобщенней,
Чем человечья, и возвращенной
Не декалогом, а борьбой
За пыль надуманных свобод
(А коль размыслить головой — За
право в стае выделяться).
Презреть ее и не бояться.
Способен лишь могучий ген, —
Коль заражен своей судьбой,
Но — допускается размен...
Мы все с рожденья лицемеры,
Затем — революционеры,
И реже — братский трибунал
Очаровательных гиен
С улыбкой Ульриха в финал
Побед бесспорных правосудья,
И хор поэтов словоблудья
Прославит жертв иль палачей,
Смотря — какой бишь день настал
И славят лик в газетах чей.
Мы все с рожденья сумасброды,
Затем — низы и верховоды,
И реже — просто чудаки,
Что ищут в рай набор ключей,

Не видел никогда замки...
И есть великие открытия
Как повод для кровопролитья,
Так гения порыв благой
Для предержавшей власти руки
Есть наслаждение игрой.
Мы рождены... Но для чего же?
Глаза младенцев настороже,
И что погасит звезды в них,
И впрыснет злобный и больной
Реальный взгляд на мир больших?
Мы рождены... Но для чего же?
Скажи хоть ты, великий Боже!
Дай знак, коль избегаешь слов; —
Во храм запрет для дев брюшных,
В роддоме не сыскать волхвов.
О чем прошу! — Господь ответил
Рождением сына, и был светел
Тот день, как боле никогда.
Кто понял неба дивный зов? —
Голгофа! И бегут года,
Века, эпохи, поколенья, —
Нам не постичь ЕГО явленья
В плену кровавых теорем.
Так что ж бледнеем иногда
При тихом слове — Вифлеем,
И пальцы от курков изъяты, —
Миг просветленья, — Будем святы!
И жажду зла из сердца вон!
Но миг прошел, и — нет проблем,
Кто там командует: «Огонь»!..

II

Как жаль, что бытие — песок,
Всё истечет неумолимо,

И подвиги твои незримы
Грядущему, иль переверт
Их летописец, за кусок.
Взять прошлых дней водоворот
— Кто истинно сие опишет?
Когда хронист поет, что слышит
Из уст хозяина, увы,
А мой хронист — всего мой рот...
Всё было так: лишь крик совы
От башен прозвучал сигналом,
Пошла на приступ грозным валом
Неустрашима к битве рать.
Так мчатся на добычу львы,
Уставшие ее искать.
Тут, кстати, и врата открылись,
И беспощадно мы рубились,
И меч мой вниз не падал зря!
И мало кто сумел бежать,
А кто в мечети скрылся — я
Во гневе сжег и... помолился.
Недолог тот был бой, и взвился
Над крепостью крестовый флаг.
Но вот прошло четыре дня,
И вдруг явился новый враг —
Бесчисленна орда Кербоги
И все лазейки и дороги
Им перекрыггы были вмиг.
И не отведав толком благ
Победы, сладостней других,
Мы превратились в осажденных
И к гибели приговоренных —
Кербога слышать не хотел
О мире, и гонцов постиг
Конец печальный, и удел
Нас ждал ужасный... нет, — лишь трудный!
Град был провизией скудный,
За пададь вскоре уж дрались,
И страх походом овладел,
И трусы мерзкие нашлись —

Кричали, мол, «в ловушке!», «сгинем!»
И лучше белый флаг подыдем,
Пусть жить рабами, но ведь — жить.
И были — кто им поддались...
В войне такими дорожить
Одно, что шубой в зной, — накладно,
И я карал их — и нещадно,
Но смута зрела и в другом,
Там, где никто предположить
Ее б не смог и в чувстве злом, —
Раймунд! Он был причиной бунта!
Забыв про милость Боэмунда,
Сначала требовать он стал
Себе полграда, и врагом
Средь честных рыцарей предстал.
Затем пошли дурные сплетни,
Что он тафурам бессловесным
Своих подохших лошадей
Ценой тройною продавал
И не гнушался тем, злодей.
Увы, все правдой оказалось,
И чернь в итоге взбунтовалась.
Зазнавшийся тулузский сброд
С хваленой мощию своей,
Дрожа бессильно, ждал исход.
И диким распрям быть во граде, Но
все пришли с поклоном к дяде:
«Возьми обратно в руки власть,
О том взывает весь поход,
Иначе — суждено пропасть!»
И тут надеждой на спасенье
Явилось Божие знаменье
(Что б там сен-жилльская лиса
Не лепетала — кол ей в пасть! —
То были Божьи чудеса!) — Под
храмом, где лишь смрад и глина,
Мы обрели копье Лонгина.
Я трепетно его лобзал
Губами, чуя кровь Христа,

И всяк в руках его держал,
И наши плечи распрямлялись,
И наши силы прибавлялись,
Бог с нами! — Значит, победим!
И Боэмунд тогда сказал:
«Мы этот град не отдадим,
А пыл врага мечом умерим!»
Всеобщий клич раздался: «Верим!
Веди нас, Боэмунд, вперед,
Во град святой Ерусалим,
И в том клянись!» — И ждет поход,
И граф был вынужден поклясться...
А вскоре мы пошли сражаться,
Безумьем дерзким ослепив
Неверных, как упрямый скот,
И многих в том бою побив,
Иных отправили мы в бегство.
Мне было весело и тесно,
Как юноше в хмельном пиру...
Ну что ж, Кербогу в прах разбив,
И Господу воздав хвалу,
Голодной чернью торопимы
И помня об Ерусалиме,
Мы выступить уж собрались.
Теперь пред нами наяву
Сверкала цель — рукой коснись,
И огонь ее душа обрящет!
Свободен путь к удаче вещей,
Веди нас, граф! Но граф сказал:
«Великий Боже, не гневись,
Служил я честно, но устал,
И в Антиохии останусь,
И здесь оплотом вашим глянусь.
Раймунд и Танкред поведут
Вас дальше — ихний час настал»...
Раймунд — что странно, бес и плут, —
Хранил согласное молчанье.
Поход все выслушал печально,
Но воле Боэмунда внял,

Коль цель близка, чего уж тут...
Никто Раймунду не пенял —
Что гнев толпы? Победой сыгты,
И прежние грехи забыты!
Вот так всё было! А затем
Мне дядя молвил: «Ты принял
(И здесь я для хрониста нем)
Мой жезл, иди же с ним, не медли!
Раймунда берегись и... свергни,
Иначе свергнет он тебя». . .
И вот пред мною Вифлеем!
В нем иль за ним, что ждет меня?

III

Мы вышли ни заря, ни свет,
Исполнены великим долгом,
Европа в ожиданье долгом
Еще надеется на нас!
Я помнил дядюшкин завет
И помнил, что он мне припас
При том прощаньи напоследок:
«Раймунд коварен, ты же — дерзок,
В борьбе за власть вы с ним равны.
Сойдет на нет любой из вас
Подвохом чуждой стороны
Иль промахом своим. Так знай же —
Ты без интриги — снег на саже,
Против Раймунда козырь есть,
Как крест противу Сатаны,
Его используй, — сгонишь спесь
И отведешь удар тулузца,
Сим я его заставил гнутья
И мысль о граде позабыть!
Раймунд — о том имею весть —
Стал с Византиею дружить,
И в тайне дружба та хранится,

И где лежит ее граница
Неведомо, но думай сам,
Какую присказку сложить,
Чтоб сказка била по зубам:
Корысть, лукавство, блажь, измена —
Здесь хороша любая тема.
Прощай!» — и с тем расстались мы...
Бог внял и жертвам, и трудам —
Рать шла в объятиях весны,
Шла без тревог, боев, лишений,
Враг избегал теперь сражений,
Напуган нами и судьбой
И жаждал мира — не вражды,
И нас задаривал едой,
Питьем и всем, чего захочешь.
Бывало, в городок заскочишь,
Тебе и вина, и хлеба,
Ну словно бы попал домой!
Дадут и злата-серебра,
Лишь их не убивай, не трогай,
Глаза трусливы, но со злобой,
Да что сей блеск против меча,
А посему рука добра,
Щадит неверных... сгоряча.
Не разумею побежденных,
В надежде глупой убежденных,
Что ненависть иль щедрый дар,
Преподношение ключа
Или восстания пожар
Изменят мнения былые;
Равно — покорны или злые —
Название псам одно есть — псы!
А разница — каков удар
Да как погладить, на весы
Какую долю от презренья
Им бросить, — вот и все сомненья.
Здесь слезы — жалкий блик росы,
А жизнь, увы, — кошель пустой,
Однако мне ли те заботы?..

Раймунд доводит до икоты:
То невзначай залебезит —
Друзья, мол, не разлей водой,
То спьяну вдруг и пригрозит,
Мол, первым все равно не станешь,
Поход без графа не заманишь
За герб Тарента воевать.
А утром тело отрезвит
И с дружбою ползет опять.
Что знаю я, лишь Ричард знает
И ссору нашу отвергает,
Но мню — нас поединок ждет,
Мой гнев не надобно пытаться,
Он не посморит — кто! — Сметет!
Но Ричард убедил тулузца,
Что нам пристало разминуться,
Для верности же намекнул
(Ну кто просил его, вот черт!)
Про Византию, и смекнул
Раймунд тотчас, что козырь брошен
(Да слаб удар коль недоношен),
Но мне сказал: «Я не речист,
Где прок — чтоб кто кого проткнул?
Ведь путь к Ерусалиму чист,
Не лучше ль нам идти раздельно,
Там, в граде, встретимся, уж верно
И обо всем договорим...»
Кто в помыслах своих нечист,
Легко, взглядеться коль, узрим.
Раймунда мысль я мигом понял:
Хотел отнять он, что не отнял
В покорных городках, затем
Успеть войти в Ерусалим
Не остановленный никем,
Пока с обозами да чернью
Я буду славною мишенью...
Но — поглядим! Согласен я...
И вот пред мною Вифлеем,
В нем иль за ним — что ждет меня.

IV

Раймунд ушел и прихватил
С собой полрати самых крепких,
Лихих, Удачливых и метких,
Охочих грабить без помех,
Насильно, что ж, не будешь мил,
Я не ропщу и, право, смех
Во мне их глупость вызывает,
Ведь кто добычу уступает
Средь равных? Разве — через кровь!
А здесь-то я сильнее всех,
И кто разделит мой улов?
Никто! Пусть городки беднее,
Но все мои! — Так разумею.
Да бестия Раймунд, хитер,
Оставил вора из воров,
Чтобы за мною нес дозор
И извещал про все Раймунда.
Что ж, честь, достойная — Ле Бурга.
Просунет нос в любой ларец,
Не ведает что есть позор,
В бою труслив, в миру — гордец,
И свой отряд (не жалко, впрочем)
Кормил тухлятиной и прочим,
И то от жадности скулил,
Короче — скряга и подлец.
С таким бы и во храме взвыл,
И грязь покажется нектаром,
Ле Бург не нужен мне и даром,
Но, черт возьми! Ведь знатный род,
Богатством Бог не обделил,
Но так всегда: чем гаже плод,
Тем кожурою золотистой,
Но не держу я черных мыслей, —
И недосуг, и... слаб пока
Повыбить спесь с кичливых морд.
Что я? Лишь крепкая рука,

А надобно — венец и имя,
Всё то лежит в Ерусалиме,
Где первым я обязан быть,
И цель сия недалека,
А посему поход трубить!..
И вновь над ухом холодеет,
Опять меня тревожить смеет
Она: «Эй, рыцарь, я ждала,
Что вспомнишь. Или позабыл?
Иль звал, а я вдруг проспала?
Мой грех, во крепости немало
Меня повеселил ты право,
Могла, могла, мой друг, устать».
«Ну полно! Ты с чего взяла,
Что я тебя хочу позвать?
Нужды пока особой нету,
Ступай себе, гуляй по свету,
Поди уж где-то заждались.
А надо — кликну. Мне решать.
И коль служанка — покорись!»
«Как груб мой повелитель храбрый
Но тем приятней, ибо равный
В речах со мной других ни в грош
Не ставит. Рыцарь, не ярись!
Кто бессердечен, тот и гож
Творить великие события,
Где не избежь кровопролитья,
Где жалость — на руку врагам,
Где милость не подлей, чем ложь,
Где чувства — сладострастный срам,
Где меркнет всё пред самовластьем
И лишь твоим покойно счастьем,
А остальное — плесень, вздор,
Кусок поэтам и рабам...» —
«Однако долог разговор,
И я замерз от причитаний.
Зачем пришла коль нет заданий?
Порассуждать? Мне недосуг!» —
«Ой не гони. Храни задор

Для неприятелей, мой друг.
Ведь я всевластна в этом мире,
Где первым быть хотел не ты ли?
Так слушай и запоминай:
Всего-то в переходах двух
Лежит обетованный край,
Удел мечты и цель похода.
Причина моего прихода —
Тебя в сей час предупредить.
Твоей судьбе угодно, знай,
Вновь испытанье подарить.
Не по нутру мне та забава,
Но выдержишь — величье, слава
Твои! И в том я помогу —
Готова тут же умертвить,
Увечить иль согнуть в дугу
Любого, ежели прикажешь,
А также — на кого не скажешь,
Но будет он опасен нам.
И ведай, рыцарь, я не лгу —
Я ни кому тебя не дам,
Ты - мой! Моим до тех пор будешь
Пока гордыню не остудишь
Или не надоешь меж тем,
Прощай и помни – не отдам!...»
Молчаньем оглушен и нем, -
Исчезла небыть как явилась,
Или она всего приснилась?
Но нет — я чую дрожь коня...
И вот пред мною Вифлеем,
В нем иль за ним — что ждет меня?

Проклятье этим желтым псам!
Как смеют! Что воображают!
Походу боем угрожают,
Хоть я просил их миром сдать
Сей град — начала веры храм!
Его ли кровью осквернять?
Здесь ОН ступал, как я ступаю,
Здесь ОН вдыхал, как я вдыхаю,
Здесь видел ОН, как вижу я,
Священ мой трепет — не унять,
О, Господи, будь ты судья!
К тебе, внемлю, как к Высшей силе, -
Кровавить землю я бессилен,
Где сын изволил твой придти.
Дай вещий знак! Прости меня,
Мне этот град не обойти.
О, Господи, пошли Знаменье,
Ведь кто вершит сопротивление:
Уроды, дети, старцы, — дух
Их ясен, но в моем пути
Я раздавлю их словно мух.
Кто им указ, чем думал только,
Несчастных жалко мне нисколько,
Но, Боже! Что им шлет их Бог?
Коль я взрыхлю их будто плуг,
Смешав от головы до ног
С весенней грязью в изумленьи.
О, Господи, пошли знаменье!
И он услышал голос мой:
Примчался Ричард, весь — восторг,
И спешно звал меня с собой:
«Выдь из шатра, воззри на диво —
Парит над градом горделиво
Огромный и седой орел,
Как челн в пустыне голубой...»

Я выскочил — и впрямь орел!
На крыльях звездами сияет
Златое солнце, и гуляет
По перьям серебристый ветер,
Дрожит овца, и конь, и вол —
В могучих лапах вызов жертв
На беспощадное закланье.
Великой силе оправданья
Не нужно, потому что — власть
В орле сверкала. Каждый нерв
Тряс жилками — на что упасть,
Чью печень, сердце разрывая
И не колеблясь, побеждая.
И понял я, мне подан знак:
Ведет к победе только страсть,
В сомненьях счастлив лишь дурак,
И наплевать в каком кто ранге,
И не орел то был, но — ангел.
Посланца неба понял я,
Спасибо, Боже, коли так!
И прочь сомнения гоня
Я обнял Ричарда, и плача
Сказал ему: «Нас ждет удача,
А посему — в поход, в поход!
И к схватке мне седлать коня!»
И радостью взыграл поход,
И был готов в одно мгновенье.
И мы пошли без промедленья
На битву с чистою душой.
Особых не было забот,
И труд нам выпал небольшой,
Чтоб разметать заради смеха
Тот жалкий сброд, что мнил помехой
Себя для грозных наших сил.
И скоро был окончен бой,
И град пощады запросил,
И на коленях нас встречали,
Вином и златом привечали,
И я простил их злой азарт,

И мой триумф оповестил
Тарента доблестный штандарт.

VI

Я – рыцарь! Что сильней сего,
Что благородней? Что прекрасней?
Что к жизни истинной причастней?
Что греет кровь и честь роднит?
А потому дурней всего
Коль тот, кто гербом именит,
Кто предкам славою обязан
И кастой рыцарскою связан,
И страж традиций должен быть,
Но первым же и норовит
Порушить или позабыть.
Таков Ле Бург — свинья свиньею,
И нет мне от него покою
(Раймунд такая же свинья,
Да хоть не здесь он кажется прыть).
Не искушен в интригах я,
Ишь, как все норы заимели,
При Боэмунде б не посмели,
При мне решились поиграть.
И, словно туча воронья,
Кружат вокруг да мутят рать.
Вся дрянь, подкупленная ими,
Конечно, главами чужими,
Блюдет их гадкий интерес, -
Собой зачем же рисковать...
И что Ле Бург удумал, бес.
Посеял сплетни, будто драться
Желал с тулузцем я, и братство
Меж рыцарей бы растоптал,
Что отказался наотрез
(Раймунд ему, знать, втолковал)
Я ради дела с ним поладить

И сам хотел походом править,
А он (ягненок-то каков!)
Меня раскаяться призвал
И, опечалясь, был таков,
Но все ж надеясь, что другими
Мы встретимся в Ерусалиме.
О, клевета! Как бег твой скор
Да без кнута и без подков!
В меня летит иной укор:
Что Антиохий да Киликий
Мы с дядей в жадности великой
Ждем от похода — в том наш крест.
И — надо выдумать сей вздор! —
Что подтвержденьем слов тех есть
Тарента герб над Вифлеемом.
О, я готов поклясться небом —
Ле Бургу это не прощу,
И справедливой будет месть,
Пусть молод я, да не спущу.
Ле Бург на площади, однако,
Собрал народ и, что собака,
Пролаял: «Други, я, как вы,
Похода тяжкий крест тащу
И не склоняю головы
Пред силою высокомерной.
Мы все с отвагой беспримерной
За град боролись, слава нам!
Но реет стяг над ним, увы,
Не рати. И не стыдно ль вам
Отдать всеобщую победу
Таренту? Нет, пускай к обеду
Его крестовый сменит флаг!
На посрамленье гордецам...»
И взвыла рать, и на устах
Ухмылки клеялись кривые.
О, люди — мелкие и злые!
Чужой удачи не простят,
Твой герб им в зависть, доблесть — в страх,
А что герой — сам виноват.

От глупости или бессилья
Сожрут или подрежут крылья, —
Толпе угоден только шут!
Довольно! В рыбьих головах
И слухи выводы сошьют,
И результаты я продвигу.
О, Боже! Как я ненавижу!
И ненавистью одержим.
Я снял штандарт, и пусть лоскут
Интригой гнусною кружим
Трепещет в небе Вифлеема,
Как евнух в сумерках гарема.
О, с ненавистью мой союз
Спокоен и... нерасторжим,
Пока ее не убоюсь.
И рук моих не замараю,
И, как Ле Бург, я уповаю —
Чужой рукой отмстить сполна!
Пусть так, но своего добыюсь,
И Бог поймет. Эй, где она?

VII

Заткните судорогой рот,
Умерьте дрожь теплом кинжала,
Стяните плоть, чтоб не визжала
Разбейте к черту тормоза,
Гоните со двора сирот
Иль выколите им глаза,
Чтоб их огонь не плавил сердце,
Убейте жалость к иноверцам,
Сорвите с пленных ордена,
Их жизни — ветошь и кирза —
В костер! И над костром — вина!
Поверженных голов взалкайте,
Дома с землей перемешайте —
Чудесный выйдет пережной!

Все спишется — на то война,
И вы равны перед войной,
Так называемые люди!
У матерей отрежьте груди,
Распните гордых на крестах,
Расплющите вражий герб слюной,
Спляшите марш на животах,
Швыряйте, шарьте и крушите,
Ш-шалеите, веш-ш-шайте и ж-ж-ж-ж-гите!
Там мрак, куда я повернусь,
Куда взгляну — клубится прах,
И мерзлота — где веселюсь,
Как моя древняя сестрица.
В кого хочу могу вселиться,
Ведь так податлив материал.
Да, ненавистью я зовусь!
Кто из двуногих не знавал
Моих удушливых объятий?
Я — друг царей и демократий,
Товарищ жертв и палачей.
Я — революций пьедестал.
Трибунов ясный взор очей,
И, как провидица, я знаю,
Что хрустнет третья мировая
Не между нациями, нет! —
Покроет мир загар ночей,
И кинет в космос свой скелет
Сия издохшая планета, —
Такой войною станет эта
Война религий и умов!
Ох, я устрою винегрет,
Всё изничтожу до основ!
Балканы иль Кавказ — прикидки,
Пусть скромные — я не в убытке,
И ставки на меня растут,
Пока в цене чужая кровь
И лить ее — не тяжкий труд.

Но, впрочем, и без войн не худо,
И нарасхват мой дух повсюду,
Где есть пороки, там есть я;
Они – сенат. Я – Кассий, Брут,
Рычаг возмездья и судья.
Я – стержень правильных теорий,
И низведу до инфузорий,
До рабством вытертых колен
Шлак человеческий. Векселя —
Шилькгрубер, Мао, Дьюк, Ле Пэн,
Бен Ладен, Хомейни и Сталин
Мне в этом веке подписали.
Я мстителям и дуракам
Меняю пойло ихних вен
На сердце милый фимиам
И действий сдавливаю грыжу.
Ха-ха-ха-ха, всех ненавижу!
И презираю, и терплю...
Да что во мне понятно вам?
Чего-то ради я хриплю?
О, ненавижу я поэта,
Который мысли выдал эти,
И тех, кто слушал и читал.
Себя я ненавижу у-у-у-у,
У-у-утешь меня, кто не устал.

VIII

Вопрос известен: кто кого?
Здесь жалость — плод воображенья
И верный признак поражения.
Когда противник не щадит
Твоих святынь, то ты — его!
И в этой схватке победит,
Кто сделает свой шаг скорее
Иль будет тверже и хитрее,
Чем неприятель раза в два.

И пусть захнычет, загудит
Нерасторопная молва, —
Через день осанну петь заставлю,
Иль к глотке палача приставлю.
Сие ученье постигать
Недолго, но душа едва ль
Его хотела принимать.
Я жаждал славу взять свою
В открытом и честном бою,
Я ждал богатств за ратный труд,
Не мог чужого отнимать,
И мне противно, если рвут
Добычу на срамные части
И видят в том и цель, и счастье.
Я власть стремился получить
Из преданно дающих рук.
Я верил — можно отличить
Мой дух высокий, без изъянов.
И что же рать? — Толпа баранов,
Продажна, равнодушна, зла,
Готова тут же отомстить
Тому, кто ей желал добра.
Увы клермонские мечтанья
Мне самому смешны, ведь знанья
Иные здесь я приобрел -
Где жизнь — коварная игра,
В которой Первый — кто провёл,
Кто вовремя подставил ногу,
Кто изменил святому долгу,
Оттер, замучил, оболгал,
Но честно бы не поборол!
Наивно сердце я впрягал
В бесчувственную колесницу,
Где годен изувечить спицу,
Но хода бы не изменил.
Тогда я все в душе изгнал
И сам себя за то простил, —
Что мир, что человек — бессрочно
Пороками исшиты прочно.

К чему тогда — кто я? и с кем?
Меня сей мир и окрестил,
Я — раб его и царь меж тем...
Умчитесь глупые терзанья,
Зачем нужны мне оправданья, —
Содеянного не вернуть!
Примолк шумливый Вифлеем,
И спины стали ниже гнуть,
Когда Ле Бург с коня свалился,
И, как тростинка, обломился,
И недуг тяжкий поразил
Его калеченную грудь
(Я все ж чертовку упросил
Не убивать сего пройдоху,
С него и так не будет проку)
А следом горстку крикунов
Вдруг вор неведомый сразил —
Нашли их утром без штанов,
Ножи торчат кривые в глотках
(Чего другого ждать в потемках
Чужого града! Иль цветов?).
Лишилась рать веселых снов,
Казнила сотню, две скотов
Да не сознавшихся неверных...
Но присягнувших мне и верных
День ото дня число растет,
И всяк меня любить готов,
И всяк — я это знаю — врет!
Подвигло многих на решенье
Не честь, не вера, не — смятенье:
Зловещей тайны пала тень,
Какой? — Никто не разберет.
И тянет холодом от стен,
И ветер пылью глаз кромсает,
И небо хмуро зависает,
И тяжесть липкая вокруг,
И нечто, словно оползень,
Тревожный сдавливает дух.
Не я, не я тому виною,

Но смутный час. И кто со мною
Его, как сон, переживет?
В беде, кто сильный, тот и друг,
И если за собой зовет,
Стань рядом, будь хоть дуб, хоть колос,
Швыряй грозе навстречу голос,
Она пройдет — ты сам гроза!
Да, всяк — я это знаю — врет,
Но чист, как девичья слеза,
Пока зависим и боится.
И смута здесь как раз годится.
Растерянных утешу я,
А непокорных ждет узда
И преданных — рука моя.
Так все поймут, что от напасти
Спасу лишь я! Так древо власти
Пускает корни по земле,
Вползает в души, как змея.
По сделан шаг! Кто страшен мне?

IX

«Ты стал жесток!» — «Я стал суров»,
«Ты стал хитер!» — «Я стал приветлив»
«Ты слишком скор!» — «Я долго медлил».
«Тобой пугают!» — «Мной хранят».
«Ты, верно, болен?» — «Я здоров». —
«Тебя ругают!» — «Лебезят». —
«И твой отряд с ума всех сводит!» —
«Порядок мой отряд наводит». —
«Но бьют невинных!» — «Нет таких». —
«Молчанье всюду...» — «Возопят». —
«„И подозренья!» — «Зрят чужих». —
«Ты объявил: Ле Бург — твой пленник,
Раймунд негаданно — изменник!» —
«Не я, а рать решила так,
Я мненье чту людей своих». —

«Кругом тебя льстецы!» — «Пустяк,
Я их ценю не боле грязи». —
«Ты кажешься тираном!» — «Разве?» —
«И злые мысли!» — «Ни одной». —
«О, в толк я не возьму никак,
Что происходит, друг, с тобой?» —
«Оставим, Ричард, разговоры.
Везде интриги да раздоры,
Да бестолковость, воровство,
В чести гулянья да разбой,
И правит всем не ум — родство
Богатых рыцарей и лживых,
Увещеваньем удержи их!
А град святой — рукой подать,
Его какое волшебство
Позволит взять и удержать,
Коль скоро в шайку превратимся
Иль в пьяный сброд, а то явимся
Толпой злодеев и шутов
Господень гроб оберегать!
Не ведаю таких Богов,
Чтоб допустили оскверненье
Там, где угодно преклоненье,
Благословенье и покой,
А не повадки своры псов!
Не мог терпеть рассудок мой
Грядущего для нас позора.
Что в стаде прок, коль нет забора?
Иль разбежится, иль побьют.
А посему есть путь простой —
Погонщика тяжелый кнут
Да несколько собак кусачих,
И стаду выпадет удача...» —
«Но рыцари... ведь мы не скот,
Нас не заставишь... все уйдут
И проклянут Тарента род...» —
«Куда уйдут? Кругом враждебность,
И значит крови неизбежность —
Изрежут всех по одному...» —

«Ну, а к Раймунду? Чем не ход?
Весьма он будет рад тому...» —
«Что даст тулузец алчный рати?
С его котла дым похлебати,
А я дарю Ерусалим!
Тем, кто домчит меня к нему.
Я не богатством одержим,
Но справедливостию славы -
Своей и рати. Мыслью здравы
Меня поддержат и поймут,
Мятущихся, мы убедим,
Ну, а глупцам — все тот же кнут,
Иль пусть бегут по своей воле.
Помене дураков — поболе
Успеха. Разумеешь ли?» —
«Меня сомнения гнетут:
Твои повержены враги
И есть, и будут, но мне грустно —
В деяньях этих нету чувства,
Холодный разум и расчет,
Где даже друг лишь вид слуги.
Кто твое сердце отвлечет
От дел великих и ужасных,
И Богу, может быть, напрасных?
Кто одарит тебя теплом?
Увы, я слаб и я не в счет —
Коню не гнаться за орлом.
Ты очарован странной силой.
Она влечет тебя, друг милый,
Не место ли ее в аду?
Я чувствую — ты станешь злом,
Коль я другую не найду,
Что из души сию прогонит.
Прими вот это, пусть напомнит
Про обещание мое.
Прости за дерзость... Я пойду».
И вышел, сунув на копье
Чудесный перстень, и слезою
Он засверкал. О, что со мною?

Из глаз колючками ползут
Две капли на лицо мое,
И сладостно и горько жгут,
И дух мой словно раздвоился.
Но с вестью тут гонец ввалился,
На землю грешную вернул:
«В град возвращается Раймунд...»
Ах, капли!.. Видно, я зевнул.

Х

Я безмятежно спал всю ночь,
Не утруждая сновиденье
Грядущим днем. Пускай смятенье
Раймунда тешит, будет злей,
Знать — безрассудней. Превозмочь
Таким смогу его быстрее,
Но самому бы не сорваться».
И день настал. Раймунд, признаться
Меня ужасно удивил:
Он въехал смирно, и людей
За невниманье не бранил,
И не выказывал упреков
Своим друзьям, чьи пасть да око
Вдруг подавились, проглядев.
И, словно бы не уходил, —
Пришел ко мне, спокойно сев,
Завел неспешную беседу,
Ну, словом, как визит к обеду.
Ле Бурга он упомянул:
«Я знаю, что он смерть презрев,
Однако болен. Я взгрустнул,
Прослышав о несчастье этом,
Но ты заботой и советом
Его, как должно, окружил.
Я глотки сплетникам заткнул,
Болтавшим, будто ты блажил.

Что за народ? Судачит смело
Не разумея в чем же дело,
И всё от зависти одной
Наветами стоптать до жил
Готов задор души молодой...»
Ох, не таким мне представлялся
Наш разговор, я растерялся.
Он добр, великодушен, прав,
И черной не страшит бедой,
А хочет мира и забав.
Коль так — мы выпили по кубку,
И подозрительность к рассудку
Не стала больше приставать.
Его изрядно напугав,
Что подо мною будет рать,
Раймунда льстить себе заставил,
И на меня он нынче ставил,
Когда смекнул, что проиграл.
И трусость вынужден скрывать
Он спешно ангелом предстал.
Так пусть о том поход прознает!
Мы вышли: радостно встречает
Наш выход изумленный град,
Но громче всех возликовал
Раймунда прибывший отряд.
Искрись вино — Раймунд смирился,
И видит всяк — он покорился!
Веселье длилось до утра,
Вздымали чаши стар и млад, —
Согласье в рать пришло, ура!
По случаю сему, в заслугу,
Послал вина я и Ле Бургу,
Чтоб ведал — я могу простить
Иль снова вышибить с седла,
Смотря кому и как служить
Отныне будет он исправно,
А коль подавится, и славно...
Но вот день новый наступил,
А в голове еще кружить

Вчерашних тостов сладкий пыл
Не перестал и обольщает,
И грезами меня прельщает:
Кто я в Клермоне год назад?
Лишь бедный рыцарь, ел да пил,
И не имел ни слуг, ни лат,
Коня взаймы просил, ах, стыдно!
И кто теперь — отселе видно:
Не я завишу — от меня,
И почитаем, и богат,
И знать спесивая, тесня
Друг друга, дружбы моей ищет...
Эгей! Кто там за дверью рыщет?
Ах, Ричард. Снова мрачен ты.
Теперь что хочешь от меня?» —
«Слова, увы, мой друг, просты —
Пришел не спорить я, но с вестью,
И не спешу, однако, с мезтью.
Рать только то и говорит,
Что, мол, Раймунда струсил ты,
И сам Раймунд о сем твердит...» —
«Какая подлая услуга!» —
«Но здесь есть и твоя заслуга:
Не ты ль тулузца обнимал,
Как будто нет меж вас обид,
И кто вино Ле Бургу слал?..»
«Проклятье! Замолчи! Довольно!» —
«Исполню твой приказ, изволь, но...
Доскажет, впрочем, сам Раймунд,
Сюда он скачет. Прискакал...»
Вошел, в глазах резвится блуд,
Горбатый нос под рот свисает,
И желтый зуб язык кусает
От предвкушенья гадких слов.
«Вино — лекарство от простуд
Самоуверенных голов,
В горячке много возомнивших.
Я от хлопот избавил лишних
Рассудок воспаленный твой,

И станешь вскоре ты здоров...» —
«Прочь! От тебя несет змеей,
Вонючей выдрой, дохлой псиной!..»
— «Молчи-ка, выкормыш крысиный,
Сам что удумал! Подсказать?
Да как посмел! Да кто такой!
Меня изменником прозвать
И рыцаря морить неволей?
Но нет твоей интриги боле,
Попался наш птенец вчера,
И верно рассудила рать,
Что власть твоя — всего игра,
Почившая в одно мгновенье
От глупости иль неуменья,
Такому кто поверит вновь?..»
Я меч схватил, и Ричард зря
Вскочил меж нами: «Не злословь,
Раймунд, и ты, мой друг, будь кротким,
Не время быть обидам горьким,
Неужто шум не слышен вам?
Поход озлоблен — грянет кровь
Большая, — то ль угодно вам? -
У цели обрести проклятье.
Идите к ним вдвоем, как братья,
Узнайте, что они хотят,
Иначе худо будет вам...».
Я вслушался, и впрямь шумят,
Но тут вбежал слуга: «Собралась
У дома рать и взбунтовалась,
Скорей, скорей идите к ним...»
Мы вышли: кличем град объят:
«Ерусалим! Ерусалим!»
И в знак согласия мы подняли
Свои мечи, и грохот стали
Гонцом унесся в град святой.
«Уж, точно, там договорим», —
Шепнул Раймунд, и скрылся в вой...
И вот назавтра выступаем,
Где ты, служанка? Поболтаем,

Я ненавистью весь горю». —
«Я здесь и знаю, что с тобой,
Но все ж Раймунда не убью,
Ведь я его сюда пригнала...» —
«Тебе моих страданий мало,
Умеющая обещать?» —
«Да, я Раймундом опалю
Твой дух, чтоб он не смел прощать,
И чтоб терзало это имя
Тебя, когда в Ерусалиме
Судьба испытывать начнет,
Недолго нам осталось ждать...» —
«Постой! Мой разум не поймет...»
— «О, рыцарь, некогда, лечу я,
Готовить праздник свой хочу я...»
Пропала, ведьма, как всегда.
Куда она все время гнет?
Ох, чую, прячется беда...

ИЕРУСАЛИМ

Memento mori

1

Она придет как радость дня
И сгинет, словно сон полночный,
И вексель выпишет бессрочный.
Кому платить — тех просто жаль,
Ибо неведома пеня.
А чем платить — открой скрижаль
Всей летописи человечьей.
И ноет слева, у предплечья,
И бесит сладкий смех друзей,
И грезится спасеньем даль,
Ты — щебень или Колизей,
Ты — сумрак или крылья солнца,
И плесневеешь у оконца,
Сие не в мочи отгадать,
И предан и послушен ей,
И веришь ей, хоть мог солгать,
И бродишь, страстью воспаленный
Иль горьким мщеньем утоленный,
Мечтой искусан по ночам:
Вот вдруг придет и на кровать
Присядет робко, по плечам
Рассыплет волосы золотые,
Слова волшебные-простые
Прочертят губы в тишине,
Оставит лунный дождь колчан
Лукавых бликов на окне...
Но холодит лицо подушка,
Мечта — усталая игрушка,
К рассвету на пол упадет,
И ты забудешься во сне
С надеждой — завтра все пройдет.

Но сердце взбесится при встрече
И...прыгнет в бездну — незамечен...
И муки приголубят вновь.. .
Но страждущий да обретет!
Через обман, коварство, кровь,
Стихи, посулы, миллионы,
Угрозы, униженья, стоны,
Забвенья чести и креста
Гордячку с именем — любовь.
Но пусть сливаются уста
И пьют друг друга не напрасно,
Любовь, любовь — она прекрасна:
Как вкус познания греха,
Как трепет майского листа,
Как выстраданный смысл стиха,
Как первая улыбка сына,
Как Боттичелева картина,
Как окончание войны,
Как сердце мудрого волхва,
Как песнь Николовой струны,
Как солнца свет после затмения,
Как чистый ветер возрождения,
Как притяжение отчих мест,
Как детства давешние сны,
Как то, что вижу я окрест
Не нами сотворённо — Богом!
Как то, что нотой, кистью, слогом
Не выразить, как ни желать.
Сестра и мачеха надежд,
Кому дано тебя понять?
Тобою воздвигают царства,
Тобою рушат государства,
Ты — путь к Олимпу, двери — в ад,
Блажен, кто смог тебя узнать,
Равно — палач твой или брат!
Лишь зверь и рыба, гад и птица
Тобою могут насладиться
С отрадой, недоступной нам,
Двуногих метишь наугад...

Пометь меня, и аз воздам!

II

И вот он, вот он - град святой.
Забыты распри на мгновенье.
Всё тщета перед сим виденьем,
Так зрит голодный — свежий хлеб,
Родимый край — седой изгой,
Барон — приобретенный герб,
Паломник — вожделенны мощи,
Лесник — побеги молодой рощи
И воин — будущий трофей.
Ключки изношенных судеб
И выцветший задор кровей
Здесь пылью под ноги ложится.
А новые идут сразиться,
Чтобы в победе возлюбить —
Мой Бог не может быть слабей!
Иначе мыслящих — сгубить!
Не в грех, но в подвиг то зачтется,
И сколь веков сей город бьется,
Отчаянно и без надежд,
Чтоб выжить, что там примирить!..
Да, впрочем, весь наш мир — мятеж
Противу жизни неустанный...
Но вот он, вот он — град желанный!
И пала наземь лбами рать
В густом восторге — ложкой ешь,
Да вкусишь ли? — И отпирать
Запасы рыцарски пивные
Уж слуги бросились шальные,
В обнимку витязь и тафур -
Друг друга лезут целовать,
И стайкой выпущенных кур
Детишки малые резвятся,

Что уцелели, чтоб смеяться -
Постигли счастье в этот день,
И сверху нежная лазурь
Поход ласкает, словно тень
Господня всех благословляет,
И ветер удачу напевает,
Мечей нетерпеливый звон
Уже коснулся эхом стен.
Ну, с Богом! Да поможет Он!
И, сбросив шлемы, — так сгодится,
Господь увидит наши лица! —
Пошла неодолимо рать,
И чахлый раздавив заслон
Глупцов, приспевших воевать,
Ворвалась в град душой и телом.
И тут как тут Тримон с Гарселом,
Их ликование уж хрипя,
Не в силах трепета унять,
И гневом праведным кипя,
В людской барахтаются каше;
То вдруг конем, во крике страшен
Наедет рыцарь, в тесто сжав,
Кого-то гонят, возопя,
То в драке оторвут рукав,
Потащат за собой куда-то,
А то ударят воровато.
Тримон рычит, не промах сам:
Кому коленом наподдав,
Кому локтем да по зубам.
Гарсел же гнется боязливо
Под хохот друга: «Эх, ты, — слива...»
Но вот толпа затихла враз,
Прошелестев: «Ах, Танкред там...»
И тыщи устремленных глаз
Глядят в неведомом ознобе,
Во страхе, радости и злобе.
Но прочь с дороги! Мчит — не тронь,
Красив, надменен, что алмаз,
Под ним храпит прекрасный конь, —

Все очарованы виденьем.
Гарсел, исполнен вдохновеньем,
Во славу молится его,
Зато насупился Тримон.
Но не приветив никого
Умчался Танкред, а ведь встреча
Меж ними вовсе недалече -
Пока же здравствуют они,
Увы, не ведая того,
В довольстве сытом тратя дни,
Пьянея, что — в Ерусалиме,
Что он покорен, что — под ними,
Как девка. «Девка? Понял я
Чего мне нужно, черт возьми!» —
Вскричал Тримон, и мозг струя
Истомы обожгла желаньем,
И потащил искать свиданья
Гарсела. Упирался тот,
Да уступил, ведь, чай, друзья.
Бог победителей поймет,
Иль вымолит Гарсел прощенье.
Итак, приняв сие решенье,
Под вечер и пошли бродить,
Но к ним добром никто нейдет,
Попрятались или блудить
Пораньше начали другие.
«О, друг, представь тела нагие», —
Шутил растерянный Тримон.
Гарсел стыдился возразить,
Но втайне тем доволен он,
Что согрешить им град не дался.
И тут девичий крик раздался,
И так был жалок и горяч,
Что всякий им тотчас сражен,
Как жертвой невзначай палач.
Друзья на крик стремглав бежали
И на злодеев вмиг напали:
Ножом, дубиной, кулаком,
Да если удаль поднапрячь,

Кто страстью истовой влеком
Одержит верх и меньшей силой.
Так и Тримон — в борьбе ретивой
Злодеев все-таки прогнал,
И деву оглядев тайком
При лунном свете, он признал
Ее достойной крепкой драки.
И с правом дерзкого гуляки
Добычу под себя увлек,
Вконец ей платье изорвал,
И к наслажденью недалек
(Гарсел спиной поворотился
И неприкаянно молился).
И что кричать! Кто пособит?
Всяк ищет на войне свой прок.
И тут раздался стук копыт...

III

Стихией, паводком, огнем,
Отряды рыцарей ворвались
В покорный град и постарались
С лихвой вознаградить себя
За непочтительный прием,
За тяжкий долгий путь сюда.
Поля, холмы, дома и храмы
Штандартами да вымпелами,
Повозками, стряпней, клетями,
Оружием, кострами да
Шатрами, смрадом и людьми
Густы, усеяны, увиты.
И сбились с ног пажи да свиты,
Чтоб по гербу найти приют,
Да непременно с лошадьми,
Да там, где их не украдут,
Да в месте любом иль высоком,
Чтоб каждый зрил ничтожным оком,

И видел бы да помнил Бог,
Кто среди первых первый тут,
Кресту святой исполнив долг.
И равных нет Раймунду в этом —
Его штандарт уже с рассветом
Обласкан радостным лучом,
Глядь, кто-то и смекнуть бы мог,
Кого крепить своим плечом.
А Танкред лют, обиду держит,
И град святой его не тешит —
Опять вторым? Уж лучше смерть!
Но спор уж не решить мечом,
Ушел тот час, другой созреть
Под шкурой рыцарскою должен.
Но кто помог? Слух осторожен
Да непокоить начал рать:
Раймунд желает Божью твердь
Проклятым грекам-де отдать.
Тулuzeц не стерпел наветов,
Послал за Танкредом с приветом,
И разговор меж ними стал:
«Конь дважды бы не смог лягать,
Но ты лягаться не устал,
И козни снова распускаешь.
Избавиться меня желаешь?
Последний раз прошу — уймись».
— Так Танкреду Раймунд сказал. —
Иль по рукам, иль — берегись...» —
«Ты по себе о людях судишь,
Но злость свою напрасно будишь,
Я с делом мерзким не знаком.
Коль слухи на тебя нашлись,
То, значит, есть причина в том —
Ведь нет вины — нет оправданья,
И гневом зри свои деянья.
Твоей угрозы не боюсь,
Поход рассудит правда в ком,

А в ком интриги подлой гнусь», —
Ответил Танкред непреклонно.
«Птенец подрос и жаждет трона!
По весу ли сие гнездо?
Да одному по силам кус?
Тебе, юнец, пока везло, —
Вот где секрет твоей удачи,
Но скоро будет все иначе.
Ты перепрыгнул свой барьер,
Случайно или всем назло —
Неважно нынче, и поверь:
Твой новый шаг тебя и сгубит...» —
«И ты поможешь, не убудет,
Да не надейся, научен
Твоим коварством я теперь,
И не весельем завлечен
Ко власти, но мечтой и роком,
И осудим лишь Божьим оком,
Да не тобой! Затем прощай!» —
И вышел прочь разгорячен.
«Не оступясь — не возвещай», —
Шепнул Раймунд ему вдогонку,
А Танкред мчит по граду звонко,
Собой доволен и сердит,
И вечера душистый чай
Его волнует и пьянит —
Раймунду он не уступает,
И пусть тот нос не задирает,
Да, верно, лишнего сказал.
Смекнет? И в чем-то упредит?
Скорей подумает — наврал
Юнец в запальчивости спора,
Но впредь поступка, взгляда, слова
Бесцельно на врагов не трать...
И тут девичий крик прервал
Раздумья. Боже! Так кричать
Лишь собственное сердце может,
Вон как заныло, как тревожит,
Даря неведомым огнем.

Бессилен разум объяснить,
Что за беда случилась в нем,
Да и не хочет; вот так штука!
Ведь он привык к подобным звукам,
Как к звону копий, пенью стрел.
Ин, ладно, так и быть — свернем!
И, вздыбив, конь уже летел
По мрачным темным переулкам,
А сердце всё взывало гулко,
Нешадно будоража грудь.
Вот зоркий глаз двоих узрел
И деву на земле. «Кто будь? —
Воскликнул рыцарь непритворно, -
Ко мне ответствуйте покорно!»
«Тафуры мы, — сказал один. —
Нас грешников, не обессудь...»
Второй промолвил: «Господин,
Мы не поганые собаки,
И девку добыли во драке,
Что здесь для милости твоей...»
Но рыцарь крикнул: «Зрю скотин
В людском обличье! Вон! Резвей!
Пока не покарал жестоко...»
«Пусть, рыцарь, ты сидишь высоко,
Второй промолвил вновь. — Отнять
Не волен пленницы моей,
Ее я стану защищать», —
И дерзко бросился с кинжалом.
«Да ты глупец, которых мало!
Я — Танкред, и перечить мне
Равно, что жизнь свою терять!» —
И взмах меча, как смерч в огне
Рассек несчастного строптивца.
А первый крест поднял: «Убийца!
Кого же я благословлял?
О, Боже! Горе, горе мне...»
И тут же конь его стоптал.
А Танкред, изогнувшись дровом,
Схватил бесчувственную деву

И кинул чрез седло, согнув,
И к дому лихо поскакал,
На мертвых даже не взглянув.

IV

И учинен переполох,
И челядь заспанная ищет
Огня, воды, одежды, пищи,
А рыцарь требует — быстрее!
И медлен всяк ему и плох,
А над добычею своей,
Вот диво! Робко сам хлопочет,
Она же глаз поднять не хочет,
Всё набок вертит головой.
Да знала бы — кто перед ней!
Затрепетала бы стрелой,
Травой бы ласковой стелилась,
Позор бы приняла как милость,
Не с чернью же и не в пыли
Пустынной улицы кривой.
Но думать — не сказать — могли
Сие издерганные слуги.
Уже в тревоге да испуге
Дрожал доставленный толмач.
Вот деву взяли, повели
(И стены тронул ее плач),
Обмыли, знатно нарядили,
За стол богатый усадили.
«Кто ты? Откуда? И как звать?
Ответствуй и глаза не прячь,
Со мной не надобно молчать», —
Спросил ее спаситель властный.
Взор девы, милый и прекрасный,
Вдруг факелов букет затмил,
И губ оливковых печать

Сочилась страстью тайных сил,
Ланит стыдливые озёра,
Волос мятежные узоры
Сокрыли, прикорнув у плеч,
И нежной шеи пульс дразнил,
И меж грудей успел залечь
Разрез волнующий и сладкий,
И бледных рук дрожат загадки,
И тела гордый стебелек
Грозится — ах, не искалечь,
Коли мечом меня завлек,
Насильем лёд и заполучишь,
Меня, да и себя, измучишь,
Но сердцем нежный и благой
Раздуешь чувства уголек,
И тем познаешь пламень мой.
Она желанна и небесна,
О, Боже! Как она прелестна!
«Кто ты?» — внезапно стал несмел
Тот, перед кем падет любой,
И голос странно потеплел...
«Ранела», - губы отворились,
Как будто с участью смирились.
«Тебе никто не тронет здесь...» -
Не так, не то сказать хотел,
И в голове гуляет смесь
Незнамых слов, как откровенье,
Какое-то в душе томленье,
Вином струится в жилах кровь,
И в сердце зазвучала песнь
Забытых колыбельных снов,
И грусть – неведомое чувство -
Прочь изгоняет мыслей буйство,
Раскрыв объятия свои.
Что за напасти? Что за новь?
Явилась с резвостью змеи
И обожгла чудесным ядом?
Да кто она? Зачем тут рядом?
Ах, болен он иль, верно, пьян

Или устал за эти дни,
Тому-то в голове туман...
Но тут их взоры повстречались!
Как будто витязи сомчались
Над бездной посреди моста,
Как будто вздыбил океан
Могучих пенных волн уста,
Как будто молнией пронзенный
Последним мигом озаренный
Пред Богом истину открыл.
И жизнь противна и пуста,
Как птица гордая без крыл,
Без глаз напротив показалась.
Сгорев без боли, без следа.
И что-то прежнее распалось,
Но где-то в глубине давил
Осколок — ждет тебя беда...
Поднялся рыцарь во смятеньи
И дал наказ на изумленье:
«Покои лучшие отвесть,
Питье чтоб было и еда,
Иначе вам голов не снести...»
Но слуги робко известили,
Что-де им вместе постелили.
От гнева рыцарь побелел:
«Тот низко ценит мою честь,
Кто на сие решиться смел.
Немедля с глаз долой уйдите.
Коль позовет сама — зовите...»
И долго был наедине.
За ним неведомый удел
Слонялся тенью по стене.

V

Ворота заперты для всех,
У них как псы сторожевые,

Стоят охранники презлые –
Любой ни выйдет, ни пройдет
И знатных рыцарей, и тех .
Никто в сей дом не проведет.
И лишь молва границ не знает:
То в окна ветром залетает,
То бликами костров глядит,
То в щели мышью проползет
(Увы, и ОН не оградит
От жаждущих двуногих сплетен,
Особо — если ты приметен).
Но искродышащий скакун
С надменным всадником велит
Убраться прочь, или безумн
Раздавит конь людей и врата.
О, жизнь — она дороже злата, —
И вмиг разбрызгалась у стен,
У крыш повисла вместо лун
Охрана, доблестная тем,
Что ситуацией владеет.
Но рыцарь дерзкий! Как он смеет!
— Мечом ворота распахнул,
Влетел во двор и там совсем
Ополоумел — отпихнул
С крыльца расстроенную стражу,
Не так могуч да полон ражу,
С коня сопрыгнул, и прямь в дом,
Пустынны залы оглянул,
Увы, нет никого кругом,
И, наконец, в углу предальнем,
Войдя, узрел опочивальню.
В ней на перинах и коврах
Одетый рыцарь дышит сном.
«Что мнешься, правды нет в ногах», —
Вдруг спящий вымолвил. — Трусливых
Слуг накажу, как псов ленивых,
Коль ты сумел сюда попасть».
Тот вздрогнул: «Друг мой милый, ах,
К тебе не так легко попасть,

И слуги ни при чем, но с Богом
Я здесь, чтобы сказать о многом.
Не в срок затворником ты стал,
Раймунду уступая власть.
Он даром время не терял —
Им люди посланы повсюду
Тебя порочить, и причуду
Твою последнюю явить
Постыдным злом. И всяк прознал
Что кровь своих ты смог пролить
Ради какой-то потаскухи.
Где правда здесь и где здесь слухи?
Ответь мне, душу не терзай.
Но ты не хочешь говорить!
Не я, но рать ждет слова, знай,
Пока не поздно всё поправить...»
«Меня решил ты позабавить,
Мой верный Ричард, — отвечал
Печально рыцарь. — Понимай
Сие как жаждешь: обвенчал,
Похоже, Бог меня с тоскою.
Всё разумею, но открою
Глаза — она передо мной».
«Но Танкред! — Ричард закричал.
— Ведь ты избрал удел иной,
Где власть и слава твои други.
Ты их отрекся? Я в испуге —
Теперь, когда твоя звезда
Сверкает прямо над тобой.
Герой бесстрашный и гроза —
Неужто пылью обратишься
И подвигов былых лишишься,
Представ насмешкой для толпы?...»
«О, видел бы ее глаза,
Тогда бы замолчал и ты...» —
«Но кровь за дочь иудеев!..» —
«Не стоит спора кровь злодеев, —
От черных дел я деву спас.
Но люди вздорны и глупы

И не постичь им мой рассказ,
И он не корм для новых сплетен.
Да, враг мне не нанес отметин,
Но здесь я в сердце уязвлен,
И все победы бы тотчас
За эту отдал. Удивлен?
И сам себя я удивляю,
О, Ричард, что со мной —не знаю...»
«Не может быть! Боюсь сказать.
Мой друг, ты, кажется, влюблен.
Прошу, молю я показать
Ту что сломила камень гордый,
И тот, пред кем должны народы
В безмолвном страхе иль борьбе
На долги годы трепетать,
Вдруг покорился сам судьбе,
Что в облике незнакомой девы
Воздвигла новые пределы,
Перечеркнув великий путь.
Да, впрочем, то решать тебе.
Ты был упрям и впредь им будь
Никто твой шаг не остановит...»
«Довольно, Ричард! Сердце ловит
Её тоскующую песнь.
Теперь уж, право, не уснуть,
Пойдем, узришь мою болезнь», —
Вскочил из ложа Танкред скоро.
И, притаившись, словно воры,
К светлице подошли они.
И, правда, там струилась песнь,
Простая, будто Божьи дни,
Влекущая, как Божий голос,
И нежная, как Божий волос,
И чудная, как Божий дух.
И Танкред произнес: «Взгляни...»
А сам к стене отпрянул вдруг.
И Ричард к щели прикоснулся
И замер. Наконец очнулся
И прошептал: «Велик Господь!

Я думал — обезумел слух,
Но обезумела и плоть,
Мой взор туманен и заплакан,
Неужто ангел здесь упрятан?
Завидуя, ликую я —
Что не сумел найти, Господь
Нашел и возымел в тебя,
Но и молитва не напрасна.
Я зрел ее — она прекрасна.
Я тщету прежних слов признал,
Она и ты — сама судьба...»
А Танкред тихо простонал.

VI

И думал Танкред:

Хочу забыться и забыть,
Вернуться на холмы Клермона,
Где конь, доспехи и попона,
И жажда дел во честь креста,
И удали младая прыть
Да горделивая мечта
Со мною были, мной владели
Где я иной не мыслил цели
Чем славы подвигов и власть,
Где милостива и проста
Казалась даль, где видел страсть
Я в чаде битв, грядущих скоро,
И в них не ведал я укора,
И всё прошел и испытал,
Интриги зрел и смерти пасть,
Но поднимался — не упал
В чужой земле смердящим трупом
И жертвой в заговоре глупом.
Героем, силой в град святой
Войдя, мечту в ладонях мял,
И покоренный люд главой

Мне бил с усердием поклоны
И помышлял о дне короны
Заместо шлема для меня,
И я б окончил путь земной,
Европы имя здесь храня,
Ее достойным первым сыном,
Наместником и властелином,
И памятью пророс в века, —
Всё это было у меня...
Но чья-то прихоть седока
Вдруг вышибла с коня удачи,
И мир стал выглядеть иначе,
И я лечу в какой-то ров,
И позабыла меч рука,
Другое имя тешит кровь,
И все доньше стало тенью
Бои, победы, устремленья.
Безумство тела и ума, —
Неужто это есть любовь?
В душе не лето, но зима,
На сердце не легко —тревожно,
Вокруг не искренне, но — ложно,
И не обрести, но поменять -
Сквозь зубы прочат мне весьма, -
Ты можешь славу на кровать...
Как жалко то, что главным было...
О, Господи, как всё постыло!
Что из того, что Бог другой
В ее душе – мне наплевать,
Я отвезу ее домой
И назову своей женою,
И будет в радости со мною
Она в далеком замке жить,
Уж, верно, отыщу такой,
И злата вдосталь, чтоб купить,
И там сердец уединенье
В любви и разрешит сомненья,
И к ней Бог истинный придет,
ОН так велик, чтоб нас простить,

А злыдням, коль судьба сведет,
То меч преградою послужит...
Но об одном мой дух всё тужит —
Согласна ль быть со мной она?
По воле сердца с лаской ждет?
Рассеется ли пелена
И недоверия и страха?
И губ ее узнаю ль сахар
В блаженстве равном, неземном?
Ранела, позови меня...

И думала Ранела:

Где мой отец и где мой дом?
Зачем я среди этих пышных,
Но чуждых стен? Или всевышний
Теперь и мой карает род —
Не кровью, голодом, огнем, —
Позором! И смиренно ждет
Объятья чужеземца тело?
А он красив... Молчи, Ранела!
Уж лучше смерть, уж лучше смерть...
Ах, ну кому мой разум врет —
Ведь я слаба и кто согреть
Мой дух решимостью поможет?
Кто на алтарь себя положит,
Коль ветхий догорает храм?
А он красив... Нет, нет, не смей...
О, мой отец, к твоим ногам
Я дочью падшей припадаю,
Что мне готовит рок — не знаю,
Прости меня, отец, прости.
Коль тяжкий жребий выпал нам,
Его, как скорбь, не отвести,
Не отмолить, не поклониться,
И значит — надо покориться,
А наш Господь за всё воздаст —
Надежду эту в грудь пусти,
Она тебе и силы даст,
И успокоит кровь по венам

А он красив, и он... Он... Демон»
О, роскошь подлая кругом!
Таким равно — убить, украсть
И влезть змеей в несчастный дом
И надыхать свой мерзкий запах.
И я, как тряпка, в этих лапах —
Расстелют, плюнут, подотрут...
Но он красив и добр при том...
О, мысли к Сатане влекут,
Но им противиться сумею,
Ах, он красив... Нет, коченею
От жаркой дрожи во груди.
О, думы западню мне ткут,
Он — Дьявол! Дьявол во плоти!
Но сердце снова вспоминает,
Как взор его меня пронзает,
Что лань могучее копьё.
Отец! О, Боже! Защити!
Где слово вещее твое?
Избавь Ранелу от заклятья!
Или на мне уже проклятье,
И я погибла без греха,
И имя светлое мое
Любая втопчет в грязь нога?
За что же мне такие муки
И участь — быть игрой от скуки,
Чтоб нарезвился и забыл?
Ах, я тону — где берега?
Противиться нет больше сил —
Течение роковое тащит,
Где всё тревожнее и слаще,
И угасает разум мой,
Он взял меня. Он победил...

И думал некто:

О, Богом и людской враждой
Жестоко прокляты навеки
Мы, — черви, но не человеки, —
Нас топчут, давят и гнетут,

Покоят плахой и тюрьмой,
И нашу кровь, как вина, пьют,
И по земле витаем сами
Кочующими семенами,
И всяк Иуда, Каин, Хам,
Крестом украшивая грудь,
Свое презренье кажет нам.
Почто заслужено проклятье?
За то, что здесь ЕГО распяты?
Господню месть понять не в мочь
Но на заклятие врагам
Моя за что попала дочь?
Сей херувим, цветочек нежный,
Ребенок кроткий, безмятежный,
Моя любовь, и жизнь, и честь,
И без нее мне день, как ночь.
Неужто мало я вознести
Пытался на алтарь Господень?
Так почему ж ты непреклонен,
Бедой отметив мой очаг?
Но посмотри! Я вот он, весь,
И верой чист, душою наг...
Иль хочешь дать мне испытанье?
Так знай — ее на поруганье,
Как бедный наш народ, пустить
Я не позволю! И тьмой благ
Мою решимость не сломить,
И кровь мою — усладу сердца —
Не дам проклятым чужеземцам.
Пускай погибнуть суждено!
Но Бог и дочь должны простить —
Иной мне воли не дано...

VII

Любовь — нет в мире боле слов,
Не писанных и не воспевших,

Не проклявших и... не сумевших
Её постичь, пересказать;
Любовь она и есть любовь,
И в узел гордого связать,
Свободного тюрьмой утешить,
Богатого сумой опешить,
Скупого сундуки открыть,
Неверующего — гадать,
Ленивого усердным быть,
Жестокого — вдруг милосердным,
Последнего — нежданно первым,
И также, но — наоборот, —
Ей пальцем лишь пошевелить.
Нет счастья, боли и невзгод,
Величественней и страшнее,
Чем от нее, и чем нежнее,
О, тем суровее она...
Так, мантия, что ждал Георг,
Американке отдана,
Ревнивый мавр губил умело
Ему восторженное тело,
Арсеньевой светлейший князь
Должал, а с ним и вся страна,
И горький гений проклял связь
(Да поздно!) с милой Жозефиной,
Великий душевед Полиной,
Как оспую, переболел,
И короля свела на казнь
Маркиза, коей не владел,
Сильнейшего в подлунном мире
Сгубила вера к Деянире,
В ночах египетских страстей
Антония настиг удел,
И сор встревоженных костей,
Улыбкой Шлимана играя,
Всё о Елене вспоминает.
Взаимным чувствам нет преград
Лишь там, где остров без людей,
И души пьют нектар услад

Открыты звездам и планетам,
А не интригам и наветам,
Разлукам, сплетням, подлецам,
Упрекам с кафедр и эстрад,
Указам, родичам, дворцам
И искушеньям, липким взорам,
Несходству крови и раздорам...
Но не открыть тех островов
И самым быстрым парусам,
И тем трагичнее любовь...
Так, пали юные веронцы,
Ее достойные питомцы,
За честь жены вписал поэт
На снег неотомщенну кровь,
С улыбкой леди Джейн монет
Чеканить так и не успели,
Сменивших роскошь на метели
Ждала Сибирь декабрьских дам,
А кто отринул этот свет,
Под поезд бросаюсь, что к ногам
Седого мужа иль измены?
И не помог кувшин Бранжъены
Соединиться двум сердцам,
И, впрочем, Ева и Адам
Могущественнейшим истцам
Ответ раскаянный держали...
Но буду справедлив едва ли,
Коль не скажу, что лишь любовь
Не дав себя, дала творцам
Среди страданий и долгов,
Смертей, предательств и прощений
Их терпкой славе поклонений...
Так, слабой Беатриче тень
Вела изгоя в край Богов,
Ночь без рассвета, словно день,
Заглась на жизнь и смерть Лауры,
Презрев чуму, неслись амуры
Декамероновых новелл
К Фьямметте, и цвела сирень

В сонетах чудных, и робел,
И бунтовал пред дамой смуглой
Поэт поэтов страстью хрупкой...
И буду всем несправедлив,
Коль не скажу — любви удел,
Кого вдруг счастьем одарив,
Союз тот воздвигал на благо!
Так, Анна с византийским флагом
И Господом в душе пришла, -
Стал славен князь, народ крестив,
И Божья милость к нам сошла;
В трудах кромсая шведску карту,
Скавронскую увидел Марту
Великий царь, и в бездне дел
До гроба, верная, с ним шла;
И мудрый Шахрияр стерпел,
Не обезглавив дочь визиря,
И сказки сказок спас для мира.
И Натали мне помогла,
Чтоб «Танкреда» я одолел...
И всё же ласкова и зла,
Сжигающая и равнодушна,
Кому земна, кому воздушна,
Печальна, тягостна и вновь —
Всё то же — ласкова и зла,
Жестока (в рифму слово — кровь!),
Хитра, коварна и подкупна,
Кому горда, кому доступна, —
Любой эпитет равен ей, —
Любовь, она и есть любовь,
Порочна в пламени страстей,
Порочна в безответном взоре.
Порочна в радости и горе,
Далека от мирских забот,
Чужда не про нее вестей,
И искренняя смотрит в рот
Лишь милому себе предмету,
И, как царица, всему свету
Простит, укажет, отомстит.

Блажен, кто знал наоборот!
Блажен, кто с ней покорно спит!
Блажен, кто с ней терял свободы!
Блажен, кто не писал ей оды!
Блажен и критик, что привык
Искать в ней, что в стихах узрит!
И здесь он бедный мой язык,
Потея, высмеет изрядно —
Кому в какой любви приятно...
И ей, великой и дрянной,
Я шлю какой ни есть, но крик,
Исторгнутый моей душой.

VIII

Что с Танкредом? Не разгадать
Похмельным и непосвященным:
То вдруг веселым, то смущенным,
То с добрым проблеском в глазах
Его всё чаще видит рать.
Ах, чудеса! Ну, право — ах!
Тот, кто ни разу не смеялся
И ниже сбруи не спускался,
Изволит по земле ходить,
А на забавах да пирах
Печален — и не угодить,
Все норовит быстрее к дому.
Да Танкред это ль? Не другому
Молвою глупой отзыв дан?
И слово начало бродить,
Взбивая в головах туман:
Не зря наш Танкред изменился
И с буйством прежним вдруг простился,
Суровость где-то потерял
И щедро дарит свой карман,
И меч на вздохи променял,
Внезапно мил и тут же скован

Продался сам иль околдован?!
А дева — для отвода глаз,
Иль подлым чарам ее внял?
Он с нами иль уж против нас?
Рать в подозрение одета,
Но Танкред не дает ответа,
Не видит взоров тяжких он,
К намекам глух и всякий час
Одной Ранёлой увлечен.
И диву рыцари даются —
Они о Танкреде пекутся,
А тот не замечает их,
И враг не дремлет — с двух сторон
Идет сюда, и град притих
Пред битвой новой и кровавой,
А Танкред — с девою лукавой!
И доблестный Раймунд сказал:
«Я, не жалея сил моих,
Рать во единстве удержал,
Десницей Божьей направляем,
Пусть был неправ и укоряем,
Но всё творил ради креста
И дел своих я не скрывал,
И в том душа моя чиста.
Простил я козни и наветы,
Хоть честь моя весьма задета,
Но благом общим одержим
Не оскверню свои уста
Угрозой недругам моим —
В походе нет труда напрасней,
Где цель ловить из личных распрей.
Но я грущу, я удивлен —
Наш славный Танкред стал другим!
Пусть с нами не желает он
За кубком более встречаться,
Но враг у стен, а Танкред драться
Не жаждет — девой обуян,
Не говорю уже о том,
Что пролита кровь христиан

Заради собственной услады...
Поступкам Танкреда не рады
Ни Бог, ни рать, ни наша честь.
А посему обет мной дан:
Достойно до конца довести
С клермонской клятвой промысл Божий,
И промедленье здесь негоже,
Но тяжкий груз я подыму,
И пусть о том умчится весть —
Я под себя поход иму!»
Недолго рыцарей молчанье,
Его сменяет ликованье:
В сей трудный час с Раймундом быть!
В святой войне служить ему,
А Танкреда забыть, забыть!
И рать похвалы и проклятья
Меняет словно дева платья, —
Безвременье прошло, черед
Идти за тем, кто петь — не ныть —
Готов и вновь вести вперед.
А Танкред, чувствами плененный,
И лаской девы опьяненный,
Не ведая свой приговор,
Блестая счастьем, словно мед,
Явился рыцарям в укор.
И в тишине, прозрачно-ждуцей,
Вдруг объявил, что в день грядущий
Неверную призовет женой
(Какая глупость! Стыд! Позор!),
О, Танкред, Танкред — что с тобой?
Насуплены и хмуры лица —
Когда! На ком! Решил жениться,
И каплет с факелов смола,
Как первый дождь перед грозой, —
Кому удача солгала?..

С утра забыты и дела,
Торги, веселья, раздраженья,
Клинок арабских приближенья,
Молитвы, склоки, суета,
И ждущие мотыг поля,
Починки, стирки, маета
Бездельников, воров и пьяниц,
Забыты как полночный старец
С приходом молодого дня.
Одну лишь весть жуют уста,
То Изумляясь, то кляня
На всех углах, на всех языках,
И к дому Транкреда, что в бликах
Веселых нежит плоть свою,
Текут и молча, и галдя,
И рыцари с тревогою,
И горожане с тайным смыслом,
И чернь с досужим любопытством
Кто воспринять, кто поглазеть
Невиданное наяву,
О чем и думать бы не сметь, —
Союз немислимый и мерзкий
Меж грозным рыцарем и дерзкой
Простою девкой, и притом
Молитвы христиански петь
И преклоняться пред крестом
Не возжелавшей с давних предков!
Всё это странно, душеедко...
Влюбленный Танкред между тем
С Ранелой в комнате вдвоем,
И та испугана совсем,
К плечу мужскому прижимаясь,
От всех им будто защищаясь:
«Любимый, я твоя, твоя,
Твой меч, твой хлеб и твой гарем,
И в полдень чистых вод струя,
И в твоей битве пот удачи,
Я пыль у ног твоих, я плачу...
О, мой возлюбленный, ты мой,

Моё вино, мой огонь, моя
Звезда, рожденная войной,
Ты — обреченная награда,
Моя погибель и отрада.
Все Боги будут против нас,
Все люди изойдут слюной,
Плюясь и проклиная нас.
Мой дом сожгут, отца прогонят,
И если — то с позором — вспомнят.
В лицо мне скалятся враги,
И чую, близок горький час,
Меня, о, Танкред, сбереги!
Пред кем виновна, что сгубила
Я честь свою, коль полюбила?
Ведь жизнь моя дана лишь мне!
Зачем там след чужой ноги,
Чтоб гнуть меня в моей вине?
Зачем там взоры посторонних,
Что, может, боле непристойны,
А потому так злы к другим?
Зачем? Зачем? О, горе мне...
Я буду перышком твоим,
Ты не бросай меня, любимый,
А бросишь — стану несносимой
Подковой твоего коня,
И буду счастлива, под ним
Тепло любимого храня,
Ты сбереги меня, мой милый,
Я за тобой, порвав все жилы,
Помчусь, поеду, поползу,
Ты только сбереги меня...»
И дева вытерла слезу.
И Танкред понял вздох Ранелы,
И обнял деву, как умел он,
И, улыбнувшись, так сказал:
«Тебя отсюда увезу,
И нет того, кто бы призвал

Меня забыть о том желаньи, —
Нешадным станет наказанье
Дерзнувшему и на намёк.
Тебя я волей Бога взял
И на любовь себя обрёл,
Незнаемое вдруг изведав,
И прежние стремленья предав.
Да и о том ли мне жалеть?
Я счастлив, я не одинок,
Любим, — чего ж еще хотеть!
Неужто равносильны страсти
Объяты вздорной глупой власти,
Где жизнь иль жребий, иль обман?
О, разлучит нас только смерть-
А вот и Ричард в помощь нам!» —
И Танкред весело поднялся
Навстречу рыцарю, что мчался
Через коридоры прямо к ним:
«Готово всё. Пора и вам.
Да будет Господом храним
Союз ваш храбрый и прекрасный...»
И День искристый, теплый, ясный
Их вскоре первым привечал.
А вокруг угрюм и недвижим
Народ глазел, народ молчал,
Невольно очарован все же
Ранелой юной и пригожей,
Что красотой зари цвела,
И Танкредом, что излучал
Добро и силу... Подвела
Им челядь лошадей холеных,
Но вдруг старик, прорвав заслоны
К Ранеле бросился, вопя.
Однако без труда смогла
Его взять стража, но толпа
Заколыхалась, загалдела,
А дева странно побледнела,
Волнение не в силах скрыть.
«Отец!» — исторгли крик уста.

И Танкред вымолвил: «Пустить!
Пусть на прощанье дочь обнимет».
И тишина вокруг снова стынет.
Старик же руки заложил,
Качаясь, начал говорить,
И Танкред Ричарда спросил:
«Потешны, мню я, их обряды?» —
«Посмотрим, будем ли им рады», —
Шепнул, нахмурясь, тот в ответ.
Старик меж тем так говорил:
«Дитя! Мне стал не мил весь свет,
Что вижу я! С врагом Отчизны
Без страха, гнева, укоризны,
Напротив — нежна и мила
Стоишь ты... Позабыла? Нет?
Кто бил нас в кровь и жег дотла,
Кто наших жен, смеясь, бесчестил,
Мужей с детьми рубил на месте,
Чтоб не мешали в подлый час?
А ты сама к нему легла,
Ласкала, не сразив тотчас
Пресыщенного чужеземца,
Вора, убийцу, иноверца...
Червивым выращен мой плод,
Ты предала, Ранела, нас,
Ты осквернила свой народ,
О, как такой я мог гордиться?
Тебе бы вовсе не родиться,
Иль мне б доныне не дожить.
Но ты жива — порок живет!
О, Боже! В руки мне вложить
Сумей достойное отмщенье,
И дай забвенье и прощенье!
Позор смывает только кровь,
Прощай, Ранела! Согрешить
Тебе уж не придется вновь...»
И пред толпою изумленной
На миг над девой занесенный
Блеснул кинжал и в грудь вошел.

И яркая молодая кровь
Вспятнила платья белый шелк.
Без слов, без крика, без сомненья
Отца исполнив повеленье,
Покорно в ноги старика,
Обняв их, пала дочь, и смолк
Игривый день, и облака,
Темнея, слабо встрепетали,
Как будто девы кровь впитали.
И в то ж мгновенье тяжкий меч
Рассек, как воздух, старика,
И Ричард злобно вытер меч.
А Танкред взором омертвелым
Смотрел, смотрел всё на Ранелу,
Не замечая никого,
И дрожь текла с могучих плеч,
И здесь оставим мы его.

Х

Изжога вязкой пустоты
Застыла в онемевшем сердце,
Не отдышаться, не согреться,
Не выдать из горла стон,
И все равно — виновен ль ты,
Что было явь, что было сон?
Кто даст забвенье, кто разбудит?
И кто простит, и кто осудит?
Ответ — в безмолвии ночи,
Ответ — в злом карканьи ворон,
Ответ в одном — душа молчи,
Коль рок над нею посмеялся
Совсем не там, где ты боялся.
Но чей же шорох, чей же скрип
Тревожит слух в глухой ночи?
И голос рыцаря стал хрипл:
«Какой осмелился несчастный

Здесь обрести конец напрасный?
Мгновенья лучше не сыскать...»
Но тишина. Вдруг рядом — сип
Надменно-тухлый. Рыцарь хватъ
За меч, но слышит кашель гадкий
В углу покоев, вот загадка!
«Эй, мразь трусливая, где ты?
Ответствуй! Не хочу искать...
Мне факел жечь, чтоб видел ты
С кем, глупый червь, шутить изволишь
И гибель тем свою неволишь», —
Взбешенный рыцарь захрипел.
«Всё то, чего коснешься ты,
Умрет.» Не так ли? И был смел
Кто с тем условием согласился,
Ведь он ко многому стремился, —
Раздался шепот ледяной. —
И всем, что мог, почти владел.
Ты знаешь, кто он? Иль самой
Его тебе назвать здесь имя?
И кто услугами моими
Не брезговал, когда желал?
Но он решил сыграть с судьбой!
А кто его предупреждал?
Но отчего же ныне стонешь!
Ведь знал же, знал! — Кого ты тронешь
Так решено! — Умрет. Умрет!
И ты — убийца! Ибо — знал...» —
«Проклятая! Закрой свой рот!
Играть надумала со мною,
Я не боюсь — готовься к бою!» —
Неистов рыцарь, а в ответ
Облезлый хохот: «Эй, вперед!
Да не забудь: ни в темь, ни в свет
Никто узреть меня не может,
Увы, храбрец мой, и ты — тоже». —
«Зачем тогда пришла? Дразнить?
Корить, что позабыл обет?
Не легче ли меня убить,

На что тебе такой я нужен —
Всё потерявший и недужен?
Коли останусь я живым,
Друзьями нам, клянусь! Не быть,
Ступай же прочь, ступай к другим,
Мне всё, и ты мне надоела...» —
«Я позабавиться хотела
В последний над тобою раз.
Прости же шалостям моим
И впредь будь сам себе указ,
Ты скучен и не мил мне боле.
Прощай, глупец, покорный доле,
Не в силах даже отомстить
За смерть Ранелы в тот же час
Ты мне противен, чтоб убить,
Прощай!» — И в комнате молчанье
А ночь с рассветом на венчанье
Уж собирается опять...
Нет жизни, чтобы не сгубить,
Нет правды, чтобы не солгать,
Нет счастья через бессердечность,
А истина — слепая вечность,
А, впрочем, впрочем — все равно...
И утром изумленна рать
Узрела прежнего его —
Без сожаленья, без печали,
Надменный вид, лицо из стали,
Ну, разве, тверже и бледней,
Как будто вовсе ничего
Из суеты последних дней
Его не тронуло нимало,
И просто с пира он, усталый...
Стоит, приказа ждет отряд,
Горячих теребя коней,
И он сказал: «Никто не свят
В проклятом мире дабы где-то
Мог упрекнуть меня за это,
Что волей Господа свершу.
(Я ненавижу этот град,

И в сердце пустоту ношу) —
Поймать немедля, как злодеев,
Всех, что найдете, иудеев,
И в ихнем храме запереть!»
(Я сам солону положу,
Чтоб с ними навсегда сгореть
Могли позор и память сразу...)
Исполнено всё по приказу,
И крики, вопли, стоны, вой
Умело гасят меч и плеть,
Толпу швыряя за толпой
За стены жалкой синагоги
(Вы помните тот день, о, Боги!.)
Вот накрепко засов закрыт,
Облито щедро всё смолой,
И Танкред на коне сидит.
С зажженным факелом спокойный,
И град молчал, БЫТЬ недостойный.
«Вперед!» — и четок шаг коня,
И брошен факел, и горит
В объятых буйного огня
Живой души лоскут последний,
И над землей кружит наследный,
Как боль обуглившихся тел,
Тот пепл до нынешнего дня...
В глазах у Ричарда алел
Пожар безропотно и свято,
Нет жалости, когда — расплата!
И сердце холод навестил,
Ведь и добру же есть предел...
«Теперь и я им отомстил,
И...всем...» — промолвил Танкред вяло,
И с пальца рыцаря упала
Вещица — перстень! — Под коня,
И тот ее копытом вбил, —
Так и не найдена она —
Знак обманувшейся надежды.
А Танкред, словно ветр мятежный,
Ничто не видя пред собой,

Из града гнал и гнал коня,
В простор притихший и чужой,
И тенью вслед ему скакала
Незримая и хохотала:
«Меня ты вновь очаровал,
И мой отныне, только мой...»
И всяк дороги их бежал
Или испуганно молился,
Иль в страхе замертво валился,
Не выдержав тот бег и глас,
А Танкред гнал коня и гнал...
Господь да не оставит нас!

ПОСЛЕСЛОВИЕ ПЕРВОЕ:

Стирая пыль со старых дат,
Я вижу мир, что канул в Лету,
Тот мир доступен лишь поэту,
Что толщъ веков преодолев,
Увидит то, что никогда,
Пусть всяким знаньем овладев,
Историк не узрит дотошный,
Политик не поймет истошный.
Душа людская — вот секрет,
И разницы особой нет —
Иль первый, иль двадцатый век...

ПОСЛЕСЛОВИЕ ВТОРОЕ:

Века, века идут чередой,
Вот заступил и двадцать первый,
И нет надежды, что он — первый
Без дыма, крови, слез, обид,
Привычки, что зовём войной,
Мир неразумный посетит.
В людей, увы, немного веры,
Их заклинать — лишь тратить нервы,
Тому, Господь, тебя молю:
Спаси, коль время есть простить,
Сей мир, страну, детей, семью,
И пособи, пусть всем назло,
Всё человеческое зло
С корнями вырвать навсегда!

1980, 1988-1992, 1998, 2013.